

Бюджет мост — и бюджет рост

Осуществится ли давняя мечта якутян?

Переправа, переправа...

На Дальнем Востоке люди до сих пор — в XXI веке — чувствуют себя отрезанными от остальной России. Не зря ведь в языке сохраняются понятия «Большая Земля», «материк»: жители северных городов и сёл ощущают себя островитянами.

Да что говорить, даже Якутск — центр крупнейшего по территории субъекта РФ, превосходящего по площади Аргентину (!) — даже этот важнейший социально-экономический центр Дальнего Востока живёт островной жизнью. Всё дело в том, что город находится на левом берегу великой сибирской реки Лены, а железная дорога и автомобильная трасса — на правом, в районе посёлка Нижний Бестях.

Летом переправа через Лену — особенно вечером в пятницу или в воскресенье — это сущий ад. Огромные очереди на паромы вызывают конфликты, случаются драки; попытки успеть погрузиться на паром, протолкнуться часто приводят к мелким ДТП. Да и удовольствие это — паромная переправа — недешёвое. Около 1000 рублей для легкового автомобиля с тремя пассажирами, грузовикам и пассажирским автобусам — дороже.

Когда на реке устанавливается лёд, действует зимник. Казалось бы — ситуация становится проще. Однако именно зимой Якутск превращается из прибрежного острова — в далёкий и затерянный в таёжном океане. По ледовому пути — примерно с декабря по январь — могут проехать автомобили с разрешённой максимальной массой примерно до 3–5 тонн. Когда лёд становится толще — грузоподъёмность автомобилей, которые могут выехать на зимник, возрастает, но всё зависит от толщины льда. Поэтому зимой, и особенно в межсезонье, многие грузы, необходимые для жизнедеятельности большого города, доставляются в Якутск только по воздуху. Не нужно быть экономистом, чтобы понять, насколько это дороже и как это влияет на ценообразование и на инфраструктуру города в целом.

Нет, конечно, всегда найдутся водители, которые с риском для жизни поедут по зимнику на грузовых автомобилях с превышением допустимой массы. Но заканчивается это, зачастую, плачевно, как это случилось совсем недавно, в

конце ноября на переправе чуть южнее Якутска. **«Грузовик провалился под лёд на реке Лена в Якутии, по предварительным данным погибли два человека»,** — сообщало тогда «РИА Новости».

Якутск пустился в пляс

В конце ноября, как только стало известно, что Владимир Путин одобрил решение строительства моста через реку Лена, мэр Якутска Сардана Авксентьева предложила горожанам собраться в спортивном комплексе «Триумф», чтобы сплясать осухай — народный танец-хоровод. «Объединим наши мысли ради осуществления мечты! Бары кэлин (приходите все)!», — обратилась она к жителям. Около тысячи человек пришли отпраздновать долгожданное решение президента.

«Ситуация созрела до реализации» — эту резолюцию национального лидера, начертанную его рукой на письме главы республики Айсена Николаева с обращением вновь рассмотреть вопрос о строительстве моста, растираживали местные и федеральные СМИ. Похоже, ситуация и правда сдвинулась с мёртвой точки, раз сам Владимир Владимирович вмешался и уже дал соответствующее поручение правительству. Однако, не всё так просто: ситуация «зреет» уже не только не первый год, но более того — не первое десятилетие...

Глобальная невезуха

Необходимость круглогодичного транспортного сообщения между Якутском, а также всей западной частью республики и Большой землёй, то бишь трассой «Лена», осознали уже давно. Проектирование моста началось ещё в начале 80-х, когда в правительстве СССР утверждали проект Амуро-Якутской железной дороги. Планировали, что магистраль дотянут до Якутска, и соответственно будет возведён железнодорожно-автомобильный мост. К 1986 году было представлено несколько проектов для реализации в течение 10 лет, но ни одному из них не суждено было осуществиться — началась Перестройка, а затем и рухнул Советский Союз.

Строительство Амуро-Якутской железной

№ 6 (124), 2019

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

В оформлении обложки использована
фотография Виктора ХАБАРОВА

Подписано в печать
2 декабря 2019 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ФГУП
«Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ 1105

СОДЕРЖАНИЕ

Регион под микроскопом Иван КОРОТКОВ. <i>Будет мост – и будет рост.....</i>	1
Гипотезы и факты Сергей РЮТИН. <i>Пока безумствует мечта.....</i>	5
Плывёт мой корабль Олег ХИМАНЫЧ. <i>Года стучат по судну «Кострома».....</i>	8
Плывёт мой корабль Юрий ВИЗБОР. <i>В рейсе на «Костроме».....</i>	12
Извлечено из архивов Никита КУЗНЕЦОВ. <i>Драмы и шутки Арктики.....</i>	14
Письмо в редакцию Пётр ЦЫБУЛЬКИН. <i>Кого возвеличиваем?!.....</i>	21
Расследование Александр БИРЮКОВ. <i>Исповедь Туманова.....</i>	22
Проза Юрий БРИЛЬ. <i>Умру, я обещала.....</i>	43
Чукотская рапсодия Сергей СУЩАНСКИЙ. <i>Ушиб сердца.....</i>	54
Надо читать Елена ГАЛИМОВА. <i>Архангельский контекст.....</i>	66
Певекский романтик Сергей СПИРИН. <i>В Арктику мы ещё вернёмся.....</i>	69
Поэзия Юрий МОГУТИН. <i>По рекам Севера, к поморам.....</i>	71
Как это было Вячеслав ОГРЫЗКО. <i>Перед возвращением в Россию.....</i>	74

Очередь на паромную переправу. Фото Дмитрия КРЕЧЕТОВА

дороги в 90-е велось так медленно, что якутяне уже и не надеялись когда-либо увидеть у себя в городе поезд. Вновь об идее всё-таки дотянуть магистраль до Якутска стали говорить в 2006 году, когда Владимир Путин провёл встречу за закрытыми дверями с тогдашним главой республики Вячеславом Штыровым, после чего поручил правительству рассмотреть вопрос о необходимости возведения железнодорожно-автомобильного моста через Лену. Чуть позже проект даже прошёл экспертизу, но потом вдруг решили, что выгоднее строить тоннель. Казалось, ещё чуть-чуть – и приступят к строительству не моста, так железнодорожного тоннеля. Однако к 2012 году проектные сметы выросли настолько, что таких денег в бюджете не нашлось – всё-таки 79 млрд рублей (с подъездными путями и того больше) для такого, пусть даже и очень крупного и важного, инфраструктурного объекта – это немало.

Из соображений экономии в министерстве транспорта было решено отказаться от железнодорожного моста, и возводить только автомобильный. Но и тут Якутии не повезло – и опять по причинам, связанным с глобальной геополитикой. В марте 2014 года, как раз, когда уже состоялись торги за право заключения концессионного соглашения для строительства, Россия присоединила Крым, и возникла необходимость срочно думать о совсем другом мосте – через Керченский пролив.

Китайский вариант

В 2015 году якутяне возлагали надежды на китайцев. В рамках II Российско-Китайского ЭКСПО обсуждали возможность участия в строительстве моста инвесторов из Поднебесной,

которые серьёзно преуспели в строительстве такого рода объектов. На официальной встрече в Харбине, в которой приняли участие представители министерства транспорта РФ и правительства Республики Саха, китайской стороне предложили обратиться с частной инициативой к правительству России. Пресса отмечала, что по словам Ираиды Гермогеновой, тогдашнего заместителя министра транспорта и дорожного хозяйства республики, «Дальневосточная компания 24-го бюро китайской железнодорожной строительной корпорации» выйдет уже с готовым частным концессионным предложением в правительство РФ, где будут указаны и сроки, и объём финансирования проекта». Стоимость проекта оценивалась в 55-64 млрд руб., а завершить строительство в правительстве Якутии мечтали к 2022 году – к столетию образования Якутской АССР.

Но и тогда что-то не сложилось – Восток, как говорится, дело тонкое.

Наконец-то будет мост!

Летом этого года открыли пассажирское сообщение до станции Нижний Бестях, того самого посёлка, что расположен на правом берегу Лены – напротив Якутска. До этого момента участок железнодорожной магистрали Томмот – Нижний Бестях находился во временной эксплуатации – по нему ходили только грузовые поезда.

Но железной дороги в самом Якутске, похоже, не будет. Возведение железнодорожного моста через могучую северную реку – сложнейшая инженерно-техническая задача, реализация которой стоит слишком больших денег.

Однако, жителей Якутска это не сильно рас-

Один из проектов мостового перехода через великую сибирскую реку

страивает. Главное – их чаяния услышали на самом верху. **«Наконец-то будет мост!»** – передаёт «ИА Regnum» слова одного из горожан. Пусть и автомобильный – хотя бы какой-нибудь.

Помимо удобства для якутян и гостей республики, существует конкретная экономическая выгода в случае возведения моста. Как отмечают эксперты, значительно снизится себестоимость продуктов, кроме того, наличие мостовой переправы позволит сэкономить на северном завозе не менее 4 млрд руб. ежегодно, позволит создать в городе транспортно-логистический узел, объединяющий железную дорогу (Нижний Бестях при наличии моста быстро вольётся в агломерацию Якутска), речной и авиационный транспорт, а также три региональные автодороги. По некоторым оценкам, последнее приведёт к росту в регионе грузоперевозок в три раза, а значит и в целом – к экономическому росту региона.

Глава Якутии надеется, что если стройку начнут в 2020 году, в 2025-ом можно ждать запуска автомобильного сообщения, что станет важнейшим шагом для воссоединения во многом разорванной на данный момент инфраструктуры не только республики, но и в целом – Дальнего Востока.

Остаются вопросы

Не обошлось, кстати, и без китайцев – один из двух существующих на сегодняшний день проектов принадлежит китайской компании PowerChina International Group. Второй вариант предложен российскими инвесторами – группой компаний «ВИС».

Какой проект выберут и будут ли ещё варианты

пока не ясно – правительству ещё предстоит вынести своё решение на основе поручения президента. Вызывает вопрос и дороговизна проекта, по словам главы республики Саха, сейчас он оценивается примерно в 83 млрд руб. Полпред президента РФ в ДФО Юрий Трутнев уже заявил, что вливание бюджетных средств в строительство моста будет неэффективным. В связи с этим, пока не понятно, как будут поделены расходы между средствами инвесторов, федеральными и региональными бюджетами и что же окажется в итоге в приоритете – дешевизна или качество?

Скепсис вызывают и озвученные Айсеном Николаевым сроки. Учитывая наши российские реалии и многострадальную историю моста, удастся ли реализовать проект к 2025 году?

Кроме того, уже сейчас у населения возникают опасения – как бы проезд по мосту не оказался платным для всех. Пока обещают, что брать деньги с жителей никто не будет, финансовая нагрузка, связанная с возмещением средств инвесторам полностью ляжет на грузоперевозчиков, легковые автомобили поедут бесплатно. Но многие относятся к этому с недоверием.

И главный вопрос – поможет ли якутянам добиться строительства долгожданного моста та информационно-медийная кампания, которую развернула команда Николаева? Не окажутся ли все эти попытки ухватиться за поддержку президента, ритуальные танцы и автопробеги (была и такая акция) – бессмысленными?

Сбудется ли давняя мечта якутян, или вновь в дело вмешаются глобальные процессы, экономические и политические факторы, и окончательное решение о строительстве моста, извините за каламбур, так и повиснет в воздухе?

Вопрос важный, болезненный и до сих пор – открытый.

Иван КОРОТКОВ

Сергей РЮТИН

Пока безумствует мечта

Экологи нашего времени утверждают – среда ухудшается вследствие интенсивного сжигания минерального топлива, за последние годы количество углекислого газа в атмосфере увеличилось, и это приводит к глобальной опасности для людей – возникновению парникового эффекта. Углекислый газ как парниковое стекло пропускает солнечные лучи, но задерживает тепло нагретой поверхности Земли. В результате этого повышается средняя температура воздуха. Цифры приводят такие. Если 100 лет тому назад содержание углекислого газа в воздухе было 0,0298%, то теперь 0,0318%. В городах – ещё выше. Таков в общих чертах «символ веры» климатистов-антропогенистов. Но так ли это на самом деле?

Антинаучная идеология в виде «изменения климата» и охоты на CO₂ за короткий срок стала доминировать в общественно-политическом пространстве, и лишь немногие люди науки решаются бросить вызов этой химере. Таковые, правда, находят-ся, и мы к ним ниже вернёмся. Вера в потепление/изменение является квазирелигиозной, как заметил геолог Роберт Гигенгак. Действительно, реальными научными данными не подтверждённая, она базируется в основном на фабрикуемых год за годом климатических компьютерных моделях. Чисто физические наблюдения за различными регионами планеты указывают, скорее, на похолодание. Но посмотрим на эти и иные феномены мысли шире.

Так, в мире совсем недавно ещё безумствовала мечта о контактах с инопланетным разумом, был выпущен на экран даже фильм с таким названием по роману Карла Сагана. На протяжении десятилетий большинство учёных отвергало уфологию, избегая дискуссий с заинтересованными группами, может быть и справедливо. Но сама идея поиска внеземных цивилизаций в общем способствовала реальному прогрессу, неожиданным техническим решениям и, в конце концов, научным прорывам. Проще говоря – стимулировала творческую мысль. Не сам поиск «зелёных человечков» был важен, а контекст, стремление вот этого прыжка в запредельное. Причём, на чисто научной основе. Идеологи палеоконтактов (самый знаменитый из них – Эрих фон Дэникен) исследовали геотектонику, архитектуру, наскальные рисунки. Тот же Дэникен популяризировал свои исследования в книгах и фильмах. При фантастичности его выводов, материалы он представлял вполне реальные. И проект

(Стратегическая оборонная инициатива) возник как побочный продукт стремления к контакту, хотя многие назовут данное утверждение спорным. И баллистические ракеты были созданы в качестве потенциальной обороны от пресловутых «летающих тарелок», могущих нести агрессивные намерения. Подобное обсуждалось в журналах, посвящённых НЛО.

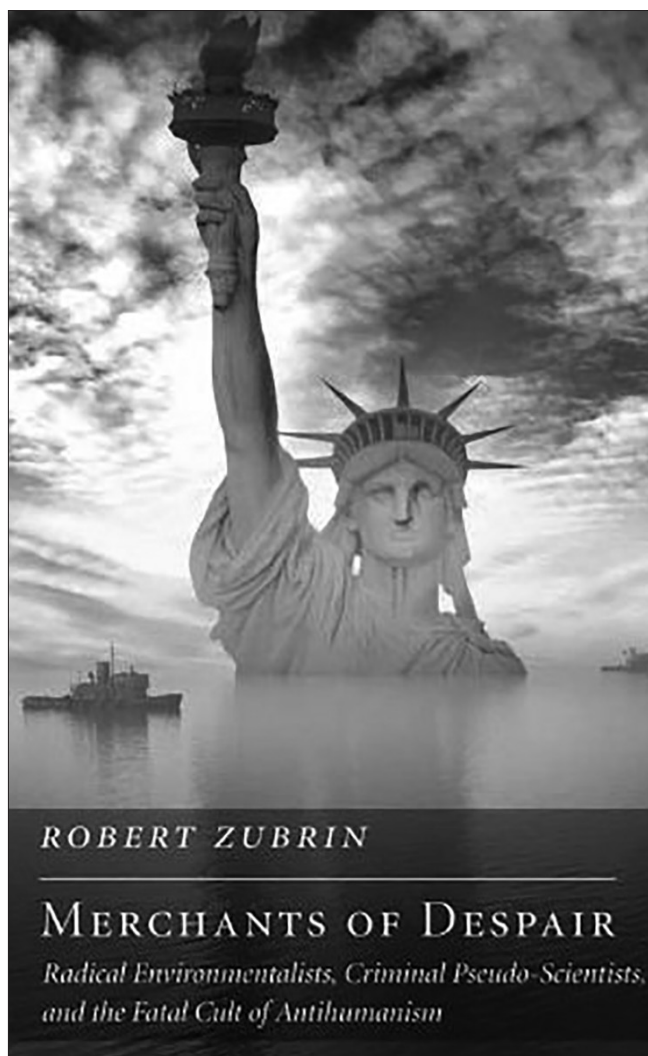
Сама тема науку и технику не отвергала, подобно современному луддизму в исполнении энвайронменталистов, борющихся с двигателями внутреннего сгорания, ископаемым топливом и углекислым газом. И вообще – прогрессом как таковым. Дошло до того, что термин «прогрессивный» уже означает нечто противоположное. Это подмена смыслов, но исталлирована и замена контекста. Спорные гипотезы об «антропогенном» изменении климата стали влиять на политические программы партий и даже сформировали повестку ООН на XXI век. Очевидно, что гипотеза о существовании во Вселенной иного разума была бы более оптимальной для оберетения в том числе и новой политической дее-способности. А вот безумный поиск CO₂ в атмосфере явно гасит разум и вызывает уже реальных антропогенных чудовищ. Если совсем упростить, то искатели НЛО предлагали выход за стены и границы, климатисты же предлагают загоны, лагеря и пещерный быт с легализацией каннибализма. Последнее не шутка – активисты заявляли и писали об этом несколько раз только в этом году. Если ранее казавшаяся фантастичной гипотеза антропогенного изменения климата

всё-таки стала основой политической Повестки 2030, то возможно ли представить такой базой поиск разумных сигналов во Вселенной? Положительный ответ дал в 1972 году фантаст, лингвист и филолог Джеймс Эдвин Ганн в своём произведении «Слушающие» (Listeners). Этого автора с полным основанием можно назвать именно научным фантастом с ударением на первом слове. В романе, вышедшем задолго до сагановского «Контакта», Программа поиска радиосигналов постепенно становится ориентиром для нового мира и стабилизирует общественные отношения. Ганн моделирует систему, где доминирует глобальный подход к проблемам, в частности допускает появление в будущем Управления по делам природной среды искусственно модифицирующего климат с перспективой централизации контр-

оля над погодой под эгидой Объединённых наций. Наука, техника, технологии и производство отличают видение автора от утопий экологов, намеренных обратить вспять 250 лет индустриальной эпохи.

Интересно, что современный американский писатель и публицист Сэм Кин, близкий к энвайронменталистскому подходу, проводит оригинальную параллель между климатическими исследованиями и уфологией. В книге «Последний вдох Цезаря» Кин утверждает, что, возможно, мы никогда не научимся подстраивать погоду под собственные нужды. Влияние человека на климат он не отрицает. И переходит к перечню учёных прошлого, утверждавших ещё задолго до Сагана наличие жизни за пределами Земли. В этом списке оказался Иоганн Кеплер, уверявший, что нашёл доказательства развитой цивилизации на Луне.

Уильям Гершель нашёл такие доказательства на Солнце. Об инопланетянах писали Иммануил Кант, Христиан Гюйгенс, Карл Гаусс, Бенджамин Франклин. С таким бэкграундом тема уфологии как таковой перестаёт быть выдумкой для идиотов. Перед стартом «Викинга» на Марс в 1970-х Карл Саган заявил журналистам о возможности обитания на Красной планете организмов самого разного размера – от муравья до белого медведя. Сама фигура Карла Сэга стала образцом для последующего дублирования типажа Mad Professor (безумного профессора). В книге Сэма Кина приводится весь политэкологический набор из угроз «кислотных дождей», «истощения озона» и роста объёмов углекислого газа. Но и к теме поиска внеземной жизни он обращается непосредственно. Кин объективно раскрывает реалии произошедшего в Розуэлле в 1947 году, публикуя данные об атмосферных исследованиях Мориса Эвинга, геофизика, работавшего тогда на военных по контракту. Именно его технологии положили начало глобальному «сериалу» о «пришельцах». Короче, Сэм Кин даёт немало адаптированной научной информации, кото-

рая позволит при применении критического подхода освоить новый взгляд на вызовы цивилизации.

Кстати, заметим, что в целом будучи продуктом Холодной войны актуальная уфология была негласно легализована и в СССР. Вспомним хотя бы нашумевшую публикацию в газете «Труд» от 30 января 1985 года. (В ней описывались наблюдения пилотов пассажирского авиалайнера над Минском в 1984 году).

Итак, дискуссии вокруг «НЛО» способствовали – в общем и целом – продвижению науки и новейших технологий. Навязывание доктрины «устойчивого развития», тесно связанной с психозом климатизма – способствует демонтажу развитых обществ. Тот же Роберт Гигенгак указывает, что «консенсус» по данному вопросу стал чисто политическим, кампания за ограничение «выбросов» углекислого газа носит полурелигиозный характер (вспомним «святую» Грету с её «иконами» в Сан-Франциско, например).

Гигенгак не одинок: с ним солидарны современные исследователи – климатолог Рой Спенсер, доктор Ричард Линдзен, доктор Джудит Карри, доктор Роберт Пилке. И главное – соучредитель «Гринпис», перешедший на сторону скептиков – Патрик Мур. Он резко осуждает климатических алармистов.

Ещё один аспект – психологический. Популярная и распространённая в поп-культуре тема «похищений» землян инопланетянами имеет вполне химическое – или даже биологическое (и именно что антропогенное в данном случае!) обоснование. Но подобные исследования уже не приветствуются. Стала неожиданно продвигаться тема трансгендеров. Химия перешла на службу уже явной мафии (бигфарма). Потенциальное погружение в глубины сознания заменяется новой лоботомией. И это путь нового «прогресса»? Видимо, да.

Закончим упоминанием физика-ядерщика, основателя Марсианского общества Роберта Зубрина. Сэм Кин упоминает идею терраформирования (также террафикация), что означает искусственное придание Луне и планетам земных свойств. Кин «забывает» автора и основного лоббиста этой смелой и по-настоящему революционной идеи – Роберта Зубрина, кстати резко критиковавшего в своей книге новоявленных адептов «сохранения среды» и бесчестной торговли ею.

Яркие идеи продолжают прорываться и пока безумствует мечта – дело науки ещё не погибло, это очевидно.

Года стучат по судну «Кострома»...

*Как порой создаются легенды,
а также о морской стезе Юрия Визбора*

Из многих тысяч кораблей, веками обживавших Мировой океан, не многим выпадает стать героями литературных произведений. Скромной труженице наших северных морей «Костроме», можно сказать, повезло дважды, ведь известный наш бард Юрий Визбор посвятил ей сразу две свои песни – собственно «Кострома» и «Три минуты тишины». Их он привёз из командировки на Север...

Большинству Визбор знаком как поэт, исполнитель авторских песен, рождённых на волне сильного творческого резонанса 60-х. Ещё он известен как киноактёр, сценарист и режиссёр документальных фильмов. В среде истых знатоков-почитателей его также знают как путешественника, заядлого, опытного альпиниста и арктического странника. Северный морской путь был пройден Юрием Визбором от Мурманска до Чукотки, видел он и Землю Франца-Иосифа, а потому в каталоге его песен находим: «Я иду на ледоколе», «Новая Земля», «Песенка о ЗФИ», «Чукотка», «Бухта Певек»... Была и проза – очерки, рассказы, заметки. К сожалению, Визбор достаточно поздно решился опубликовать свои дневниковые записи. А они познавательны, точны на образы и просто любопытны. Их надо читать. Чтобы ощутить удивительную ауру океана и ещё раз убедиться – с Севером, с Арктикой автор связан глубокими впечатлениями. Первой крупной публикацией Визбора о командировке в море стал очерк «Кострома», моя «Кострома»...

Читайте эпитафии, господа

Осенью 1994-го в «Северном рабочем» появилась небольшая информация о том, как сухогрузное судно «Кострома» – транспорт Беломорской военно-морской базы, трудится в каботаже. И заголовок той заметки мне помнится – «Герой Юрия Визбора возит кирпичи». В ту навигацию «Кострома» и в самом деле развозила по воинским точкам на побережье строительные материалы. Но с броским заголовком автор поспешил, утверждая, что именно этому судну посвящены известные поэтические строки. Журналисту прежде следовало внимательно прочесть эпитафию к стихотворению «Три минуты тишины» – в сборниках Визбора он приводится: «Неласковое небо, – сказал капитан. – К непогоде. Снова нам нордост на переходе будет в зубы тыкать». Капитан думал о погоде и рыбе. Я думал о словах, в которые предстояло втиснуть всё то, что увижу

в Норвежском море, на борту
рыболовного траулера
«Кострома». Я хотел написать об этом песни...»
И дальше уже знакомое:

**По судну «Кострома»
Стучит вода,
В сетях антенн
Качается звезда...**

Совершенно определённо – в песне поётся не о сухогрузе, а о траулере – мурманском промысловике, на борт которого весной 1965 года поднялись московские журналисты – корреспондент радио Юрий Визбор и фотокор Эдуард Кравчук. Листаем документы... Траулер РТ-233 «Кострома». Судно финской постройки 1956 года. Регистровый номер – М-16942. Вместимость – 244 тонны. Водоизмещение 640 тонн. Длина – 60 метров, ширина – 9. Угольщик. Шведская паровая машина. Ход – 12 узлов. Позывной – UOQJ.

Рыболовный тральщик РТ-233 «Кострома»

А что до «Костромы», которая развозила кирпичи, так это судно-тёзка и, к слову, почти ровесник мурманского траулера. Кстати, возможно этим и объясняется, почему впал в заблуждение автор заметки в «Северном рабочем». Однако «легенда» о том, что на военном транспорте «Кострома» ходил сам Юрий Визбор, оказалась удивительно живучей, в неё верили иные моряки. И в Северодвинске тоже.

Беломорская тёзка

Военному транспорту «Кострома» судьба выпала «провинциальная»: без океанских переходов и заграничных портов – только малый каботаж. Он возил не более 900 тонн груза, ходил не резво – 10 узлов и чувствовал волну уже при четырёх баллах, но здесь, на Севере, оказался незаменимым, доставляя на рейды поморских поселений, маячных станций, береговых воинских «точек» всё, без чего невозможны служба и жизнь дальних посёлков и гарнизонов.

В 1995-м «Кострома» зимовала в Северодвинске. Стилым ноябрьским днём я долго ходил по её палубам, с любопытством подмечая патриархальные детали в корабельном облике, оборудовании и оснастке – такие суда уже были редкостью. «Кострому» построили в 50-м поляки. Металл для корпуса брали советский, машину ставили немецкую, было итальянское, иное заграничное оборудование. Однако всё, так сказать, собранное с миру по нитке, очень удачно дополнило друг друга в целом. Из судов своей серии «Кострома» трудилась дольше всего. Всех уже «распилили на иголки», а она всё тянула свой каботаж.

Сорок пять навигаций – солидно для любого корабля, но чтобы столько плавать без серьёзных поломок и ремонтов, это большая редкость в российском флоте. Секрет этого долголетия «Костромы» заключался ещё и в том, что командный состав на судне отличался редким для каботажного постоянством. От поляков транспорт принял Константин Захарович Климов и командовал очень долго – до 1987-го. Позднее был Юрий Анатольевич Котцов, а уже потом пришёл Алексей Германович Тетерин – исключительно аккуратный капитан. Это чувствовалось во всём: как вычищены от снега палубы и трапы, как сколот лёд с планширей и лееров, как обжита ходовая рубка и празднично сияют начищенные корабельные медь и латунь, как чисто прибрано в машине... Обычно у старых вояк-транспортов довольно неряшливый вид. Здесь же всё было не так. Тогда же механики «Костромы» уверяли меня – корпус надёжен, машина отлажена как часы, и ходить судну ещё лет десять...

Но через четыре года «Кострому» всё же поставили на отстой в Лайском доке. А что такое отстой? Первый шаг к утилизации. Этот шаг «Костромы» был коротким – её тут же безжалостно разграбили. Изуродованное судно потом без конца переставляли от причала к причалу как докучливый объект. В конце концов за дело взялись газорезчики.

Рыбацкий румб

С мурманской «Костромой» Визбора свёл случай. В мае 1965-го они с Кравчуком собрались в рейс на другом судне, и уж пожитки в каюте разложили, как вдруг Регистр «задробил котёл» парохода. Тогда корреспонденты

спешно собрались и перебежали на траулер «Кострома» – тот отчаливал через два часа.

Очерк Визбора о рейсе на «Костроме» лишён возвышенной риторики, но в описании рыбацких будней автор остался поэтом. Скажем, начало пути – Кольский залив у него – «круглосуточный парад судов, дорога встреч, улица встреч, по которой идёшь на работу...». И дальше от Мурманска – «Вода вдоль северных берегов Норвегии людна и оживлённа, как субботний проспект»... «Справа море, слева море, впереди и сзади море, посередине – наша рубка. Со всех сторон горизонт», – это уже говорится о районе промысла. Здесь Визбор тоже находит любопытные образы: «мачты, воткнутые, в серые низкие облака», «море, заросшее корабельными трубами», «вершины волн – казацкие гривы», «куски моря, падающие на палубу»...

В ту пору на «Костроме» капитанил Иван Харитонович Василенко. Визбор не пишет его портрет, но с самого начала представляет кратко и однозначно – замечательный человек. И дальше мы сами в том убеждаемся – как в будничных эпизодах путины, так и в часы на редкость свирепого шторма.

Рассказывая об экипаже, Визбор очень нем-

ногословен, говорит о нём как о команде профессионалов, опытных людей, которых накрепко объединила цель, восхищается ими: «Это большое наслаждение – смотреть, как работает слаженный коллектив», и никого персонально не выделяет. Краеоведам, которые вознамерятся разыскать рыбаков «Костромы» 1965 года, лучше сразу обратиться в архив за судовой ролью. А в очерке, помимо капитана, упоминаются только второй штурман Пётр Дмитриевич – его фамилия не называется, кочегар Владимир Гущин, консервный мастер по фамилии Меринов и радист Николай Павлович Кокорин...

К слову, замысел, а быть может, и сама песня «Три минуты тишины» родилась в радиорубке «Костромы». Два раза каждый час в морском эфире наступает тишина – на три минуты. Это – СП – особый обет молчания на волне 500 метров, когда радисты только слушают – не зовёт ли кто на помощь. «У моря много законов, первый из которых – помощи, – пишет Визбор. – Брось все свои дела, рискуй кораблём и жизнью своих матросов, но помощи, ибо ты исполняешь великий закон моря. Если ты не поможешь мне, кто же поможет тебе? Вот почему эти три минуты вся Земля слушает тишину»...

Военный транспорт (ВТР)
«Кострома» Беломорской Военно-
морской базы

Последние дни ВТР «Кострома» на
судоразделке в Лайском доке

Кульминационные моменты рыбацкого труда Визбором передаются динамично, но ёмко. Первый подъём трала – один из таких: примета есть – в первый день повезёт, будет рыба...

«Ох, как хочется поскорее узнать, что там, в первом вынутом из моря трале? Вся команда – на одном борту. Все ждут. Надрывается и хрипит брошенный всеми динамик, созывая капитанов на радиосовещание. Не до того! Трал поднимаем! И вдруг в верхнем зелено-голубом слое воды я замечаю какую-то перемену. – Смотри – кричит капитан – смотри! Я смотрю. Море белеет и вспенивается, словно из его глубины собирается всплыть подводная лодка. И через секунду уже можно разобрать под толстым одеялом воды ячею трала и кумачовый цвет улова. Золотистый окунь – вот что мы ловим. Как торпеда, вытолкнутый из моря архимедовыми законами, всплывает трал, полный рыбы...».

Позднее – тяжёлая, изнурительная и неустанная борьба за улов...

«...Ветер со снегом в лицо, капюшон смерзается с волосами, рядом у локтя, у плеча ревёт море – противник, не знающий правил в игре... Ничего не слышно, крик стоит над кораблями, голос человека должен перекрыть голос моря. Ручьи воды стекают с плеч, подбородков, рук. Море, оно не любит слабых. Море – оно само отдел кадров. Отбирает только

смелых. Слабые уходят сами. Нет, нелёгкий это заработок – ловить рыбу... Всё теперь смешалось на «Костроме». Дня нет. Ночи нет... Идёт рыба! Некогда перекинуться парой слов, некогда смахнуть снег с бровей. Большая рыба – большая работа!»

Тогда же ещё одной рыбацкой примете Визбор посвятил шуточный стих, в первых строках которого:

**У рыбаков повсюду
Примета из примет:
Корреспондент на судно –
Улова нет как нет...**

Нет, не сбылось это поверье. Из майского рейса 1965 года «Кострома» пришла хотя и покалеченная жестокими штормами, но с полными трюмами рыбы – таких уловов на Копытовской банке не помнили с дедовских времён. Капитан Василенко довольно улыбался, Визбор заметил: «Как будто выиграл в лотерею сборно-щитовой домик»...

Юрий Визбор и сам был удачлив и, верно, приносил удачу другим.

Олег ХИМАНЫЧ,
морской историк

г. СЕВЕРОДВИНСК,
Архангельская обл.

Юрий ВИЗБОР

В рейсе на «Костроме»

ТРАЛФЛОТ

Ты думаешь так: капитанская кепка,
Прощальный гудок, в море вышел рыбак.
Ты в этом во всём ошибаешься крепко, –
Всё вроде бы так, а вообще-то не так.

Я в рубке стою, я ору беспрестанно,
Я чистый пират: пистолет и серьга.
Матросов своих, наименее пьяных,
Я ставлю на вахту – стоять на ногах.

Держитесь, ребята, пока не отчалим!
Тралмейстер толкнул сапогом материк.
Два дня нас качали земные печали,
Теперь успокоит нас Север-старик.

По белой ладони полночного моря
Плывёт мой корабль – представитель земли,
И Кольский залив нам гудками повторит
Слова, что нам жёны сказать не могли.

Слова, что любовницы недошептали,
Слова, что текли по подушке слезой,
И даже слова, о которых молчали
Спокойные девушки, что на разок.

А нам-то чего – мы герои улова,
Нам море пахать поперёк изобат.
Мы дали начальству железное слово –
Повысить задание, судьба не судьба.

Вот так мы уходим, мой друг, на рыбалку,
Вот так будет завтра и было вчера.
И вахту ночную с названием «собака»
Стоим и хватаемся за леера.

И если осудит нас кто за усталость –
Пожалуйте бриться, вот мой пароход.
Ты с нами поплавай хоть самую малость,
Потом же, товарищ, сердись на тралфлот.

ТРИ МИНУТЫ ТИШИНЫ

По судну «Кострома» стучит вода,
В сетях антенн качается звезда,
А мы стоим и курим – мы должны
Услышать три минуты тишины.
Молчат во всех морях все корабли,
Молчат морские станции земли,
И ты ключом, приятель, не стучи,
Ты эти три минуты помолчи.

Быть может, на каком борту пожар,
Пробоина в корме острей ножа?
А может быть, арктические льды

Корабль не выпускают из беды?
 Но тишина плывёт, как океан.
 Радист сказал: «Порядок, капитан».
 То осень бьёт в антенны, то зима,
 Шесть баллов бьют по судну «Кострома».

КАПИТАН

У рыбаков повсюду
 Примета из примет:
 Корреспондент на судно –
 Улова нет как нет.
 Конечно, это шутки –
 Работаешь, не ждёшь.
 Бывает, что за сутки
 Недельный план возьмёшь.
 Бывает и другое.
 Но труд везде один.
 Судьба – она судьбою,
 А ты вперёд гляди...
 И под конец резонно
 Добавил капитан:
 – У рыб – свои законы,
 У рыбаков – свой план.

«КОСТРОМА»

То ли снег принесло с земли,
 То ли дождь, не пойму сама.
 И зовут меня корабли:
 «Кострома», – кричат, – «Кострома»!

Лето мне – что зима для вас,
 А зимою – опять зима,
 Пляшут волны то твист, то вальс,
 «Кострома», – стучат, – «Кострома»!

И немало жестоких ран
 Оставляют на мне шторма,
 Что ни рейс – на обшивке шрам.
 «Кострома», держись, «Кострома»!

Но и в центре полярных вьюг,
 Где, казалось, сойдёшь с ума,
 Я на север шла и на юг –
 «Кострома», вперёд, «Кострома»!

Оставляю я след вдали,
 Рыбой тяжки мои трюма,
 И антенны зовут с земли:
 «Кострома», моя «Кострома»!

Привезу я ваших ребят
 И два дня отдохну сама,
 И товарищи мне трубят:
 «Кострома» пришла, «Кострома»!

СТАРМЕХ

На море снег, на море снег,
 Вот две воды собрались вместе.
 Вздыхая на крутой волне,
 Наш «рыбачок» квадрат свой крестит.
 И чей-то плач и чей-то смех
 В радиogramмы проникает
 Голубоглазый мой стармех
 Экзюпери всю ночь читает.
 На море снег, на море снег.
 Ночной полёт. И почта срочна.
 Ты приготовься, мой стармех:
 Пилот погибнет. Это точно.
 Стармех бросает коробок
 И курит «Солнце» – сигарету.
 К стеклу прильнув широким лбом,
 Глядит на мокрую планету.
 Ты сам мне лучше расскажи,
 Как ты в ночи неразрешимой
 Метелей белые ножи
 Разламывал своей машиной.
 Как, пробиваясь через льды,
 Где – помнишь? – винт своё не дожил,
 Корабль твой вышел из беды,
 На айсберг с мачтами похожий.
 И как вставали корабли
 Поверх волны – и зло, и круто.
 И Антуан Экзюпери
 Вот здесь скрестил с тобой маршруты.
 На море снег, на море снег,
 И не видать в погоде сдвига.
 Рукой замасленной стармех
 Сжимает маленькую книгу.
 Издалека, издалека,
 У океанов в изголовье,
 Запрятав мачты в облака,
 Идёт наш тральщик. Рыбу ловит.

Никита КУЗНЕЦОВ,
кандидат исторических наук

Драмы и шутки Арктики

За двадцать с лишним лет исследований архивных материалов по темам, связанным преимущественно с историей флота, а также различными аспектами освоения Арктики, мне попалось немало интереснейших документов, напрямую никак не касались изучаемой мною проблематики. Некоторые из них оставить без внимания было просто невозможно ввиду любопытного содержания, ярко выраженного колорита эпохи, неожиданных сторон, с которых открывались те или иные персонажи (как известные, так и не очень). Постепенно у меня набралась немалая подборка такого рода выписок.

Может быть, слово «побасёнка» — «анекдот, коротенький, забавный рассказец» (по «Толковому словарю живого великорусского языка» В.Даля) подходит и не ко всем собранным мною историям, но в нём тоже есть некий колорит, да и оно просто нравится автору.

Документы и фрагменты из них публикуются в хронологическом порядке. Большинство стилистических особенностей документов сохранено, в ряде случаев исправлены явные опечатки.

Волчок на довольствие

Пожалуй, все, кто интересуется Арктикой, читали о том, как полярники, моряки, либо военные приручали белых медвежат. По страницам книг и журналов «гуляет» немало трогательных фотографий, на которых изображены суровые мужики, обнимающие «беззащитного» трогательного зверька. Увы, в большинстве случаев подобные истории заканчивались трагически, как для людей, так и для медведей.

В середине 1920-х гг. служащие радиостанции, расположенной на Диксоне, решили приручить... волчка. 2 июля 1925 г. Начальник радиотелеграфного отделения Управления по обеспечению безопасности кораблевождения в Карском море и устьях Сибирских рек (Убекосибирь) М.М. Шунько (опытный радист и полярник, в 1914–1915 гг. служивший в Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на транспорте «Таймыр») обратился к начальнику управ-

ления Н.Ф. Тимофеевскому с рапортом следующего содержания:

«Прошу зачислить в штат рации Диксон и на довольствие приобретённого волчка по кличке Вася с 1-го июля с. г.».

ИА 00. Ф. р-31. Оп. 2. Д. 41. Л. 217.

На документе нет какой-либо резолюции, не обнаружен и ответ на него. Но вполне можно предположить, что решение о зачислении волчка на довольствие было положительным. Гибрид домашней собаки и волка – не редкость на Севере до сих пор.

Из истории арктического туризма

Со времён активного проникновения человека в различные регионы Арктики (примерно с конца XIX века), а также в связи с развитием техники, самые разные люди стали задумываться и об арктическом туризме. В нашей стране на сегодняшний день он существует, в основном, в двух вариантах – в формате круизов к Северному Полюсу на атомных ледоколах, доступных лишь очень богатым людям и

путешествий, периодически организуемых опытными туристами. В последнем случае речь, идёт, скорее, об экспедициях. Есть и отдельные энтузиасты, пытающиеся развивать традиционный туризм (преимущественно на Чукотке), но из-за сложной логистики и высокой стоимости едва ли в ближайшие десятилетия Арктику ожидает наплыв любопытствующих, желающих сфотографироваться с белым медведем или купить магнитик в зале отлёта аэропорта Диксон... И, наверное, это не так уж плохо...

После признания СССР большинством западных государств, постепенно прекратились активные попытки выдвижения территориальных претензий на арктические владения (наиболее яркий пример – действия канадцев и американцев на острове Врангеля, контроль над которым был установлен Советским Союзом в 1924 г.) и агрессивная торговая экспансия. Стали развиваться научные контакты (начавшиеся ещё в дореволюционное время), появился интерес к Арктике и у иностранных туристов.

Летом 1931 г. состоялся первый (и единственный) научно-туристический рейс к Земле Франца-Иосифа и в северную часть Карского моря ледокольного парохода «Малыгин», организованный «Интуристом».

21 апреля 1933 г. помощник начальника Управления обслуживания государственного акционерного общества «Интурист» Грицман и ответственный исполнитель по маршрутам Федорович направили письмо ответственному секретарю недавно образованного Главного управления Северного морского пути Л.Ф. Муханову. В письме говорилось следующее:

«В подтверждение наших телефонных переговоров просим дать нам ответ по нижеследующему вопросу:

К нашей Нью-Йоркской конторе «Интуриста» обратился один адвокат из Бостона – м[истер]р Джон Горвард со следующей просьбой.

Он желает приобрести тур в нашу Арктику на любом из наших ледоколов, отправляющихся на Север [с целью] сменить людей на наших станциях или привезти им продовольствие. Туристу безразлично, какой это будет ледокол, комфорт его мало интересует и единственная цель его поездки – охота на белых медведей, тюленей и моржей и фотографические снимки с охоты. Убитые животные предназначаются им для различных музеев Америки, в том числе и для музея Гарвардского университета. Турист много охотился, побывал в разных странах всего мира и охота в других местах СССР его не интересует. Он является членом известных спортивных клубов Америки, где он читает доклады с показом картин о своей охоте.

Максимальное время, которое он может провести в Арктике – один месяц.

М[истер]р Горвард не возражает против поездки на любом, даже маленьком пароходе, которые обычно отправляются на наши северные станции. Просьба сообщить нам срочно о возможности такой поездки, о её стоимости, какой пойдёт ледокол или пароход и продолжительность рейса в Арктику».

РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 36. Л. 280.

Вскоре (дата на документе не очень разборчива – 23 или 29 апреля 1933 г.) Муханов дал ответ в «Интурист»:

«Главное управление Северного Морского пути при СНК Союза ССР на Ваш запрос сообщает, что все суда, идущие в Арктику в этом году имеют продолжительность [рейса] не менее полутора мес[яцев]. Мы, со своей стороны, не возражаем против поездки на ледоколах мистера Джона Горвард, изъявившего желание принять участие [в арктическом плавании] в качестве охотника. Вы пишете, что комфорт мало интересует мистера Джон Горвард (по справедливости сказать, мы бы его при всём желании не могли предоставить). ГУСМП считает, что за поездку мистера Горвард «Интурист» внесёт в последующем договоре обусловленную сумму.

Из Вашего письма видно, что максимальное время, которое Горвард может провести в Арктике, рассчитано на 1 месяц. К великому сожалению такой поездки у нас не предвидится. В случае, если мистер Горвард пожелает продлить своё пребывание в Арктике, просим поставить нас в ближайшее время в известность. За стоянки, требующиеся для охоты, мистер Горвард должен будет платить особую сумму.

Об окончательном нашем соглашении я думаю, мы договоримся, когда Вы получите письмо из Вашей Нью-Йоркской конторы «Интуриста» с сообщением мистера Горвард о желании его поехать в Арктику на срок от полутора до двух месяцев, т. е. то время, которое необходимо советским экспедициям для очередной работы».

Там же. Л. 279 – 279 об.

Состоялась ли поездка Дж. Горварда в Арктику – неизвестно. Во всяком случае, никаких её следов пока не выявлено как в архивных документах, так и на просторах Интернета. Думается, что в 1933 г. лозунг «стране нужна валюта!» был весьма актуален и разрешить взять на борт одного из пароходов американца-охотника власти вполне могли. В дальнейшем началось «закручивание гаек» (несмотря на то, что нужда в валюте отнюдь не уменьшилась), всё большую роль в освоении Арктики стал играть принудительный труд заключённых и, как говорится, «только иностранцев там ещё не хватало». А 5 мая 1938 г. начальник Главсевморпути О.Ю. Шмидт подписал приказ о запрете охоты на белого медведя, численность которого сократилась к тому времени очень серьёзно из-за действий человека.

Четыре года спустя после обращения Дж. Горварда об относительно массовом арктиче-

ском туризме для своих граждан задумалось советское руководство. 4 декабря 1936 г. на страницах ленинградской «Красной газеты» появилась заметка, рассказывающая о новом, говоря современным языком, туристическом продукте.

«С будущего лета вводится новый туристский арктический маршрут. Осмотрев центр советского Заполярья — Мурманск, туристы на пароходе оправятся на остров Колгуев. По дороге они посетят на побережье становища саамов и оленеводческие совхозы Главсевморпути. Поездка по Баренцеву морю продолжится трое суток.

Из Колгуева туристы поедут в Амдерму, столицу Новой Земли — Белужью губу, а затем в становище Кармакулы на Новой Земле, знаменитое своим птичьим базаром.

На Маточкином Шаре путешественники посетят зимовщиков полярной станции Главсевморпути. Они побывают также в Русской гавани, увидят ледник Шокальского. Последний пункт арктического маршрута — мыс Желания — северная точка Новой Земли.

В течение лета пароход «Геркулес», который одновременно примет на борт 150 человек, совершит несколько арктических рейсов».

РГАСПИ. Ф. 745. Оп. 2. Д. 250. Л. 86.

Несмотря на тяжелейшие условия арктической навигации 1937 года, два туристических рейса по заявленному маршруту состоялось. Их выполнил пароход «Вологда». В плаваниях, продолжительностью по 22 дня каждое приняли участие 184 туриста.

Возобновились советские арктические туристические рейсы в 1966 г., когда теплоход Мурманского морского пароходства «Вацлав Воровский» совершил туристический рейс по маршруту: Мурманск — остров Хейса (Земля Франца-Иосифа) — Диксон — Дудинка — Норильск — остров Вайгач — Соловецкие острова — Архангельск — Мурманск. Аналогичный рейс был выполнен и в следующем году, а затем судно понадоби-

Пароход «Вологда» с туристами на борту у побережья Новой Земли, 1937 г.

лось для работы на других линиях и «возить» туристов в Арктику оно перестало. Моряк-писатель В.В. Конечкий принял участие в качестве корреспондента «Литературной газеты» в первом рейсе «Воровского». Результатом стал замечательный рассказ «Как я не написал статью об арктическом туризме и что из этого вышло» и... работа на этом судне штурманом в 1966–1967 гг.

Продолжились подобные круизы в 1978 г. До конца 1980-х гг. их обслуживал теплоход «Клавдия Еланская» того же Мурманского пароходства, ходивший по маршруту: Мурманск — Земля Франца-Иосифа — Диксон — Дудинка — Норильск — остров Вайгач — Соловки — Архангельск.

«Разрешить зимовщикам использовать часть добытой пушнины на собственные нужды...»

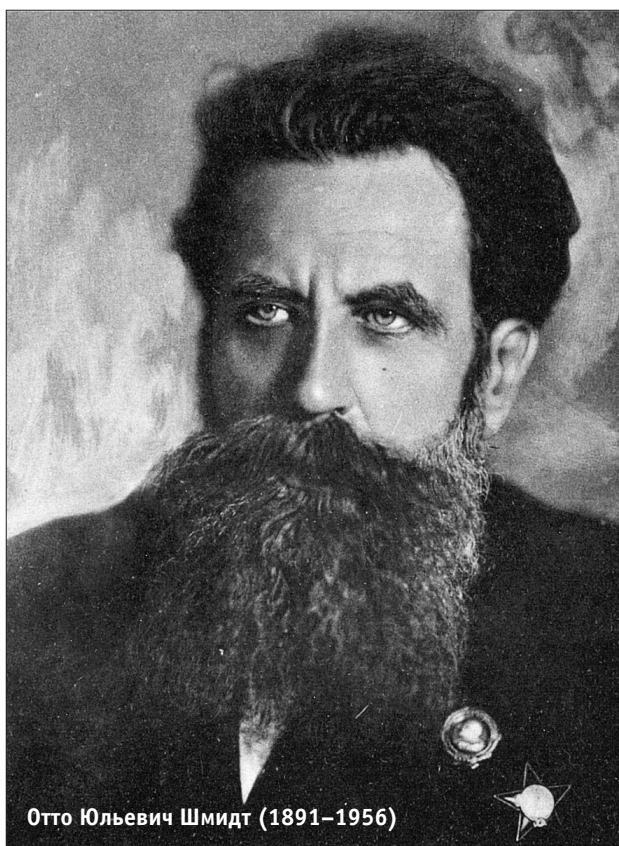
Практически все те, кто работал или путешествовал в Арктике, так или иначе занимались охотой, рыболовством, собиранием грибов и ягод. Сохранились эти занятия (пусть и в видоизменённом, в соответствии с современными реалиями, виде) и в наше время.

В 1930-х годах природные ресурсы многим ещё казались неисчерпаемыми, но представители государства уже тогда задумались о необходимости регламентации добычи пушных зверей, которая активно велась полярниками. «Мягкое золото» было одним из важных источников пополнения валютных запасов страны (и оставалось им долго ещё и в послевоенное время).

25 июля 1935 г. начальник Главсевморпути при СНК СССР О.Ю. Шмидт обратился к наркому внешней торговли А.П. Розенгольцу. Письмо имело гриф «не подлежит оглашению».

Туристско-Экскурсионное Управление ВЦСПС
Организуем
ТУРИСТИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ
В АРКТИКУ
ТУРИСТЫ ПОСЕТЯТ: АРХАНГЕЛЬСК, МУРМАНСК, АМДЕРМУ И НОВУЮ ЗЕМЛЮ (Белужья Губа, Маточкин Шар, Залив Благополучия, Мыс Желания и Русскую Гавань)
ДЛИТЕЛЬНОСТЬ РЕЙСА — 22 ДНЯ
ОТПРАВЛЕНИЕ 1 и 25 АВГУСТА
СТОИМОСТЬ — 1500 РУБЛЕЙ.
ВСЕ СПРАВКИ И ЗАПИСИ в Туристско-Экскурсионном Управлении ВЦСПС — Москва, Ветosh-ный, 19, телефон 3-86-39 и в БЮРО ПУТЕШЕСТВИЙ ТЭУ
Москва, Столешников пер., 16, тел. 5-0-71, 22, 5-50-34, 2-33-42.
Ленинград, Дворец труда, комн. 69, тел. 6-40-60.
Киев, Концентрация ул. 2, тел. 3-70.
Харьков, Армянский пер., 3, тел. 4-77-64.
Горький, Краснофлотская ул. 52, тел. 3-11-49.
Минск, ул. ул. Урицкого 1, ул. Калужская, 11/16, тел. 21-730.
Новосибирск, Дворец тру-да, комн. 26.
Томск, ул. Саба-Султанов, 11.
Баку, Главн. почт. тамт. до востре-бования тов. Да-выдову.
Ереван, ул. Зарубина, то-леков 104.
Иланово, Дворец тру-да, 1207.
Октябрьская, Ярославль, Волжская на-бережная, Дом туриста.
Ялта, Виноградная, 8.

Реклама путешествий в Арктику, опубликованная на страницах газеты «Правда» в 1937 г.

Отто Юльевич Шмидт (1891–1956)

«До настоящего времени охотничий промысел на островах Крайнего Севера производился случайно, добытая пушнина использовалась зимовщиками на собственные нужды, так как заготовка пушнины налажена не была. В текущем году Пушнотромышленная контора Главсевморпути ставит перед собой задачу организовать на островах Крайнего Севера плановую добычу пушных зверей, в частности песца. Учитывая, что зимовщики (метеорологи, гидрологи, врачи, радисты и т. д.) не являются охотниками-промысловиками, а занимаются охотой как спортом в свободное от основной работы время, считаю необходимым в целях

развития пушного промысла, создания стимула для зимовщиков, устранения контрабандного вывоза пушнины с зимовок, разрешить зимовщикам использовать часть добытой пушнины на собственные нужды. Конкретно полагал бы правильным каждому зимовщику, сдавшему известный минимум (не менее трёх песцов) разрешить использовать на собственные нужды и вывезти с зимовки одного песца, а сдавшему более десяти — два.

Прошу Вас дать своё согласие на установление предлагаемого порядка использования зимовщиками добытой ими пушнины на собственные нужды».

РГАЭ. Ф. 9570. Оп. 2. Д. 67. Л. 84.

16 августа О.Ю. Шмидту пришёл ответ за подписью заместителя наркома внешней торговли С.К. Судьина. Предложение Главсевморпути было одобрено, но с небольшой поправкой.

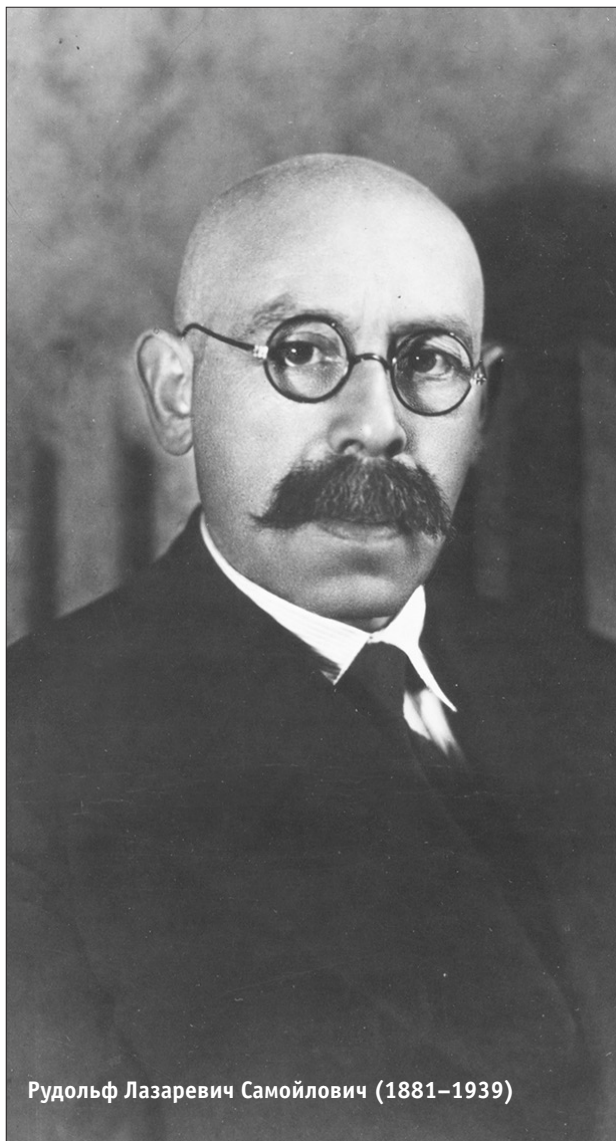
«В целях создания стимула для зимовщиков островов Крайнего Севера в деле организации и развития пушного промысла на этих островах, а равно в целях борьбы с контрабандным вывозом пушнины, мы не возражаем против предоставления права зимовщикам, не являющимися промысловиками-охотниками (метеорологи, гидрологи, радисты, врачи и пр.) при сдаче государству в течение года не менее 5 песцовых шкурок, одну шкурку песца использовать на собственные нужды с правом вывоза с зимовки».

Там же. Л. 116.

Как видим, разумный подход возобладал. Сегодня же практически умерла промысловая охота (в государственном масштабе — точно), служебного оружия полярникам давно уже не положено (его запретили и изъяли в постсоветское время). Но и имея официально оформленное ружьё и охотбилет, легальных возможностей для охоты у работников «полярков» практически нет. Остальные аспекты, как говорится, выходят за рамки данной работы...

Полярный песец на острове Врангеля

Рудольф Лазаревич Самойлович (1881–1939)

«В своём выступлении расстрела не потребовал. Затем поправился»

В середине 1930-х гг. значительную часть населения СССР охватила волна настоящего безумия, инспирированного «сверху». На митингах и на страницах газет представители самых разных слоёв общества требовали страшных кар для обвиняемых на ряде политических процессов, не зная и не понимая, в большинстве случаев, в чём именно виноваты люди, которым страстно желали смерти их сограждане. «Троцкистские выродки, агенты фашизма, диверсанты и вредители» – пожалуй, самые мягкие эпитеты, которыми характеризовали советские издания тех времён политических оппонентов И.В. Джугашвили (Сталина).

Проводились подобные митинги и в высоких широтах – на полярных станциях и на судах, работающих в Арктике. На наш взгляд, это должно было выглядеть ещё более дико и абсурдно, чем на «материке». Естественно, что у немалого числа мыслящих людей происходящее вызывало неприятие. Только его малейшее внешнее выражение в страшные годы сталинского беззакония могло стоить человеку свободы, а то и жизни. «Компетентные» органы не дремали и «на Северах»...

В 1936 г. должна была состояться Вторая высокоширотная экспедиция на ледокольном пароходе «Садко» под руководством выдающегося учёного – Рудольфа Лазаревича Самойловича. Во время плавания предполага-

Ледокольный пароход «Садко»

Советская почтовая марка с изображением ледокольного парохода «Садко»

лось обследование обширного района, расположенного севернее Новосибирского архипелага. Но «Садко» был отозван для оказания помощи транспортным судам в Западном секторе Арктики и экспедицию, вышедшую в море из Архангельска 25 июля 1936 г., отменили.

Отменить-то, отменили, но пока были в море, митинг провести успели... Об этом в своём политдонесении от 2 октября 1936 г. рассказал заместителю начальника Политического управления Главсевморпути И.О. Серкину помощит «Садко» С.А. Володарский. Упомянул он и Самойловича.

«На митинге, где мы потребовали расстрелять гадину, все выступления были в этом духе. Исключение составляет выступление профессора Самойловича. Он говорил о чудовищных преступлениях, разбойничьих планах троцкистской банды, но в своём выступлении расстрела не потребовал. Затем поправился».

РГАСПИ. Ф. 475. Оп. 2. Д. 250. Л. 123.

27 июля 1938 г. Р.Л. Самойлович был арестован в связи с обвинениями в «террористической и контрреволюционной деятельности». Едва ли ему припомнили маленький эпизод, произошедший на митинге двумя годами ранее (хотя исключать ничего нельзя, сохранился же он в политдонесении), «материалов» хватило и без этого. 4 марта 1939 г. Р.Л.

Самойлович был расстрелян, а 16 апреля 1957 г. реабилитирован за отсутствием состава преступления.

«Эскимосы живут очень плохо, вымирают...»

В 1926 г. на остров Врангеля прибыла советская экспедиция во главе с Г.А. Ушаковым, которая провела на острове три года. Работы Ушакова и его спутников окончательно закрепили эту территорию за СССР. В бухте Провидения руководством экспедиции было завербовано несколько эскимосских семей, возможно ставших одними из первых аборигенов этой части суши (вопрос о том, был ли остров обитаем до его открытия европейцами, носит дискуссионный характер).

К 1952 г. положение эскимосов на острове Врангеля стало плачевным. Об этом свидетельствует письмо начальника политуправления ГУСМП генерал-майора А.Н. Будкина секретарю ЦК ВКП (б) Г.М. Маленкову от 2 августа 1952 г.

«В Политическое управление Главсевморпути при Совете Министров СССР поступила копия письма парторганизации полярной станции и аэропорта, находящихся на о. Врангель Чукотского национального

Брошенный посёлок Ушаковское на острове Врангеля, 2010 г.

округа, в отношении завезённых на остров в 1926 году 6-ти семей эскимосов.

В письме сообщается, что эскимосы живут очень плохо, умирают. За истёкшие 15 лет родилось на острове 17 чел., а умерло 34 человека. У эскимосов нет материала для яранг и поэтому они живут в пачугах, сделанных из гнилого плавника. Транспортных средств для охоты на морского зверя, являющегося основным продуктом питания, не имеют и поэтому часто голодают, болеют туберкулёзом. В письме указывается, что местные партийные и советские работники не уделяют должного внимания, а проведённое мероприятие по вовлечению эскимосов острова Врангель в колхоз «Пионер», находящийся за 250 км водного пути на мысе Шмидт, ничего в их жизни не изменило.

Коммунисты с возмущением описывают антисоветскую деятельность на о. Врангель уполномоченного по заготовке пушныны Мельника, который якобы спаивает и обшчитывает эскимосов.

Полагал бы необходимым обязать Хабаровский крайком ВКП (б) и краевой исполком принять необходимые меры в части улучшения жизни эскимосов на о. Врангель».

РГАСПИ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 77. Л. 63.

Письмо, как и большинство документов Политуправления ГУСМП при СМ СССР, носило гриф «секретно». Упомянутое в тексте письмо парторганизации полярной станции и аэропорта в деле не сохранилось. На обороте документа имеется отметка о том, что один экземпляр был отправлен Г.М. Маленкову, а второй подшит в дело. Возымел ли данный документ какой-либо эффект – неизвестно...

На 2010 год в России проживало 1738 эскимосов (в основном, на территории Чукотского автономного округа). «Столица» острова Врангеля – посёлок Ушаковское официально необитаем с 2009 г. (реально большинство его жителей переселили в посёлок Мыс Шмидта (теперь уже тоже практически необитаемый) в 1997 г.). Сегодня последним коренным обитателем острова считается Григорий Николаевич Каургин – сын индейца и чукчанки, родившийся на Мысе Шмидта, но большую часть жизни проживший и проработавший на острове Врангеля.

Кого возвеличиваем?!

Друзья!

Это что же делается-то? Магаданские власти опять отличились. Они присвоили звание почётного гражданина области и – кому? Вадиму Туманову. Они соображали, что делали? Я в областную Думу обращение направил, приложив к нему проведённое в середине «нулевых» годов исследование Александра Бирюкова.

Мне почему-то верилось, что областной законодательный орган поведёт себя более компетентно, не будет спешить и запросит, как в случае с попыткой присвоения звания Вадиму Козину, мнение экспертов-историков, правоохранительные органы. Но этого

не случилось. На примере решения Магаданской областной думы я ещё раз убедился, что писательская организация на Колыме не нужна. Кроме того, это решение играет на руку тем, кто занимается дискредитацией и очернением отечественной истории, снижает, а у кого-то просто нивелирует авторитет органов власти.

Пётр ЦЫБУЛЬКИН,
член Союза писателей России,
полковник запаса ФСБ России

г. МАГАДАН

В подтверждение своей позиции прошу ознакомить читателей с материалами того самого исследования Александра Бирюкова.

Вадим Туманов

Александр БИРЮКОВ

Исповедь Туманова

Известный журналист, автор нескольких сенсационных материалов Геннадий Жаворонков писал о Туманове нынешней весной: «В прошлом году он издал свою замечательную книгу с кипплинговским заголовком «Всё потерять и вновь начать с мечты...» На неё отозвались рецензиями Михаил Танич: «Я прочёл её не отрываясь, как Джека Лондона», Станислав Говорухин: «Это грандиозная книга!..», Белла Ахмадулина, Генрих Падва, Алла Демидова. Ведь в ней ответ на извечный русский вопрос: «Что делать?» («Литературная газета». 30 марта – 5 апреля 2005 г., № 12–13).

К страсти этого журналиста к сенсациям я ещё вернусь, но сначала о том, как я увидел В.И. Туманова первый раз. Было это летом 1977 года в Иркутске. С моим товарищем, хабаровским писателем Юрием Ефименко мы возвращались в гостиницу, только что отыскав не без помощи прохожих грандиозный храм (а он оказался едва ли не на одной площади с обкомом КПСС, во всяком случае – где-то поблизости). В душе у меня играла тихая музыка – только что в этом храме я, робея (может она у них только для своих), купил Библию. Это очень много значило для меня, представлявшего в тот момент в Иркутске в числе ещё нескольких «идеологиче-

ских» работников «Землю без бога» – книгу с таким названием собирался написать ещё в шестидесятые годы один мой приятель, магаданский журналист.

Не хочу показаться лучше, чем я был и есть на самом деле. Выросший в религиозной семье – верующими были моя мама, дед, бабушка, тётки и все более дальние родственники – я был и остался не воцерковлённым, хотя мама, вырвавшись из колымского ада летом 1939 года с двумя чадами на руках (Герке не было двух, а мне и до года было далеко), как только мы оправились после долгой дороги, первым делом крестила нас в ближайшей церкви, а бабушка, когда мы подросли, было это уже после войны, нет-нет да водила нас с братом в церковь, ну и, конечно, до этого много рассказывала о Боге и Евангелие читала вслух. Но... не случилось. Однако Библия, конечно,

продолжала оставаться для меня одной из самых почитаемых книг, и приобрести её – тем более так неожиданно! – было счастьем.

И вот с этой тихой музыкой в душе мы поднялись с Юрием в гостиничный номер и застали там моего соседа, заместителя председателя Магаданского комитета по телевидению и радиовещанию Георгия Радченко и Вадима Туманова. С Георгием мы были уже давно знакомы, и я не мог не поделиться с ним этой радостью.

Проявил интерес к Библии и Туманов.

– Съезди, купи две! – сказал он сидевшему тут же шофёру.

Вот эти «две» резанули мне слух, словно посылал он шофёра за подкопчённой кетой или арбузами. Хотя чего тут особенного? Деловой человек (а о Туманове, перебравшемся тогда добывать золото в Иркутскую область, я был

Геннадий Жаворонков

наслышан ещё по его работе на Колыме), он заранее знает, кому подарит эти книги и тем сделает приятное – чего я, собственно, придираюсь? Наверное, я был не прав. Но музыка в душе уже больше не играла.

Какое-то время спустя я стал собирать все доступные мне публикации о В.И. Туманове. Далее я познакомлю читателей хотя бы с некоторыми из них.

А пока несколько слов о мастере сенсаций, журналисте Геннадии Жаворонкове. Первым его сенсационным материалом, коснувшимся меня лично, был очерк «Дочь Ежова», опубликованный в журнале «Русская виза» (№ 1, 1993 г.). К тому времени я тоже начал подбираться к судьбе Н.Н. Ханютиной. Установил время её приездов в Магаданскую область (а она приезжала дважды), маршруты передвижений – где жила, кем работала, состав семьи, нынешний адрес. И вот тут остановился: не стал искать встреч (хотя этот человек очень интересовал меня), потому что полагал, что Н.Н. не заинтересована в том, чтобы кто-то знал, кто она на самом деле и где живёт. Да и просто не хочется говорить со мной. Как выяснится через несколько лет, я сильно ошибался в этих своих предположениях. Но ведь и Г.Жаворонков в очерке «Дочь Ежова» тогдашнее местонахождение Н.Н. не выдал.

Ещё один сенсационный материал Г.Жаворонкова коснулся меня даже более острым образом. Его очерк «Марковка из «Красной капеллы»» («Литературная газета», 21–27 февраля 2001 г., № 8) был посвящён моему школьному учителю, преподавателю немецкого языка Михаилу Марковичу

Мазникеру. «Маркович» – за глаза звали мы его, – отнюдь не «Марковка», как пишет Жаворонков, – до такой фамильярности, наглости даже мы не добились. К тому же, бывший военный переводчик в каких-то кавалерийских частях (так он о себе рассказывал) был не только уважаем, но и просто любим – может быть, самое светлое пятно в нашей серой послевоенной школьной жизни.

Спустя много лет он станет персонажем моей повести «Сладкая отравка – лёгкая болезнь» о школьниках-старшеклассниках начала пятидесятых годов.

Из очерка Жаворонкова следовало, что наш замечательный Маркович был завербован военной разведкой ещё в тридцатые годы, работал с легендарной «Красной капеллой» благополучно избежал разоблачения, был отозван в Москву, ушёл со службы в 48-ом, – после чего и оказался школьным учителем.

Тут совпадает. Иностранный язык в то время начинали преподавать с третьего класса. В третий класс я пошёл в 48-ом году – Михаил Маркович тогда в школе только появился.

Выходило, что учились мы с Геннадием у одного учителя, в одной школе, жили где-то по соседству, но далее Геннадий начинает вспоминать какие-то ситуации из своей школьной жизни, а я их не помню. Может, причиной тому то, что Геннадий младше меня года на 3–4, а в детстве это солидная разница. Но и учителей, которых он называет, не было в школе, в которой учился я и мои ровесники. Выдумывает что-то Жаворонков или путает за давностью лет? Он и фотографию к своему

очерку дал совсем не ту – вместо М.М. Мазникера, «старейшего советского шпиона», глядит на читателей с газетной полосы известный политик-демократ Юрий Карякин. «Литературка» в мартовском, десятом номере под рубрикой «Казус» должна была известить читателя о ещё одной «сенсации», с о т в о р ё н н о й Г.Жаворонковым.

А вот его же материал, посвящённый В.И. Туманову, я бы к сенсационным не отнёс. Предприниматель Туманов давно и широко известен. Ещё в 1991 году тиражом 50 тыс. экз. вышел в Москве сборник статей о нём «Но остались ни с чем егеря...» В этих статьях близкие Туманову люди весьма подробно разъяснили, в чём состоит Тумановский ответ на «извечный русский вопрос». Какую уж тут, в новой книге, спустя 13 лет можно было обнаружить сенсацию?

Могу предположить, что материал Г.Жаворонкова о книге Туманова появился по другой причине. Годом раньше та же «Литературка» (12–18 мая 2004 г., № 18) уже проанонсировала её. Но как небрежно, коряво газета это сделала! В заметке строк в сто, сведя всё содержание 400-страничного труда Вадима Ивановича к описанию его лагерной жизни, а разве такую задачу ставил перед собой автор!.. К тому же, эта заметка («Колыма за любовь к Есенину») появилась в подборке с другими на полосе под рубрикой «Книжный базар». Нашли словечко!..

Возможно, что состоятельный («Дом его показал мне дворник, – почтительно пишет Г.Жаворонков, начиная свой материал о Туманове... – предупредил

тревожно: «Там живут только богатые!»), а потому и влиятельный автор высказал редактору «Литературной газеты» своё недовольство тем, как была представлена его книга, и предложил исправить положение. Вот тогда за дело и взялся Жаворонков. Должен же был кто-то «ответить за базар».

Признаюсь, что и для любопытного автора этой статьи именно лагерное прошлое Вадима Туманова, описанное в книге «Всё потерять и вновь начать с мечты...», представляло наибольший интерес. Прежде всего, потому что, как справедливо написал в первой заметке в «ЛГ» некий Ю.Р., «в основном эта (о лагерях. – А.Б) литература показывала «политическую» половину ГУЛАГа – Иванов Денисычей и т.п. А вот «уголовная» его половина, в сущности, до сих пор остаётся неведомой. Воспоминания Вадима Туманова в значительной степени восполняют этот пробел. Причём, если Солженицын и другие изображают «социально-близких» системе уголовников чаще всего этакой человеческой сволочью, выродками, властью тьмы, то в книге Туманова перед читателями предстают самые различные характеры и образы этих узников, в том числе и благородные, совестливые, справедливые и даже интеллигентные».

Представлялось заманчивым сравнить эти описания Вадима Туманова с тем, что мы, магаданские историки накопили за дядишеские вот уже лет пятнадцать раскопки в магаданских архивах: неужто и впрямь получил наш автор «Колыму за любовь к Есенину», или, как утверждает в своём материале Геннадий Жаворонков: «Он (В.Туманов. – А.Б) реабилитирован трижды, если не

четырежды, от наветов, прямой клеветы, даже от уголовных обвинений» – что на этот счёт говорят документы?

Боюсь, что при этом мне придётся попутно (раз уж речь пойдёт о книге) поколебать и представления о литературном таланте Вадима Туманова, ярко обозначенные и в кратких отзывах маститых литераторов, и в пространственных рецензиях журналистов. Две из них в моей коллекции принадлежат магаданцам.

Первая, написанная Альбертом Гершевичем, бывшим собкором «Магаданской правды» по Ягоднинскому району, ныне живущем в Израиле, была опубликована в выходящем в Новосибирске издании «Наука в Сибири» (№ 37, сентябрь 2004 г.):

«Совсем недавно на стендах магазина «Москва», наверное, самого «центрального» в столице России, появилась книга с довольно необычным названием: «Туманов. Всё потерять и вновь начать с мечты...».

С первого взгляда трудно понять, что уместилось в этом строгом, полутёмном, полусвеченном переплёте. То ли Туманов – автор, то ли книга, как бывало в прежних изданиях (видимо, Гершевич имеет в виду книгу «Но остались ни с чем егеря...». – А.Б) поведает перьями других авторов об этой полулегендарной и в чём-то даже одиозной фигуре «крёстного отца» старательских артелей всяя Руси.

Поначалу на помощь приходит большой красочный плакат за зеркальной витриной магазина с отзывами известных, именитых, просто читающих людей (часть этих отзывов, обозначив их как рецензии, и цитирует в своём материале о Туманове Г. Жаворонков. Реклама книги В.И. поставлена была, види-

мо, на широкую ногу. – А.Б).

(...) Я закончил чтение этой книги по пути из Москвы в Новосибирск в поезде «Сибиряк». Двух суток по моим расчётам должно было хватить, чтобы всё вспомнить и сопоставить, понять и оценить. Не хватило. Потому что Туманов оказался куда масштабнее, чем мне было известно. Поэтому пишу только о самых первых своих впечатлениях. Кто прочтёт книгу, поймёт, насколько они поверхностны.

Прежде всего, о жанре. Ожидал увидеть мемуары, исповедь, публицистику. Всё это есть, а кроме – нечто среднее между диссертацией и поэмой. Нечто эпическое».

Ныне действующему сотруднику «Магаданской правды» Михаилу Ильвесу о книге Вадима Туманова рассказал его давний приятель Альберт Гершевич. Читаем в рецензии «Всё потерять и вновь начать с мечты...» («Магаданская правда» в пятницу, № 55, 22.04.05):

«Я недавно был в Москве, – сообщил он, – и купил там книгу Вадима Туманова. В ней он описывает свою жизнь, в том числе и колымскую. Потрясающая вещь – посильнее Шаламова. Очень советую – достать её, хотя это, наверное, и непросто теперь сделать...»

«В начале этой книги, которую я здесь цитирую, – пишет далее Михаил Ильвес, – на обороте её титульного листа внизу стоит строгая надпись: «Воспроизведение всей книги или любой её части запрещается». Так охраняется авторское право.

Конечно, я мог бы пересказать понравившиеся мне места книги своими словами, но от этого читатель только потерял бы – насколько и её язык и образность сильны. Я объяснил это Вадиму Ивановичу при встрече, он

понял и разрешил мне цитировать, за что я очень благодарен ему».

Михаил Ильвес действительно щедро цитирует представляемую им книгу, при этом у него и сомнений не возникает в том, кто на самом деле является её автором. А какие, собственно, могут быть сомнения, если на том же обороте титульного листа обозначен копирайт: «В. Туманов – текст».

А между тем текст книги принадлежит отнюдь не Туманову. Его написал или, что будет точнее с юридической точки зрения, осуществил литературную запись великолепный журналист «многолетний собственный корреспондент одной из самых центральных газет Л.И. (ограничимся этими инициалами, поскольку юридических опять-таки оснований называть его у меня нет, так как в книге Туманова он никак не обозначен). Мы познакомились с ним в том же 77-ом году в Иркутске. На память осталась его фундаментальная и увлекательная книга об истории Сибири с тёплой, дружеской подписью. Следующая наша встреча состоялась через 22 года.

Произошло это следующим образом. Июльским вечером 1999 года у меня дома раздался телефонный звонок. Звонил В.И. Туманов. Вместе с телевизионной съёмочной группой он осуществлял поездку по Колыме и вот сегодня, оказавшись в Магадане, узнал о только что вышедшей книге «За нами придут корабли...» (списках расстрелянных), в создании которой я принимал участие как один из научных редакторов и автор вступительной статьи. В.И. просил встретиться и дать ему эту книгу. И обязательно сегодня. Потому что завтра у них день расписан по минутам, а послезав-

тра утром они уже улетают. Остановился он вместе со всей группой в «гостинице обкома».

Книга у меня действительно была (осталась пара экземпляров от полученных десяти – но разве для Туманова пожалеешь?). Время было ещё не позднее – по обычным меркам, но я-то жил по своему расписанию: подъём в 4.15, чтобы прогулять и накормить собаку и в 5.00 уже сидеть за письменным столом – такая у меня сложилась привычка за несколько десятилетий литературной работы, так что по моим биологическим часам была уже глухая ночь, и идти мне, честно говоря, не очень хотелось – но как Туманову откажешь!.. К тому же, что скрывать, льстил его интерес к только что вышедшей книге.

Пошёл. А не видать было ни зги: белые ночи закончились, а уличное освещение всё ещё не включали. Но маршрут мне был хорошо знаком, бывал в этом роскошном учреждении не раз.

В.И. представил меня съёмочной группе (в составе которой был и журналист Л.И.), сидевшей в обеденном зале за пока ещё пустым столом, и предложил рассказать о книге, истории Дальстроя и колымских лагерей. Я принялся за этот рассказ, стараясь не очень затягивать его, потому что настраивание у моих слушателей было скверное – то ли устали за день до предела (а заставить работать Туманов, конечно, умел), то ли что-то у них со съёмками не заладилось (а какие съёмки без этого обходятся?).

В числе прочего я рассказывал и о том, что супер-организация, какой был наш СДС, имевшая ещё в конце сороковых годов третий (после РСФСР и Украины) бюджет в

стране, была, тем не менее, организацией планово-убыточной.

Это утверждение почему-то вызвало весьма резкое возмущение оператора группы (возможно, наслушался разговоров о бесплатном труде сотен тысяч рабов – какие уж тут убытки!), грубо оскорбившего меня. Туманов сделал вид, что ничего не произошло (то ли сам не очень поверил в то, что я сказал, то ли не захотел обострять отношения с ведущим членом группы). Мне ничего не оставалось, как покинуть это унылое общество. Провожал меня только журналист Л.И.

«А уж губу раскатал!» – корил я себя, вышагивая обратный путь (а Туманов даже о машине не распорядился, хотя транспорт у него наверняка был). Думал банкет в честь твоей новой книги устроят! И что получил? Напёрсток водки и «дурака» на лацкан! Вот и носи теперь!

Обидно мне было в тот вечер очень.

Через год я получил от Л.И. письмо.

«Как я говорил Вам, – писал почитаемый мною автор, – Туманов уже давно просил меня помочь ему записать мемуары, он их мне наговаривает уже не первый год, от случая к случаю. Прежде мне это удавалось только между моими делами, а теперь пришёл черёд заняться вплотную. Римма (жена В.И.) болеет и живёт в Пятигорске, сам он тоже не блещет здоровьем и просто умоляет ускорить работу, чтобы Римма и сам он успели бы поддержать в руках эту его книгу и в уверенности, что исповедь им обоим продлит жизнь. У него прекрасная память, а увиденного и перечитанного, Вы знаете, достаточно».

За три десятка лет нашего общения я, разумеется, кое-что представляю о прошлом

В.И., но исключительно с его слов и со слов некоторых его сокамерников, с которыми в разное время встречался в Иркутске и в Москве; кое о чём могу только догадываться, но, даже ограничивая себя изложением его собственных воспоминаний (в конце концов, это его книга, а не моя, я только помогаю по праву старой дружбы и давнего искреннего уважения к нему), всё-таки чувствую необходимость выяснить, насколько возможно, какие-то фактические моменты, которые в сегодняшнем его изложении могут быть неточны из-за возрастных сбоев памяти, чтобы избежать, насколько удастся, искажения реальных событий и убедить его откровенно прокомментировать то, что ему, быть может, неприятно вспомнить, но что на самом деле когда-то было и где-то существует в документах. Ему хотелось бы придать своим воспоминаниям исповедальный характер, но мне трудно ему в этом помочь, не зная действительного хода вещей. Разумеется, за ним остаётся право отбора фактов его жизни, которые он намерен придать огласке, но я смогу давать ему советы и находить нужные слова, если сам буду обладать информацией.

После этого сумбурного предисловия (мне это открытие показалось весьма содержательным и логичным. – А.Б.) я попытаюсь конкретно сформулировать, что хотелось бы узнать от Вас, осознавая, что Вы единственный человек, кто может в этом реально помочь. И решаюсь я на эту обременительную для Вас просьбу, требующую, разумеется, затрат времени, а возможно и не только времени, потому что мне показалось, что Вы тоже испытываете к этому незаурядному и по-своему талантливому человеку добрые чувства. Всей послеколымской жизнью он, можно сказать,

выстрадал уважение к себе.

Вопросы я располагаю не по их важности или в какой-то последовательности, а исключительно так, как они сейчас приходят в голову, когда я пытаюсь представить, что мне самому неясно или что хотелось бы уточнить.

1. За что конкретно он был осуждён в первый раз (насколько возможно – подробнее). Кем осуждён и когда (даты). По какой статье и к чему приговорён. Если возможно – полные имена судьи, прокурора, следователя. Не было ли во время судебного заседания какого-либо любопытного обмена репликами или, скажем, последнее слово подсудимого.

2. Те же самые вопросы по второму суду.

3. Всё те же – по третьему суду.

4. Входило ли в эти судебные заседания разбирательство истории с ограблением кассы? Где и когда это случилось? Если есть – детали и даты.

5. Очень бы хотелось иметь хотя бы примерную привязку дат о местонахождении лагерей, то есть, когда в каком лагере он находился? При всей феноменальной памяти В.И. он иногда не может вспомнить, к какому времени или к какому месту привязан тот или другой эпизод.

6. Возможно, в его деле есть какие-то конкретные эпизоды (помимо разбиравшихся в суде), характеризующие нашего героя не с лучшей стороны.

7. То же самое – характеризующие хорошо.

8. Есть ли что-либо в документах о его побегах? По его словам, за побеги ему намотали в общей сложности 99 лет – правда ли это или память подводит?

9. Кем, где, когда, почему он был освобождён? По каким статьям и с какими формулировками реабилитирован?

10. И последнее – всё, что Вам самим кажется, в его деле интересным и что бы Вы посоветовали мне иметь в виду.

Вот, дорогой Александр Михайлович, примерные вопросы, которые я отваживаюсь обрушить на Вас, заранее прося прощения и одновременно благодаря за понимание и поддержку».

На счёт «понимания» мой корреспондент ничуть не ошибся. Литератор такого высокого уровня, как Л.И., Просто обязан был доискиваться правды, а потому и его обращение ко мне было вполне закономерным – вдруг пригодится! Вызывало уважение и то, как чётко и по существу эти вопросы были заданы (вызвала улыбку лишь вторая часть первого вопроса – о полных именах участников судебных разбирательств). Таких подробностей документы не содержат, да и важны ли они Туманову спустя столько лет.

Просьба Л.И. ответить на эти вопросы не представлялась мне обременительной, так как работа с архивными документами давно уже превратилась в главное моё занятие, к тому же в данном случае и затраты времени были невелики (труднее всего оказалось проследить «лагерный маршрут» з/к Туманова, так как документы сообщали чаще всего лишь номер лагерного отделения, на котором происходило то или иное событие, и определить, какой именно прииск «обслуживало» это отделение, удавалось не всегда – тут у меня были проблемы).

А упоминание в письме Л.И. о ещё каких-то «затратах» вызвало у меня весёлую улыбку: не думает ли мой замечательный корреспондент, что я взятки работникам магаданских правоохранительных органов раздавал?..

За 15 лет вышеуказанной работы я действительно столк-

нулся с немалым числом трудностей (случилось как-то раз, что овчарка, бегавшая по проволоке вдоль здания, в котором располагались спецфонды ГУ, вырвала у меня из рук папку и принялась её трепать, но охраняла она не эти спецфонды, а правое крыло здания, в котором ещё помещались осуждённые в административном порядке мелкие хулиганы, так что её нападение на меня можно было считать случайным).

А главной трудностью в моей работе была частая сменяемость сотрудников этих трёх учреждений – прокуратуры, милиции, ФСБ, с которыми мне приходилось буквально сражаться.

И вот, казалось бы, всё идёт хорошо, у меня с моим «куратором» контакт: я его о чём прошу, он мою просьбу выполняет, я что-то пишу (если дело небольшое – над некоторыми приходилось ждать по несколько месяцев, а на работу над отдельными уходили и уходят годы) и публикую, приношу публикацию (обычно в местной газете) ему как итог. Все довольны.

И вдруг моего «куратора» куда-то переводят, на его месте появляется другой человек, который задаёт естественный вопрос: «А чего этот штатский здесь болтается? Какие у него допуски к делам, к которым допуск может быть только «своим»? И я перед ним ничем не защищён, кроме как честным именем магаданского литератора (а он вообще, может быть, ни одной магаданской книжки в руках не держал и что ему какой-то там литератор?). И приходится всё начинать сначала: убеждать нового сотрудника, что я никакой не злоумышленник, не подстрекатель и вообще не верблюд, что я делаю нужную обществу в данный момент работу, а потому и не стоит меня отбра-

сывать одним щелчком. Времени на все эти процедуры уходило немало.

А взятки... признаюсь, на одно «подношение» я за пятнадцать лет всё-таки решился. Как-то мы договорились с начальником спецфондов (было это давно, этот начальник уже лет десять как на «материке» на пенсии) поработать в воскресенье, чтобы никто не помешал, над одним делом, и я прихватил с собой бутылку и нехитрую закуску, полагал, что обедать нам сегодня в урочный час не придётся. Едва ли это «приношение» можно считать взяткой, тем более что я в её потреблении принял абсолютно равное участие. И поработали мы в тот день хорошо к взаимному удовольствию.

В силу изложенных выше причин я оперативно подготовил ответы на заданные Л.И. вопросы. Заканчивая своё послание, я написал:

«Прилагаемая фотография взята из дела с ведома нынешнего начальника отдела областной прокуратуры, так что в воровстве я не участвовал. Поэтому её можно при желании воспроизвести.

И ещё одно обстоятельство. Мне не хотелось бы, чтобы у Вас и В.И. сложилось впечатление, что его личное дело в Магадане листает каждый, кому не лень. Такого, конечно, нет. И обычно все формальности соблюдаются. А если на этот раз прокуратура на них не настаивала, то только потому, что я «контактирую» с ними уже десять лет, просмотрел уже многие десятки дел и, кажется, ни в чём никого не подвёл».

Но это письмо я не отправил, и вопросы Л.И. остались без моих ответов. Дело в том, что мне в голову пришла показавшаяся конструктивной, хотя и не без элемента провокативности мысль. Потому что чего больше всего жаждет историк?

Знать факты, обстоятельства случившегося, его участников. Это – в первую очередь. Но далее и более того он хочет (или это во мне не истреблённый до конца литератор заговорил?) поближе подобраться к личности своего героя и, при возможности, заглянуть в неё. Потому что всё предыдущее: факты, обстоятельства, участники, нам в общей форме (в данном случае, конечно, могут быть какие-то отличия, но не в них суть) уже знакомы по десяткам и сотням ранее просмотренных дел. А вот личность, неповторимая личность этого конкретного человека! Удастся хоть краешком глаза в неё заглянуть и гораздо больше понятного станет в его судьбе, её истоках, её течении, её завершении...

Оттого у меня самый жадный интерес вызвали попадавшие иногда в дела письменные документы лагерников: их жалобы в самые разные инстанции, их письма близким, если они находились впоследствии, их собственные воспоминания, если заключённому удавалось дожидаться освобождения...

И вот также В.И. творит свою «исповедь» – так это же прекрасно! И пускай творит! Что-нибудь забудет – дополним, исказит – поправим, нафантазирует – тем интереснее, как прошлое преломилось в его сознании, в этом ведь и некий «ключик» к его воспоминаниям о послелагерной жизни. А если мы сейчас, как просит Л.И., расставим перед его памятью эти документальные вешки, мы просто вспугнём его память, заставим двигаться в желательном для нас направлении. А зачем нам это?

Такие вот были у меня соображения. А спустя четыре года и книга подоспела: «Туманов. Всё потерять – и вновь начать с мечты...» Солидный, отлично сделанный том, изданный немалым по

нынешним временам тиражом в 5 тыс. экземпляров. Обошлась эта книга, видимо, в копеечку.

Читаю умело сделанный текст. Вот, кажется, и наступит время ответа на вопросы принципиального Л.И.

По рассказу Туманова выходит, что его, молодого, но уже хорошо себя зарекомендовавшего штурмана, на протяжении нескольких лет последовательно выслеживает водный отдел МТБ, что вызывает у нашего героя недоумение, поскольку он полагает себя стопроцентным советским человеком.

Кстати, в книге В.И. не сообщает о том, что десятью годами ранее – Вадиму было 11 лет, его отец был арестован, обвинён в контрреволюционном преступлении и после этого семья уже не имела сведений о нём – так в документах. А в книге сообщено, что отец и мать Туманова похоронены в Хабаровске – выходит, что отец вернулся из заключения?

Наконец нашего героя отдел МТБ арестовывает, и буквально в момент ареста (В.И. только посадили в машину) сотрудник отдела сообщает, что он обвиняется по ст.ст. 58-8 (шпионаж), 58-9 (теракт), 58-10 (контрреволюционная пропаганда), чего случиться никак не могло, поскольку так, впопыхах, обвинение никогда не предъявлялось. Тут явная фантазия. Однако самые зловещие обвинения отпадают таким же стремительным образом, как и были предъявлены, да и третье...

«Боясь, что на меня не наберётся обвинений для статьи 58-10, – рассказывает Туманов, – следователи притянули меня к делу, к которому я вообще не имел никакого отношения. Я сейчас не помню в точности, но речь шла о том, что я передал Володе Овсянникову, штурману другого парохода, какой-то бланк,

который кто-то использовал не по назначению (...) По этому делу прокурор просил дать мне шесть лет, как и Косте Семёнову. Но поскольку я говорил грубо и на повышенных тонах, судья мне дал пятнадцать и распорядился вывести из зала. Я никогда не считал себя виновным по этой статье. Поэтому, получив буквально через несколько дней по ст. 58-10 восемь лет, я никогда не обращался с просьбой о пересмотре дела».

А вот как эта ситуация выглядит в документах.

Свой первый срок наказания Туманов В.И. получил по приговору Линейного суда Тихоокеанского бассейна в составе председательствующего Курицына, заседателей Бардина и Бабаяна (Л.И. просил меня сообщать фамилии), рассмотревшего 8–11 декабря 1948 года в открытом судебном заседании в помещении столовой пароходства (у Туманова: «Суд над нами с Костей объявляют закрытым, кроме обычных участников заседания и нас, обвиняемых, в комнате никого не было») с участием адвокатов Берестецкого, Ермакова, Кречиной и Игнатова, дело восьми служащих разного ранга – от кочегара до начальника финансового отдела – Дальневосточного морского пароходства, обвинявшихся в хищении государственного имущества. Суд в частности установил, что подсудимый Еремеев «организует вокруг себя шайку воров, для получения по подложным аттестатам денег в лице: Овсянникова, Яковлева, Ткачук, Тищенко, Семёнова, Туманова.

«Таким образом, за период с 29 мая по 28 июля 1948 г. этой шайкой из кассы пароходства по подложным аттестатам через Калашникову было получено государственных денег, а именно: Еремеевым – 20 089 руб. 96 коп.;

Овсянниковым – 14 648 руб. 98 коп.; Яковлевым – 12 542 руб. 80 коп.; Тумановым – 3761 руб. 10 коп.; Семёновым – 3864 руб. 73 коп.; Ткачук – 3844 руб. 82 коп.; Тищенко – 6543 руб. 14 коп.; а всего этой шайкой было получено из кассы пароходства по подложным аттестатам государственных средств – 67 950 руб. 37 коп. На полученные деньги по подложным аттестатам эта шайка систематически устраивала пьянки на квартире Калашниковой и в ресторанах гор. Владивостока».

Суд приговорил Туманова Вадима Ивановича по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на пятнадцать (15) лет с поражением в правах по пунктам а, б, в по ст. 31 УК РСФСР сроком на три (3) года без конфискации имущества за отсутствием такового у осуждённого.

Данный приговор можно было обжаловать в кассационном порядке, чем осуждённые, в том числе и Туманов, незамедлительно воспользовались.

16 февраля 1949 года Водно-транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР в составе председательствующего Бояркина и членов коллегии Луйкина и Теймуразяна, рассмотрев эти кассационные жалобы и материалы дела, установила, что организованная Еремеевым шайка действительно похитила государственных средств в сумме 67 950 руб. 37 коп.

«Еремеев, Калашникова, Овсянников, Яковлев и Туманов, – сказано в определении коллегии, – не отрицают своей вины и в жалобах просят снизить назначенное им наказание. Учитывая, что

виновность указанных лиц полностью установлена материалами дела, действия их квалифицированы правильно и наказания определены с учётом тяжести совершённого преступления, коллегия определила оставить приговор в силе, а жалобы Еремеева, Калашниковой, Овсянникова, Яковлева, Туманова и Семёнова без удовлетворения».

Пока «первое дело» Туманова путешествовало в Москву и там рассматривалось, во Владивостоке, не мешкая, приступили ко «второму».

Уже 7 января 1949 года, то есть менее чем через месяц после вынесения Туманову приговора за хищения, тот же Линейный суд Тихоокеанского бассейна (но уже в другом составе – председательствующий Аверьянов, заседатели Снесарь и Волков) при секретаре Удовиченко (был-была секретарём судебного заседания и по первому делу) с участием прокурора юриста 1 класса Мараценбойм и адвоката Снопков «в закрытом» судебном заседании (которое тем не менее нельзя полагать «закрытым» коль скоро в нём участвовали прокурор и адвокат. – А.Б.) в помещении Линсуда рассмотрел дело по обвинению 3 помощника капитана Дальневосточного пароходст-

ва Туманова Вадима Ивановича, 1927 года рождения, уроженца г. Белая Церковь, Киевской области, служащего, члена ВЖСМ с 1943 года, с образованием 7 классов, русского, одинокого, работавшего на водном транспорте с 1947 года, судимого, 11 декабря 1948 года Линейным Судом Тихоокеанского бассейна по ст. 2 Указа от 4Л/1-47 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к 15 годам заключения в исправтрудлагерях с поражением в правах на 3 года, наказание отбывает в тюрьме № 1 г. Владивостока – в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 4.1 УК РСФСР.

«Материалами предварительного и судебного следствия Линейный Суд

УСТАНОВИЛ:

Подсудимый Туманов, работал помощником капитана, за период времени с 1946 по 1948 год проводил систематически контрреволюционную агитацию среди своих знакомых моряков.

Туманов высказывал антисоветские взгляды, направленные против существующего в Советском Союзе строя, выражал недовольство демократией в Советском Союзе, высказывался против колхозного

строя, возводил клевету против вождей Советского Союза, восхвалял жизнь в капиталистических странах и клеветал на условия жизни трудящихся в Советском Союзе.

Находясь в заключении, Туманов в декабре 1948 г. враждебно высказывался против руководителей партии и Советского Правительства, восхвалял одного из руководителей капиталистической страны.

Своими действиями подсудимый совершил преступление, предусмотренное ст. 58-10 ч. 1. УК РСФСР, в чём признал себя виновным частично, однако в совершённом он полностью изобличён показаниями свидетелей. На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР,

ПРИГОВОРИЛ:

Туманова Вадима Ивановича по ст. 58-10 ч. 1. УК РСФСР лишить свободы в исправтрудлагерях сроком на (8) восемь лет, с поражением в правах по пунктам а, б, в, г, е ст. 31 УК РСФСР на (3) три года».

Ст. 31 гласила: УК РСФСР «Поражение политических и гражданских прав заключается в лишении:

а) активного и пассивного избирательного права;

б) права занимать выборные должности в общественных организациях;

в) права занимать те или иные государственные должности;

г) права носить почётные звания;

(...)

е) права на пенсии, выдаваемые в порядке социального страхования и государственного обеспечения (...).

Пункт «д» данной статьи, предусматривавший лишение родительских прав, не мог быть в тот момент применён к Туманову, так как детей у него не было. – А.Б.).

«На основании ст. 465 УПК РСФСР настоящий приговор

погасить приговором Линейного суда Тихоокеанского бассейна от 8–11 декабря 1948 г. в отношении Туманова, при условии вступления в законную силу этого приговора.

Взыскать с осуждённого Туманова в пользу Владивостокской коллегии адвокатов за выступление в суде адвоката Снопко – 350 руб.

Изъятые у Туманова при аресте деньги в сумме 590 руб. (л.д. 8) обратить на оплату адвокату 350 рублей, а остальные конфисковать в доход государства.

Меру пресечения до вступления приговора в законную силу – содержание под стражей оставить без изменения.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Водно-транспортной Коллегии Верховного Суда СССР в течение 72-х часов с момента вручения копии приговора осуждённому».

Сведений о том, писал ли такую жалобу Туманов, нет. Равно как и нет сведений о реабилитации Туманова по этому делу: состоялось ли оно ещё в пятидесятые годы – по заявлению В.И., или уже в недавние времена, когда никакого волеизъявления со стороны осуждённого уже не требовалось – дела пересматривались по инициативе правоохранительных органов. В любом случае постановление о реабилитации должно находиться в архивно-следственном деле Туманова во Владивостоке.

Возникает вопрос: зачем дальневосточным гэбистам понадобилось раскручивать это второе дело против Туманова, если он и так имел уже 15 лет лишения свободы за хищение – куда же больше?..

Можно предположить, что этот гэбистский интерес к Туманову возник раньше, чем интерес милицейский к тому

же лицу как расхитителю, а когда последний реализовался в декабрьском приговоре 1948 года, Водному отделу стало просто жалко выбросить на ветер затраченные усилия. Могла идти речь и о репутации Водного отдела: он уже порядочно «засветился» перед Управлением пароходства и конкретными капитанами, сдёргивая Туманова то с одного парохода, то с другого, и не доведи он сейчас преследование Туманова до логического конца, что получится: МТБ ошиблось?

Но здесь могла быть подоплёка и более капитального свойства. Такое вот совмещение уголовного и политического преследований в практике органов юстиции (если их можно назвать таковыми) осуществлялось не раз. Знаменитый певец Вадим Козин, получивший пятью годами ранее, в 1944 году, по постановлению Особого совещания НКВД СССР восемь лет исправтрудлагерей, обвинялся по ст. 152 («Развращение малолетних или несовершеннолетних, совершённое путём развратных действий в обнажении их») и ст. 58-10 УК РСФСР). Какие преимущества тогдашняя репрессивная система получала от такого совмещения, остаётся неясным (тот же Козин, несмотря на полученную казровскую статью, ни одного дня не пробыл на «общих работах» и весь срок наказания провёл в более чем щадящих условиях). А вот сегодняшним историкам, если такие найдутся, такое вот одномоментное совмещение обвинений оказывается выгодным: появление казровской статьи обеспечивает уголовному делу «вечное хранение».

У нас же, знакомящихся с судьбой Вадима Туманова, есть другая и довольно редкая возможность заглянуть в его дело 1949 года и увидеть его, это

дело, глазами того же Туманова через шесть лет после того, как был вынесен приговор.

Это были очень тяжёлые и очень разные для него годы. В Анкете к заявлению о помиловании (в 1953 и 1955 годах такие заявления оставались без удовлетворения – о них ниже) администрацией лагеря было сообщено:

«Отбывает наказание с 8 августа 1948 года (это дата ареста по самому первому делу. – А.Б.), работает бригадиром. До 1954 г. характеризовался отрицательно, поддерживал уголовно-бандитский элемент, занимался членовредительством, оказывал неповиновение, за что содержался на строгом режиме. Затем резко меняет поведение. В данное время характеризуется положительно. Режим облегчён, за зоной».

Далее в документе следуют расчёты отбытой и не отбытой частей срока наказания, но прежде, чем их привести, следует сообщить читателю, что в 1951 году, уже находясь на Колыме, Туманов был осуждён в третий раз – по ст. 59-3 УК РСФСР (бандитизм) и ст. 2 всё того же Указа от 4 июня 1947 г. – уже на 25 лет лишения свободы и 5 лет поражения в правах. Начало этого срока исчислялось с 20 апреля 1951 года (ареста по этому третьему делу).

К июлю 1956 года отбытие срока наказания по приговору 1951 года у Туманова выглядело так:

Отбыл календарно 5 лет 3 м;
Имеет зачётов 2 года 4 м.;
Отбыл с зачётами 7 лет 7 м.;
Осталось к отбытию 17 лет 5 м.

Оставалось, как видите, ещё очень много – больше, чем после назначения первого срока в 1948 году. И хотя последние два года администрация Заплага буквально лезла из кожи вон, чтобы добиться

снисхождения к судьбе своего замечательного передовика-бригадира, ходатайства её едва ли смогли принести успех. И тут вдруг оказалось, что никаких ходатайств и не нужно вовсе.

Следует напомнить, что в порядке преодоления последствий культа личности Президиум Верховного Совета СССР принял 24 марта 1956 года Указ, согласно которому специально созданные комиссии Верховного Совета должны были посещать центры крупных лагерных систем и там, на месте, с участием представителей местных партийных органов, прокуратуры и лагерной администрации, решать вопросы о целесообразности дальнейшего содержания в лагере того или иного осуждённого за контрреволюционные преступления. Была такая комиссия направлена и в лагерь Дальстроя.

Уже в девяностые годы я познакомился с бывшим заключённым Ф.Ф. Лаврухиным. Осуждённый военным трибуналом в марте 1944 года по ч. 2 ст. 58-10 УК РСФСР на десять лет лишения свободы (большую часть срока он отбывал на «общих работах» предприятий Индигирского ГПУ – возможно, самого убийственного по своим природным и производственным условиям), он был освобождён по отбытии срока в феврале 1952 года. Выезд на «материк» ему не разрешили и, будучи человеком не только предприимчивым, но и весьма талантливым, он быстро освоил фотодело и стал вольнонаёмным фотографом в пос. Усть-Нера. Весной 1956 года, когда и в это ПТУ прибыла Комиссия Верховного Совета СССР, ему поручили сделать несколько снимков, запечатлевших её пребывание на территории района. Спустя почти сорок лет эти снимки оказались у меня.

На одном из них, который я

здесь воспроизвожу, и запечатлена эта Комиссия. Мужчина в светлом кителе в центре – секретарь ЦК ВКП(б) Шаталин (дядя будущего академика-экономиста), рядом с ним в штатском костюме – секретарь Якутского обкома партии (по Лаврухину, то ли Борисов, то ли Завьялов), рядом с ним, левее – прокурор Усть-Нерского района Шатров. Начальник Индлага майор Рудаков Юрий Викторович стоит второй справа.

Побывала Комиссия, с определёнными заменами в составе, и в Западном ПТУ, в Сусумане. Читаем у Туманова:

«Мне велено ждать в коридоре. Наконец слышу своё имя и толкаю дверь. До сих пор я знал кабинеты, где добавляют «срока», как говорят колымчане, но первый раз оказываюсь в помещении, где срок могут убавить. За столом и вокруг – человек тридцать. Военные и штатские. Большинство из них я прежде не встречал. В стороне за столиком белокурая стенографистка.

– Заключённый Туманов, садитесь – говорит сидящий за столом в центре. Это, как я потом узнал, прибывший из Москвы председатель комиссии Владимир Семёнович Тимофеев.

(...) пересмотр дела обычно занимал 15–20 минут.

Со мной говорят больше двух с половиной часов...»

Часть этого разговора, касающуюся осуждения Туманова по ст. 58-10 УК РСФСР, я и представляю по составленной в тот день стенограмме без каких-либо исправлений.

«К протоколу № 125 от 12 июня 1956 года.

Туманов Вадим Иванович

(...) Вопрос: В чём выражались антисоветские разговоры?

Ответ: Я даже не помню, как это получилось. В училище мы часто разговаривали с ребятами на разные темы. На следст-

вии мне предъявляли, что восхищался Вертинским, но мне не нравился Маяковский и говорил о некоторых руководителях партии и правительства. Если бы мне Красавин, который вёл мне следствие раньше сказал, что за это могут судить, я бы никогда не говорил этого. Красавин работал следователем в водном отделе МТБ Тихоокеанского бассейна, и он меня знал по работе.

Вопрос: Где Вы учились?

Ответ: Во Владивостокском мореходном училище.

Вопрос: Кто родители?

Ответ: Мать работала врачом, умерла в 1955 году.

Вопрос: А отец?

Ответ: Отца в 1938 году арестовали, я не знаю за что.

Вопрос: Кем отец работал?

Ответ: Он был в Армии офицером, работал в политотделе.

Вопрос: Что же Вы член ВЛКСМ и вдруг начали всякой болтовнёй заниматься?

Ответ: Какая это болтовня, если мне нравился Вертинский, а Маяковский мне не нравится. Я говорил, что Вертинский лучше пишет.

Вопрос: Вас обвиняют не в Вертинском, а Вас обвиняют в том, что Вы выражали антисоветские взгляды, направленные против существующего в Советском Союзе строя, выражали недовольство демократией в Советском Союзе, возводили клевету против колхозного строя, восхваляли жизнь в капиталистических странах. Находясь в заключении, в 1948 году выражали враждебные настроения против руководителей Коммунистической партии и восхваляли одного из руководителей капиталистического государства?

Ответ: Против колхозов я ничего не говорил. А насчёт портрета Сталина был такой разговор, что кругом повешаны только его портреты.

Вопрос: В чём у Вас было недовольство существующим строем в Советском Союзе?

Ответ: Я жил всё время хорошо, до 1948 года ходил за границу, был штурманом. Был такой разговор с одной девушкой в отношении портретов Сталина. Вот с этих портретов и началось всё. Когда мне вёл следствие Красавин, то даже говорил, почему я ношу заграничный костюм. Я говорю, нравится и ношу. За это мне пришили 58-б а потом сняли.

Вопрос: Что говорили о колхозах?

Ответ: Я никакого вывода не делал в отношении колхозов. Был только разговор в отношении Маяковского и Вертинского.

Вопрос: Вы подписывали на следствии протокол?

Ответ: Подписывал.

Вопрос: Свидетели были?

Ответ: Были свидетели и показывали тоже, что я Вам сейчас сказал.

Вопрос: Как восхваляли жизнь в капиталистических странах?

Ответ: Я был в Америке в нескольких портах, мне очень нравилось всё. Нравилась техника, мосты, 8 штук через реку Колумбию, сам город Портланд прекрасный.

Вопрос: Кого из капиталистических руководителей восхваляли?

Ответ: Если я и восхвалял, то только Рузвельта.

Вопрос: Как же так могло получиться, Вы третий помощник капитана, комсомолец, Вы должны были брать не только внешний эффект, но брать внутреннее содержание каждого вопроса для того, чтобы правильно анализировать и делать правильные выводы. Как же Вы могли только по внешнему эффекту делать определённые выводы и восхваления.

Сколько Вы лет учились и где?

Ответ: Я учился в школе 8 классов, а потом поступил во Владивостокское мореходное училище.

Вопрос: Вы учились, изучали историю. Вы прекрасно знали, как наш народ с каким трудом пришёл к Великой Октябрьской Революции, что только после Октябрьской Революции в нашей стране стала развиваться промышленность и расти сельское хозяйство. А Вы увидели в Америке красивые мосты и стали её восхвалять.

Ответ: Я не восхвалял, я рассказывал только то, что видел.

Вопрос: Мы видим, что у Вас нет никакой базы к тому, чтобы Вы были антисоветским человеком. Вы просто морально-шаткий человек, куда течение, туда и Вы идёте. Жизнь у Вас была лёгкая, денег много, плавали за границу, имели девушек, поэтому Вы стали человеком лёгким и враг мог Вас взять в любую минуту. Так, или Вы другого мнения о себе?

Ответ: Я конечно другого мнения о себе.

Вопрос: Какого же Вы мнения о себе?

Ответ: Как я могу о себе сказать.

Вопрос: А как же, Вы должны лучше знать о себе, может мы ошибаемся в своих выводах.

Ответ: Конечно, тогда жизнь мне казалась в розовых красках, но я не восхвалял Америку. Одно дело, что мне навилась американская техника, но я не собирался оставаться за границей.

Вопрос: А дальше могло бы и до этого дойти?

Ответ: Нет.

Вопрос: У Вас не было никаких данных к тому, чтобы быть антисоветским человеком. Несмотря ни на какие трудности, с которыми советскому народу пришлось строить свою жизнь, Вам советская власть дала возможность получить образование, Вы по существу никакой нужды не видели, Вас берегли отец и мать, Вас берегла Родина-мать. Вы в 20 лет уже капитан дальнего плавания, плавали и за границу, а

говорите, что Маяковский Вам не нравится. Маяковский ездил за границу больше Вас, он видел Италию, видел американские небоскрёбы, видел Францию, но всё же он говорил: «...Мой паспорт, моя Республика, моя милиция...» Его ничего не пленило за границей. В то время наша страна была ещё маленькая в развитии промышленности по сравнению с Америкой, но его ничего не влекло.

Вы читали книгу А.Горького «Город жёлтого Дьявола»?

Ответ: Читал.

Вопрос: Вы видели, как он описывает эту Америку, их технику, их людей, читаешь, даже содрогаешься. А стихотворение Маяковского «Чёрное и белое» читали?

Вам надо было понимать, что нам осталось от царской России, а потом делать сравнения.

Какую оценку Вы сейчас даёте своему поведению?

Ответ: Что я могу Вам сказать, если я скажу что, то всё равно Вы скажете мне, что я подстраиваюсь. Но я Вам хочу сказать, что я не антисоветский человек. И никогда не думал и не сказал бы ничего, если Красавин меня предупредил во время».

На благоприятное решение Комиссии, на весь этот, пусть примитивный, но в целом доброжелательный допрос, повлияло, как парадоксально это не выглядит, наличие у Туманова судимости по казённой статье. Потому что, как, видимо, рассуждали председатель и члены той Комиссии, не начини чекисты «копать» под молодого штурмана, снимать его с пароходов, в результате чего он оказался «в резерве», то есть безработным — плавал бы и плавал себе молодой моряк, знакомясь с миром, и не с каким бы грузчиком Еремеевым никогда не познакомился, не попал бы в его шайку и, вслед за тем, на ска-

мью подсудимых по обвинению в хищении. А не окажись он в лагере, не случилось бы и новое преступление и не получил бы он этот двадцатипятилетний срок, из которого вот уже несколько лет мужественно выкарабкивается... Так, мне кажется, рассуждала та Комиссия.

Отмечу и достойные, умные, не лишённые хитрости ответы Туманова – конечно, и они произвели на членов Комиссии определённое впечатление.

Постановление Комиссии, принятое в тот же день, 12 июля 1956 года, было, наверное, ошеломляющим, прежде всего, для самого Туманова:

«Освободить за нецелесообразностью дальнейшего содержания в заключении». И на той «Анкете к заявлению о помиловании», ставшей вдруг ненужной, появится резолюция карандашом: «Освободить».

Но до этого счастливого дня было ещё долгих семь лет. А пока наш герой не то чтобы воочию, а всю плотью своей знакомится с чудовищными порядками дальневосточной пересылки: тут и грабёж заключённых, и их жестокое избиение при малейшем признаке неповиновения...

Отмечу в воспоминаниях Туманова, относящихся к этому периоду, два момента. Первый – версия обстоятельств гибели поэта Мандельштама. Мифов о пребывании поэта в заключении существовало в своё время множество. Приводили они несчастного заключённого и на Колыму, где он якобы скончался. У Туманова поэт погиб всё-таки на Владивостокской пересылке, что соответствует вполне основательным розысканиям прежних лет, но вот сообщаемые Тумановым обстоятельства этой гибели столь ужасны, что журналист Михаил Ильвес в цитированной мною рецензии в «Магаданской правде»

даже не решился их повторить: «Лагерная прислуга, ссученные, с ведома администрации, утопила странного поэта в уборной» (цитата из книги Туманова).

Здесь у меня претензии даже не к В.И. – едва ли он когда-нибудь всерьёз интересовался судьбой Мандельштама, а вот его замечательный помощник Л.И. мог бы быть и поосмотрительнее, тем более что именно газета, в которой он служил не один десяток лет, к столетию со дня рождения Мандельштама опубликовала серию статей, в которых наиподробнее образом были приведены обстоятельства последних недель жизни и смерти О.Э. Мандельштама. Неужели Л.И. не читал эти статьи в некогда родной газете?

И уж совсем странно выглядит утверждение, вышедшее из-под «золотого пера» «Магаданской правды» М.Ильвеса после знакомства с книгой «Всё потерять – и вновь начать с мечты...»: «До сих пор детали его (О.Э. Мандельштама. – А.Б.) кончины не были известны, и только в этой книге рассказаны». «Детали кончины» О.Э. Мандельштама автор рецензии мог бы прочитать ещё несколько лет назад в альманахе «На Севере Дальнем».

Второй из вышеупомянутых моментов связан с описанием побегов, первые из которых относятся к пребыванию Туманова на пересылке.

В приведённом мною выше письме Л.И. спрашивал: «По его (Туманова. – А.Б.) словам за побегу ему намотали в общей сложности 99 лет – правда ли это или память подводит?» Описание побегов в воспоминаниях появятся не раз. Я подберу их один к одному и попробую на основании того, что знаю из документов о пребывании Туманова в лагере, что знаю о практике репрессивных органов в отно-

шении беглецов, составить мнение о достоверности этих релизов В.И. Тут у нас всё ещё впереди.

Ну, значит, поплыли. В книге Туманова говорится: «Издали пароход «Феликс Дзержинский», должно быть, похож на пиратский корабль с клиперским форштевнем. На самом деле его удлинённый нос объясняется первоначальным предназначением. Не знаю, в каком году «Феликс Дзержинский» вместе с подобными ему «Джурмой», «Советской Латвией», «Дальстроем» передали НКВД, перепрофилировав для перевозки живого груза. Скорее всего, в середине 40-х (...) Наш этап поднимали по трапам на палубу пятитрюмного «Феликса Дзержинского». Вместо пяти с половиной тысяч человек в этот раз погрузили шесть с половиной тысяч».

«Первые большие каботажные суда трест «Дальстрой» закупил за границей в Голландии в 1935 г.» – сообщает в своей монографии «Транспортное освоение Северо-Востока России в 1932–1937 гг.» магаданский историк А.С. Навасардов. Он приводит воспоминания одного из членов закупочной комиссии Е.Ю. Бессмертного: «Мы довольно быстро выбрали именно такие пароходы, какие предписывались инструкцией Дальстроя: «Масуда» и «Алмело» были довольно крупные равнопалубные, двухтвиндечные океанские суда с паровыми машинами на жидком топливе. Позже с приездом в Амстердам капитанов Финякина и Глейзера пароходу «Масуда» было присвоено название «Джурма», а «Алмело» переименован в «Дальстрой» (в действительности «Ягода»). Голландцы произвели ремонт добросовестно. Приезд директора Дальстроя Э.П. Берзина в

Пароход «Дальстрой»

Амстердам ускорил выбор третьего судна, которому дали название «Кулу» (указ. соч., с. 66).

После опалы Г.Ягоды пароход носил не менее ужасающее имя следующего наркома, а после ареста Н.Ежова руководители Дальстроя решили больше не искушать судьбу (но не выразили ли они тем самым неверие в незыблемость власти Л.П. Берии?), и всё тот же пароход получил имя «Железного Феликса» – уж он-то нас не подведёт!

В рассказ Туманова о плавание на «Дзержинском» вкраплён, а точнее – составляет его соль, эпизод с попыткой группы военных, недавних участников боёв с японцами, прикнувших к этой группе моряков-заклужённых, ну и, конечно, самых смелых уголовников, захвата парохода. По словам Туманова, охраны, вооружённой автоматами, в этом рейсе было особенно много, так как на борту находился сам начальник УСВИТЛа генерал Деревянко, бывший командующий Дальневосточным фронтом, участник церемонии под-

писания акта о полной и безоговорочной капитуляции Японии 1 сентября 1945 года.

Присутствие на борту «Дзержинского» бывшего боевого генерала, ставшего теперь во главе охранников, явилось источником особой ярости невинно осуждённых моряков, когда-то якобы сражавшихся под его командованием.

Захват судна не удался, в группе, готовившей захват, нашёлся предатель, известивший об этих планах охрану. Первые 14 человек, бросившиеся к корабельной рубке, были расстреляны тут же из автоматов. Подозреваемых в участии в этом восстании (а чего уже тут подозревать? Предатель мог указать на тех, кого знал, пальцем) после прибытия в Нагаево поместили в «доме Васькова», внутреннюю тюрьму УМВД по СДС, но так ничего от них не добившись, через две недели разбросали по этапам.

История, рассказанная Тумановым, никакой огласки не получила, ни в каких архивных документах никому из исследователей не встреча-

лась и вызывает немало сомнений в своей достоверности.

Начну с того, что Туманов, мягко говоря, обозначился: скромного генерал-майора А.Ф. Деревянко, кадрового работника НКВД-МВД, до УСВИТЛа руководившего с 1946 года лагерной системой в Ленинградской области, пребывавшего на своём посту в Магадане с 27.07.48 по 03.05.51, после чего направленного начальником входившего в систему Особого лагеря Реглага (Воркута), откуда в 1954 году он был уволен, наш рассказчик спутал с генерал-лейтенантом К.Н.Деревянко, действительно участвовавшим в войне против Японии (сообщено магаданским историком А.Г. Козловым).

Сомнительно даже то, что наш, усвитловский, Деревянко, плыл на одном пароходе с заклужёнными – а то он на них ещё не нагляделся? К тому же, у «Дальстроя» в то время уже были пароходы куда более комфортабельные, на которых и полагалось путешествовать таким начальникам.

Сомнителен и сам замысел

захвата парохода, потому что ну, ладно, героическая попытка удалась, а дальше-то что? Трезвые головы (а такие должны были оказаться среди репрессированных офицеров) могли достаточно уверенно предположить, что поверженная, разгромленная Япония откажется принять беглый советский пароход — для неё это обернулось бы дипломатическим скандалом с очень серьёзными последствиями.

Едва ли обрадовались бы неожиданному подарку и американцы, если бы захваченный корабль причалил в каком-нибудь порту США. Зачем им шесть тысяч зеков, среди которых подавляющее большинство уголовников? Держать их в своих тюрьмах на деньги американских налогоплательщиков? Накладно. Отпустить всех на волю? А то в Америке своих преступников не хватает!

Ну и, конечно, сомнительно безрезультативное содержание подозревавшихся в причастности к попытке захвата в «доме Васькова». А может, этого содержания и не было вовсе?

Сохранись в личном деле з/к Туманова, как и полагается, карты зачёта рабочих дней, мы могли бы соотнести дату его прибытия в бухту Нагаева (она известна из формы УРО № 13-25.06.49) с датой появления в Сусуманском КОЛПе и обнаружить или нет эти сомнительные магаданские две недели, но таких карт — ни одной! — в деле Туманова нет. Туманов расскажет, что году в 1955-ом, когда начальство всех мастей, включая и первого секретаря райкома партии, пыталось добиться его помилования Президиумом Верховного Совета СССР, из формуляра «рабочего дела», сопровождавшего заключённого по всем лагерным отделениям, были изъяты компрометирующие его документы. Но, видимо, позднее такие доку-

менты (и карты зачёта рабочих дней) были изъяты и из личного дела з/к Туманова, потому что именно оно должно было лечь на стол Комиссии Верховного Совета СССР. Оттого вышеуказанное сопоставление произвести не удаётся.

Бегло перечислю некоторые погрешности текста (в том порядке, в котором они присутствуют на страницах книги) прежде чем перейти к главным обстоятельствам пребывания В.И. Туманова на Колыме.

В.И. сообщает, что, находясь в заключении, «пересидел в большинстве лагерей Дальстроя». Это явное преувеличение. Я думаю, что и за отпущенные ему позднее 25 лёг он не успел бы и половины их пройти — так много было этих лагерей. К тому же, один из них, часто упоминаемый на страницах книги, назван у Туманова неправильно — «Ленковый», когда как надо бы «Линковый» (видимо, по названию рыбы — линок). Вопреки утверждению Туманова «красивые» названия месторождений и местностям (позднее они становились названиями приисков и переносились на лагерные подразделения) присваивались не дальстроевским начальством, а первопроходцами — начальниками геологических и геодезических партий в пору, когда до появления «Дальстроя» было ещё далеко.

«Только со временем, — якобы рассказывал Туманов, — до меня дошёл страшный смысл картины, созданной в строках одной лагерной песни:

*Сто тонн золотишка за год
Даёт криминальная трасса.
А в год там пускают в расход?
Сто тонн человеческого мяса.*

Мне Колыма открылась не сразу».

Из приведённой цитаты следует, что эти строки лагерной

песни Туманов знал давным-давно, ещё в бытность заключённым, что не соответствует действительности, так как он и внимательный журналист могли прочитать их впервые в книге «За нами придут корабли...», которую я вручил Туманову при нашем не слишком удавшемся свидании в 1999 году. Раньше эта строфа песни «Ванинский порт» никогда не печаталась и, насколько мне удалось выяснить, среди лагерников никогда не звучала.

«В лагере я никогда не сотрудничал с администрацией, — утверждает Туманов в начале своего повествования, — и не был на должностях с какой-либо привилегией». В дальнейшем он же приведёт факты совсем иного свойства.

«Артек» появился в книге, видимо, по недосмотру. Вероятно, речь идёт о посёлке и лагере Арэк, получивших своё название от находящегося поблизости Аркагалинского энергокомбината (АРЭК).

Е.Ф. Никишов, сменивший Павлова на посту начальника Дальстроя, назван в книге Туманова, одним из самых страшных людей в истории советской Колымы. Это утверждение не соответствует действительности. Кадровый офицер-пограничник, поставленный на Управление строителем Дальнего Севера (УДС) перед началом войны, был очень требовательным начальником, но с полным знанием дела (удивительно, как досконально, до тонкостей он разбирался во всех производственных вопросах) руководил этой производственной машиной, строго спрашивал с вольнонаёмного состава всех рангов, был подчас крутоват, но говорить о какой-то его жестокости у историков нет оснований. Да, был случай, о котором рассказывает и Туманов: Никишов, присутствуя в театре, погнал со сцены

знаменитого певца и обидным словом на весь зал наградил. Ну ведь тогда до нынешних призывов к политкорректности было ещё весьма далеко, они и сейчас далеко не у всех вызывают одобрение.

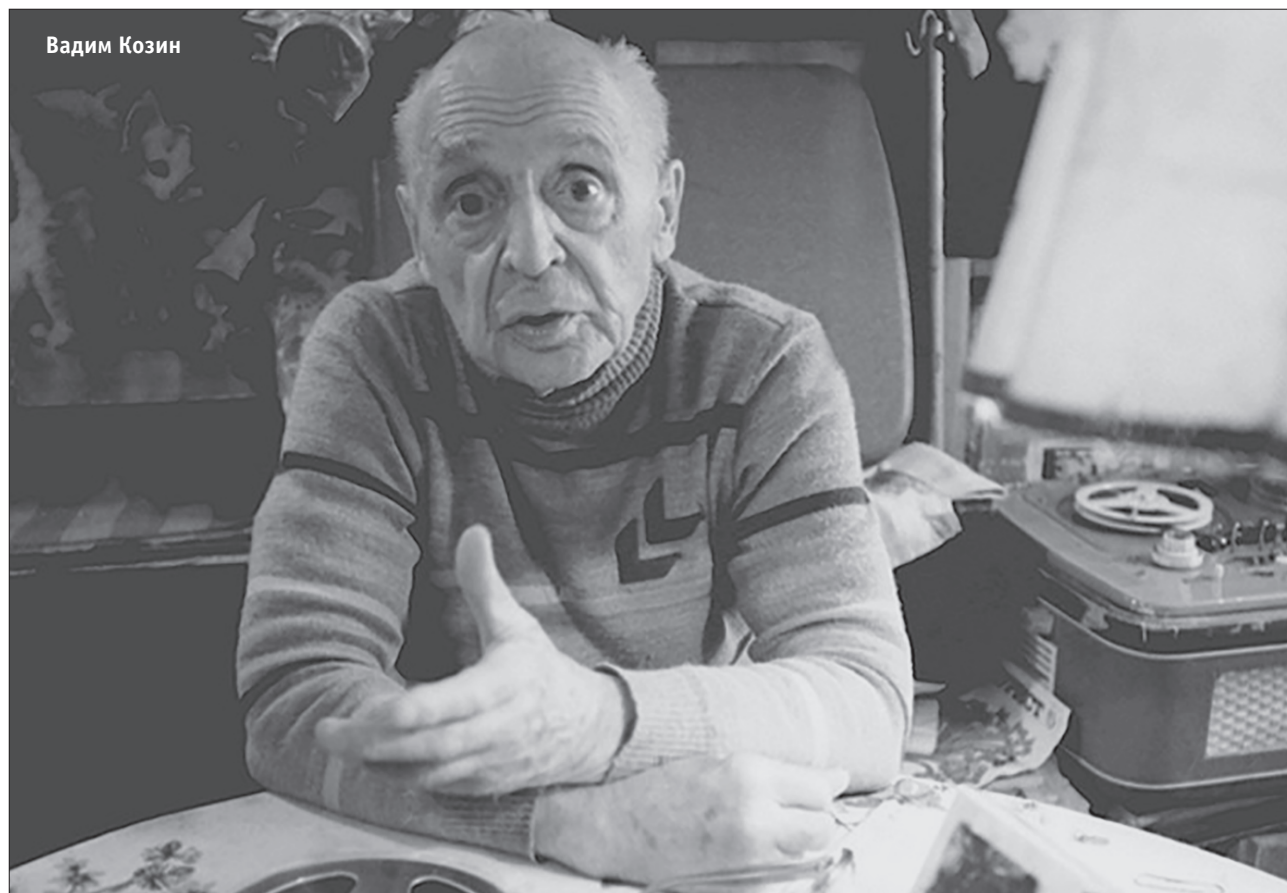
У Туманова о том же певце: «Говорит, что в феврале 1945 года он пел в Ялте для Сталина, Рузвельта, Черчилля – участников конференции глав правительств трёх союзных держав». К той поре Козин был уже заключённым, а пел он по легенде, годом раньше для участников конференции в Тегеране.

Уточню и некоторые бытовые подробности и проживания В.А. Козина в Магадане. Его пребывание здесь было широко известным, потому неверно говорить, как у Туманова, о многих поклонниках певца, ничего не слышавших о нём. Жил Козин действительно на рядовую пенсию, отнюдь не на широкую ногу, и в сумке, с которой он регуляр-

но появлялся на проспекте К.Маркса, возвращаясь из гастронома «Полярный», кроме бутылки кефира болтались два-три хвоста минтая для любимых котов. За помощью не только ни к кому не обращался, но и категорически от неё отказывался. Г.Е. Дорофеев, председатель Магаданского горисполкома в конце восьмидесятых – начале девяностых годов, так и не сумел убедить певца переехать в соседнюю более просторную, двухкомнатную, квартиру (у Козина была однокомнатная). Идея салона была осуществлена лишь незадолго до смерти певца и на базе той же соседней квартиры. Едва ли не с боем работники магаданского СТД (Союза театральных деятелей) вручили ему комплект нового постельного белья, хотя к этой организации В.А. относился с нежностью, регулярно появлялся в театре около 12-ти часов и распивал здесь чай.

Друзья (отмечу в их числе и сотрудницу областной библиотеки, в которой Козин недолго работал в начале пятидесятых) и многочисленные гости города посещали В.А. едва ли не каждый вечер. И мне не раз доводилось приводить к В.А. таких гостей, приезжавших в Магадан по линии Союза писателей или Министерства культуры. Соглашался на такие посещения В.А. весьма охотно, нужно было только предупредить его хотя бы за несколько часов.

Для гостей у Козина были заготовлены три-четыре сюжета, и он повторял их с точностью граммофонной пластинки: о детстве и родителях (весьма почтительно), о раннем знакомстве с корифеями цыганской песни и русского романа, о первых триумфах на советской эстраде... Вопросы о лагерях, о собственном лагерном существовании Козин словно не слышал – видимо, оттого что его собст-

Вадим Козин

венное пребывание в лагере было достаточно условным. Пел для гостей охотно и много, энергично аккомпанируя себе на стареньком пианино. В его репертуаре (а всего Козиным написано более 200 песен, большинство из которых к середине девяностых годов он совершенно забыл) было много песен о любимом Магадане.

Но пойдём далее. У Туманова: «И только близкие отношения Горького с Николаем Ягодой...» Отношения Горького с наркомом внутренних дел были действительно близкими и даже загадочными. Вот только звали наркома Генрихом (в русской транскрипции). Недогляд редактора. Бывает.

У Туманова: «Поблизости захоронение заключённых: короткие, воткнутые в землю палки с дощечками. На них химическим карандашом написаны буква, обозначающая барак, и личный номер умершего. В точности, как на бирке, привязанной к его ноге. Распадок утыкан дощечками до горизонта. А-235, В-456, К-778...»

В тексте Туманова есть несколько неточностей. Над захоронением укреплялась палка или с дощечкой, или с железкой – аккуратно вырезанным дном консервной банки. Что писалось на дощечках, сейчас установить уже невозможно, но, видимо, аналогично тому, что пробивалось (гвоздём?) на железках. Но цифры эти обозначали не номер барака (зачем он тут?) и личного дела заключённого, как у Туманова, а в целом означали номер захоронения, где буква означала участок кладбища, а цифра – номер захоронения в пределах этого участка. Видимо, при кладбищах существовала и какая-то документация, способная в случае необходимости персонифицировать эти безликие номера –

иначе зачем они... Нынешние исследователи этой документацией не обладают.

К левой ноге умершего полагалось прикреплять бирку уже с другим, чем на дощечке или номерке текстом: сообщался номер личного дела осуждённого, статья, по которой он был осуждён, и срок.

Архив, в который попадали дела умерших, погибших, убитых при попытке побега у Туманова назван неопределённо: третий или четвёртый.

Уточню. Эта часть УСВИТловского архива индексировалась цифрой три, и фраза «уйти в третий архив» была нарицательной, она означала смерть заключённого. Эта часть архива и у УВД и ныне индексируется той же цифрой. «Троечный» архив сохранился, по словам его сотрудников, почти полностью – гигантский массив в 128 тысяч дел.

Продолжая рассуждать о побегах, Туманов рассказывает: «Согласно Уголовному Кодексу (сейчас точно не помню статью – кажется, 92 или 93) срок давали до трёх лет». Действовавший с 1 января 1927 года по 1 января 1961 года УК РСФСР действительно содержал в главе «Иные преступления против порядка управления» такую норму (ч. 1 ст. 82). Однако по той причине, что санкцию эта норма действительно имела совершенно незначительную (до трёх лет лишения свободы), ещё в «ежовские» времена изобретательные практики из НКВД стали квалифицировать побеги заключённых как контрреволюционное преступление по ст. 58-14 (к-р (контрреволюционный) саботаж) УК РСФСР. Тут уже санкция была посерьёзнее: (до 10 лет лишения свободы, 25-летних сроков наша юриспруденция тогда ещё не знала, оттого утверждения Туманова о «намотанных» им 99-ти годах заключения за побеги – абсолютная фанта-

стика. В особо опасных случаях, если контрреволюционный саботаж проводился «со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата», это преступление могло повлечь за собой высшую меру наказания.

Трудно представить, чтобы колымский з/к, какой бы формой саботажа он не занимался: отказывался выходить на работу, умышленно разбивал опостылевшую тачку или направлялся в бега, уклоняясь тем самым от дальнейшего отбытия наказания и участия в добыче драгметалла, своими действиями мог ослабить власть правительства, но расстрелы за контрреволюционный саботаж и здесь были не редкостью.

А сверх того всё та же счастливая находка позволяла изобретательным умникам из НКВД ещё и расширить круг репрессий, поскольку ответственности подлежал не только злодей-саботажник, но и, в соответствии со ст. 58-12, тот, кто достоверно знал о «готовящемся или совершённом контрреволюционном преступлении».

Трудно точно очертить временные рамки действия такой кровавой переквалификации, потому что никаким юридическим актом она не вводилась в действие и не выводилась из него. Начало – год 38-ой, далее, во время «бериевской оттепели», от неё, возможно, воздерживались и снова к ней же вернулись в первые годы войны в практике Военного трибунала войск НКВД СССР при СДС. Позднее, года с 1943-го, когда военно-политическое положение в стране стабилизировалось, а положение с рабочей силой в том же Дальстрое предельно обострилось (в 1943 году Севвостлаг не получил ни одного этапа – тут уж и самого паршивого саботажника пристрелить

будет жалко), счастливая находка прежних лет была уже не нужна.

Пребывание Туманова в колымских лагерях делится на два неравных по длительности и противоположных по качеству периода. Первый период — это протяжённый ад, в котором з/к Туманов противопоставляет в равной степени и лагерной системе и лагерному беспределу всю мощь своего необузданного характера: он дерётся, в совершенстве владея приёмами и борьбы и бокса (не забывая при этом иногда припрятать ноги в рукава телогрейки), и жестоко избивать своих противников, кем бы они не были, но и они его бьют не менее жестоко, используя случающееся численное превосходство. Он неустанно мечтает о побегах и, по его словам, не один раз осуществляет их. Но был и второй период, это уже после смерти Сталина, когда закоренелый бунтарь вдруг понимает, что есть, есть, есть способ выбраться из неволи: это «встать на путь исправления». И здесь, при всемерной поддержке лагерной администрации, он начинает творить не менее дерзкие чудеса.

Но о них, равно как и драках и побегах, чуть далее, а сейчас я представлю читателю, видимо, самый яркий эпизод того адского периода лагерной жизни Туманова, который обеспечил ему третий, теперь уже 25-летний, срок лишения свободы.

18–20 апреля 1951 года Военный трибунал войск МВД при Дальстрое в составе председательствующего майора юстиции Филиппова, членов капитана Бондаренко и лейтенанта Болдырева, при секретаре ст. лейтенанте Гуденкове, с участием представителя гособвинения в лице пом. Военного прокурора войск МВД при ДС капитана юстиции Михеева и защиты в лице

адвокатов Анашкина, Гусаровой и Дмитриевой рассмотрел в открытом судебном заседании дело о бандитском нападении на денежную кассу дражного участка прииска «Перспективный» Западного горнопромышленного управления, совершённом 20 сентября 1950 года подсудимыми:

Фрутецким Вениамином Александровичем, 1924 года рождения, уроженцем пос. Лазейки, гор. Красноярска, из крестьян, русский, имеющий образование в объёме 6 классов, холостой, судимый в 1941 году по ст. 162 п.7 (кража) УК РСФСР к 2 годам лишения свободы, в 1942 году по ст. 59-3 (бандитизм) УК РСФСР к 10 годами лишения свободы, в 1947 году по ст. 162 п.Д (повторная кража гос. или общественного имущества) к 5 годам лишения свободы, с присоединением к назначенной мере наказания не отбытого срока по предыдущему приговору, а всего определено 10 лет лишения свободы, наказание отбывает с 28 марта 1947 года.

Страшновым Анатолием Васильевичем, 1930 года рождения, уроженцем г. Сталинграда, из рабочих, русский, с низшим образованием, холостой, судимый 27 июля 1947 года по ст. 167 ч. III (вооружённый разбой) — (отчего в данном случае не была применена ст. 2 уже вступившую в силу Указа «Об усилении охраны личной собственности граждан» от 4 июня 1947 года, мне осталось неясным, возможно, что осуждение произошло годом раньше) УК РСФСР и 28 февраля 1951 года по ст. 16-59-3... (ст. 16: «Если то или иное общественно-опасное действие прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям Кодекса, которые предусма-

тривают наиболее сходные по роду преступления». Что же он такое совершил? Остаётся только догадываться. Туманов рассказывал:

«На Перспективном я встретился и подружился с Анатолием Страшновым. В его лице было что-то татарское. Он немногословен, смеётся почти беззвучно. Бывают люди, на которых смотришь и как-то чувствуешь, что с ними лучше не портить отношения. Наверное к таким и относился Страшнов. Думаю, что в зоне мало кто хотел бы стать его врагом»)

...УК РСФСР к 25 годам заключения в ИТЛ.

Желудковым Фёдором Андреевичем, он же Лаврентьев Георгий Николаевич, 1924 года рождения, уроженцем г. Чкалова, из рабочих, русский, имеющий образование в объёме 5 классов, холостой, судимый 11–13 апреля 1946 года оп ст.ст. 162 п. В (кража, совершённая на вокзалах, пристанях, паромных, в вагонах и гостиницах), 182 ч. 1 (изготовление, распространение и рекламирование порнографических изданий) УК РСФСР и по Закону от 7 августа 1932 года и 28 декабря 1948 года по ст. 58-14 (к-р саботаж) УК РСФСР к 10 годам лишения свободы, наказания не отбыл.

Тумановым Вадимом Ивановичем (установочные данные я уже сообщал).

Военный трибунал установил:

«Подсудимые Фрутецкий, Страшнов и Туманов, отбывая наказание в ОЛП № 6 прииска «Перспективный» Западного лагеря УИТЛ Дальстроя, в начале сентября 1950 года организовались в вооружённую банду и поставили своей целью ограбление денежной кассы Дражной конторы. Позднее в указанную банду вовлекли и подсудимого Желудкова, он же Лаврентьев, Для осуществления намечен-

ной цели подсудимый Фрутецкий вместе со Страшновым, который работал курьером в Дrajной конторе, изготовили к сейфу ключ. После того, как был изготовлен ключ, подсудимые дважды вскрывали сейф, но так как денег в сейфе было незначительное количество, то сейф снова закрывали и выжидали случая, когда в кассе будет значительная сумма.

20 сентября 1950 года, получив от подсудимого Страшнова сведения о том, что в денежной кассе Дrajной конторы Западного горно-промышленного Управления Дальстроя находится крупная сумма денег, подсудимые Фрутецкий, Желудков, Туманов и Страшнов собрались в сапожной мастерской, где работал заключённый Ожогин, для обсуждения плана ограбления кассы.

Распределив обязанности между собой и пользуясь тем, что касса не охранялась, подсудимые Фрутецкий, Туманов, Желудков и Страшнов примерно в 3 часа ночи 21 сентября 1950 года совершили бандитский налёт на денежную кассу Дrajной конторы, в результате чего похитили из сейфа кассы 100 744 рубля 93 коп., при чём кассу вскрывал имеющимся ключом Фрутецкий, подсудимые Туманов и Желудков угрозой ножей охраняли спящих в конторе двух заключённых, ими же был обрезан провод телефона, а подсудимый Страшнов стоял на карауле около конторы. Похищенные деньги подсудимые Фрутецкий и Туманов спрятали и часть взяли для своего пользования. Спрятав деньги, Желудков и Страшнов ушли в лагерь, Фрутецкий пришёл в сапожную мастерскую к Ожогину, Туманов – на объект работы.

Предпринятыми мероприятиями деньги в сумме 86593 руб. розысканы и возвращены Дrajной конторе.

В инкриминируемом им преступлении подсудимые Фрутецкий, Туманов, Страшнов и Желудков, он же Лаврентьев виновными себя признали полностью, а также изобличаются показаниями подсудимых Антонюк, Ожогина, свидетелей Прокопович, Ашкинадзе и другие».

К ответственности по этому делу привлекались ещё несколько заключённых и вольнонаёмных работников, обвинявшихся в ответственности за соучастие, недоносительстве и должностных преступлениях.

Основных обвиняемых по данному делу трибунал приговорил:

«Фрутецкого Вениамина Александровича, Страшнова Анатолия Васильевича, Туманова Вадима Ивановича, Желудкова Фёдора Андреевича, он же Лаврентьев Георгий Николаевич, на основании ст. 2 Указа от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», заключить в ИТЛ сроком на двадцать пять (25) лет каждого, с последующим поражением в правах по п.п. а,б,в ст. 31 УК РСФСР сроком на 5 лет, без конфискации имущества за отсутствием такового у осуждённых, их же по ст. 59-3 УК РСФСР лишить свободы с отбытием в ИТЛ сроком на десять (10) лет каждого, с последующим поражением в правах по п.п. а,б,в ст. 31 УК РСФСР на три (3) года, без конфискации имущества за отсутствием такового у осуждённых.

По совокупности совершённых преступлений на основании 2 Указа от 4 июня 1947 года «Об уголовной

ответственности за хищение государственного и общественного имущества» Фрутецкого, Туманова, Страшнова и Желудкова, он же Лаврентьев, заключить в ИТЛ сроком на двадцать пять (25) лет с последующим поражением в правах по п.п. а,б,в ст.31 УК РСФСР сроком на пять (5) лет без конфискации имущества за отсутствием такого у осуждённых.

Неотбытый срок наказания Фрутецким, Страшновым, Тумановым и Желудковым по предыдущим приговорам поглотить настоящим приговором. Отбытие наказания Фрутецкому, Страшнову, Туманову и Желудкову, он же Лаврентьев, исчислять с 25 апреля 1951 года».

Вот и посчитайте, когда вышел бы на волю наш герой.

«Сколько же страшных минут я пережил за восемь лагерных лет, когда вечером входил в барак и думал: а может, утром я не проснусь? – вспоминал В.И. Туманов. – Ведь каждую ночь кого-то калечили, вешали, убивали. Думаю, что такие мысли были знакомы большинству заключённых, тем более людям, имеющим большие сроки – несколько раз по 25 лет. Можно, конечно, и в лагере прожить тихо и незаметно, ни во что не вмешиваясь, ни на что не реагируя, как, например, спокойные люди, прошедшие Беломоро-Балтийский Канал. Их с почтением называли старыми каторжниками или старыми бэбэковцами и шутили: когда тюрем ещё не было, эти уже сидели в сараях на цепи».

Спокойная лагерная жизнь это, конечно, не для Туманова – не тот характер. И потому, как он рассказывает, мечта о воле, мысли о побеге не покидали его едва ли не с первых минут заключения под стражу. О побегах на страницах

книги рассказывается много и часто.

Первый – ещё до Колымы, на Владивостокской пересылке. Туманов напал на конвоира, сильно ударил его, кинулся бежать, но упал, запутавшись в проводах. Настиг конвой. Туманова сильно избили.

Тут что-то не досказано. Отнял Туманов автомат у конвоира или нет? Если отнял, почему не стрелял? Почему не стреляли конвоиры? В салочки они, что ли, играли? Почему не возбудили дела о побеге, ведь подводя итоги случившегося, Туманов рассказывал: «Попытка побега наделала много шума. В лагере сильно ужесточилась охрана заключённых». Много шума – и ничего?

Второй побег описан более обстоятельно. На этот раз Туманов якобы бежал из эшелона, следовавшего по маршруту «Владивосток – Ванино». Предварительно заключённые пропилили дыру в полу вагона: «Уже вечерело, когда поезд, постояв на какой-то станции, только-только начал движение и ещё не успел набрать скорость как первый, опустив ноги над пролетающими шпалами, держась руками за края отверстия, отпустил наконец руки и провалился вниз, моментально распластавшись на шпалах, чтобы чугунные подвески не разможили голову. На некоторых поездах и в местах сцепа последних вагонов свисали, доставая почти до шпал, металлические кошки, убийственные для беглецов, но сейчас об этом никто не думал. За первым, не теряя времени, нырнул второй, вывалился третий, кувыркнулся четвёртый (...) Когда пришёл мой черёд, я грохнулся на шпалы и прижался к ним, а когда надо мной простучал последний вагон и открылось небо, с платформы последнего вагона охрана открыла беспорядоч-

ную стрельбу. Мы побежали. Бежало человек двенадцать. Послышались ещё выстрелы. Поезд резко остановился, на насыпь прыгивали солдаты с собаками.

Мы бросились врассыпную. Солдаты с карабинами и собаки – за нами. Я никогда не думал, что в поезде столько конвоиров. Откуда они взялись?»

Вопрос, по меньшей мере, наивный. Да с каждым эшелонным следовало несколько вагонов охраны, и её главной задачей было не допустить побега, а если уж таковой состоялся, засечь каждого беглеца.

Побеги заключённых из эшелонов действительно случались – обычно на тех участках, где поезда замедляли ход, и в тёмное время суток, чтобы затруднить поиск беглецов. Для предотвращения побегов на каждой станции всё та же охрана специальными деревянными молотками простукивали стены теплушек, пол, потолок – нет ли проломов или пропилов. Но через пол бежали всё-таки редко, потому что вместо чугунных подвесок и металлических кошек, названных Тумановым, под несколькими вагонами эшелона крепились ряды свисавших почти до насыпи стальных зубьев, напоминавших те самые рыхлители, с помощью которых горняки готовят к работе мёрзлые полигоны. А на площадке последнего вагона дежурил специальный пост с пулемётом, его прожектор хорошо освещал оставляемое пространство.

Такой вот ночной побег заключённых (мужчин, конечно), подробно описан в повести Зинаиды Лихачёвой «Деталь монумента». Более того, тот же самый случай (а к тексту З.А. можно было бы отнести с той или иной степенью недоверия – всё-таки литература!) описан и в воспоминаниях,

скупых и строгих, Г.А. Воронской, следовавшей с Лихачёвой в одном вагоне.

В тот раз з/к бежали, проломив крышу. Поезд тотчас остановился. Охрана с собаками бросилась на поиск. Не щадили никого. Потом тела застреленных разложили около полотна дороги для устрашения, наверное.

«Поезд простоял несколько часов, – рассказывает Туманов. – Нам, сидевшим на земле, тайга казалась страшной – в полнеба, но побродить по ней напоследок (после побега? – А.Б.) уже было не суждено. Беглецов никто не переписывал, уголовного дела не возбуждали. Не имело смысла: за побег давали три года, но почти у всех в нашем этапе были большие сроки, а при вынесении приговоров по двум или большим делам маленькие сроки поглощаются большими».

Утверждение о невозбуждённых уголовных делах кажется мне весьма сомнительным. Принцип поглощения одного наказания другим действительно существовал в советском уголовном праве.

В судьбе самого Туманова он сыграл свою роль ещё во Владивостоке, но ведь там не стали отказываться от того, чтобы осудить его по ст. 58-10, хотя было заведомо известно, что срок больший, чем уже был у осуждённого по Указу, она не даст. Те же 25 лет ИТЛ останутся. Но процесс провели, и меру наказания вынесли: то, что показалось осуждённому неважным (хотя я в это и не верю), юстиции далеко не безразлично.

И в случае побега ей же, юстиции, а потом и лагерной администрации было бы совсем не лишним накинуть осуждённому не год или два, конечно, по ч. 1 ст. 82 УК РСФСР, а десяточку по ст. 58-14 за к-р саботаж – это ведь нам фигуру лагерника в новом

свете представляет, на его содержании, при решении вопроса о разных послаблениях или даже амнистии, непременно скажется. Можно ли в таком случае одной лишь зуботычиной ограничиться?

А потому и возникает вопрос: если не было наказания, хотя оно должно было быть, так было ли преступление?

Через несколько страниц описание ещё одного побега: «Это случилось после того, как нас (Туманова и Г.Лещука. – А.Б.) и ещё двух сокамерников однажды повезли в районную больницу. В посёлке Берелех мы упросили конвой отвести нас в столовую. Получилось так, что один надзиратель, Кустовой, человек с садистскими наклонностями, покалечивший немало людей, пошёл с нами. Обменявшись по пути с Генкой взглядами и мигом поняв друг друга, мы связываем его, слегка бьём по физиономии (видимо,

наказание за садистские наклонности. – А.Б.), толкаем в кусты шиповника, а сами уходим в сторону Сусумана. Там на окраине жили Генкины приятели, тоже из уголовников, мы решили какое-то время провести у них. На третий день нас обнаружила поисковая группа охраны лагерей (точнее, вероятно «Группа б/п – борьбы с побегами – Заплага». – А.Б.). Крепко избив, нас повезли на Борискин (по словам Туманова, в то время штрафной прииск. – А.Б.)»

И в этом случае уголовное преследование возбуждено не было.

А вот ещё одна история, связанная с побегом – совсем красивая:

«Из череды дней, похожих один на другой своей напряжённостью и непредсказуемостью, хочу выделить неделю марта (или апреля?), когда с Лёхой Еремченко по прозвищу Рысь мы были в

побеге. Зайдя в Сусуманскую районную сберкасса с улыбкой на лице, с прибаутками вольняшек, которых много на приисках, легко и небрежно, как ни в чём ни бывало намереваясь получить в окошке выигрыш по облигации. Фальшивой, конечно (...) мы остановились на облигации с выигрышем в тысячу рублей. Это была максимальная сумма, которую могли выдавать сами сберкассы. Облигации с более крупными выигрышами отправляли в Москву, а испытывать бдительность Государственного банка СССР у нас желания не было (...) без приключений покинув место работы (вот с этого момента и пошла, вероятно, неделя побега. – А.Б.), толкнули дверь сберкассы и вошли. В углу за столиком что-то пишет майор. Судя по петлицам, госбезопасности (...) Отступать нам некуда, мы небрежно вытаскиваем из карманов ворох облигаций и

протягиваем в окошко. Пока молодая служащая проверяет, мы успеваем сообщить, как бы в разговоре между собой, что вот пропились, деньги нужны позарез, вдруг повезёт, хотя мы по жизни люди невезучие. Служащая сберкассы протягивает нам таблицу с выигрышами, но мы возражаем:

– Лучше Вы! У Вас рука лёгкая!

Девушка водит пальцем вниз по таблице.

– Ничего себе, невезучие! Тысяча рублей!

Мы с Лёхой выражаем крайнюю степень удивления: Не может быть! (...)

Я вижу, как девушка за окошком поднимается с места и передаёт нашу облигацию старику, совершенно лысому и с длинной белой бородой, сидящему в глубине комнаты с лупой в руках. У меня замерло сердце. Бежать? Остаться на месте? Если бы не этот мастер. Я машинально снимаю крагу с правой руки... Наверное, придётся майору пострадать... старик долго рассматривает облигацию. И возвращает служащей: всё нормально. В соседнем окошке нам отсчитывают и протягивают тысячу рублей. Мы заставляем себя не торопиться (...)

Мы быстро шагаем к тракту. Стоя на обочине, остановили пустой лесовоз и в кабине добрались до Берелеха (...)

Мы с Лёхой добрались до окраины Сусумана. Нас приютил Славка Бурлак, у которого по вечерам собирается цвет местного уголовного мира. От гостей мы узнавали новости: кто из воров бежал, кого-то ловили, кто-то знакомый объявился. В этой квартире знали все колымские новости. Здесь меня и арестовал тот же оперуполномоченный Шклярис. И снова сусуманская тюрьма».

И ещё одна история про побег, рассказанная Тумановым, – теперь уже и вовсе смешная:

«Меня и цыган судили за побег в один день. На вопросы судьи, куда они бежали, один из них отвечал: «На волю, брат, на волю!». Судья улыбался: они собирались бежать в сторону Якутии, чтобы выйти на Читу, но сбились с пути и пробирались к Магадану. В то время от Магадана до Посёлка Палатка была узкоколейная железная дорога (дорога от Магадана доходила лишь до посёлка Уптар, 72 км основной трассы, там же размещалось Управление этой дороги. – А.Б.). Увидев её, один из беглецов воскликнул: «Смотри, брат, дорога! Скоро и Чита будет». Рядом с железнодорожной насыпью находился оперпост. Цыгане обрадовались: «А вот и билетная касса!». Там их и арестовали.

Мне трудно описать, что происходило в зале суда, но на моей памяти это был един-

ственный суд, где смеялись все – судьи, прокурор, конвоиры и даже те, кому было положено получить по статье 58-14 25 лет...»

Совершенно очевидно, что в данном случае Туманов откровенно «травит», то есть рассказывает, лагерный анекдот, ну а тому, что в этом рассказе нет сведений о том, был ли в тот день приговор вынесен самому Туманову, находится у него же следующее объяснение:

«В 1954 году был пересмотр статей и все осуждённые по этой статье, если на них не висело других статей, были освобождены. Из формуляров вырывали «лишнее», только чтобы к проверяющим не попали приговоры за побег по статье 58-14 как за саботаж. В том году я находился на Челбанье. Начальник спецчасти, смеясь, предлагал мне: «Зайди в спецчасть, дам тебе на память вырванные материалы». Я махнул рукой: «Не надо».

Всё это совершенно не соответствует действительности. Никакого пересмотра дел в 1954 году ещё не было – пора ему придёт позднее. Но даже лет через 35, в конце восьмидесятых, когда пересмотр дел на лиц, осуждённых за политические преступления, в том числе шёл полным ходом, реабилитация уголовников, осуждённых по ст. 58-14 УК РСФСР, не производилась: два разных контингента – политических и уголовников правоохранительные органы не смешивали. Кстати, о каких приговорах или хотя бы выписках из протоколов заседания Троек, мог рассказывать Туманов, если в формулярах, находившихся на ОЛПах в рабочих делах, полагалось иметь записи лишь производственно-бытового и медицинского характера. Юридические документы в них не содержались, а потому и предложение от начальника спецчасти (но, вероятно, всё-таки начальника УРБ – учётно-распределительного бюро) следует считать фантастическим.

Единственный вывод, который я могу делать из того, что Туманов рассказал о своих побегах, это то, что 90 лет за эти победы он «намотал» себе сам.

На обложке личного дела заключённого Туманова Вадима Ивановича № 573023, снабжённой такой вот типографским образом выполненной подпечаткой: «Производить надписи на обложке дела, не предусмотренные формой, воспрещается», есть и заполненный от руки штамп: «Осуждён Три раза. Проверил Гармаш. 14/III 1956 г.». Это ещё одно подтверждение тому, что приговоров за побеги у Туманова не было и, следовательно, самих побегов – тоже.

г. МАГАДАН

Юрий БРИЛЬ

Тиру, я обещаю...

Я выглянул из палатки – всё было мрак и вихорь...

Не всё, если приглядеться... Пригляделся – и не узнал места. Где горы, где громадина Кар Кара? Где ледник Балбан? Поглотили те самые мрак и вихорь. Кругом вода; сколько видно, остался единственный островок на перевале, где мы так удачно поставили палатку. Если ливень не прекратится, образовавшаяся болотина соединится с озером, что разливается выше, под горой, – мы подходили к нему, когда искали потерявшуюся тропу. Облачная мгла сокрыла речку и небольшой водопадик, но гремело так, что я живо представил Ниагару.

Можно было ещё сколько-то пройти, но тяжёлый и продолжительный курумник основательно вымотал нас, и мы почтительно остановились перед Кар Каром, чтобы наутро, набравшись сил, продолжить путь. В горах сложно найти площадку для палатки, а тут место ровное – моренный песочек с мелким щебнем – и обжитое, по кругу выложена камнями стенка, правда, невысокая, не более полуметра. Накануне сеялся мелкий пробный дождичек, но мы не придали ему значения. Довольные собой, что снова нащупали тропу, представляли дальнейший путь понятным и простым. Поднимемся до озера Бублик, это примерно полдня ходьбы, и там, сбросив рюкзаки, забежим на гору. Но мы предпо-

лагаем, а Господь – или кто там отвечает за погоду в небесной канцелярии? – располагает. Ураган бесчинствует уже три дня. Нас двое, я и Оксана.

Я выбрался с котелком набрать воды для чая, свирепо лупил дождь. Ух ты, капли, как свинцом отлитые – больно! И поделом, стоило выпороть нас, чтоб неповадно было таскаться по горам. Воды по щиколотку. Можно было прямо у палатки и зачерпнуть, но я добрался до речки; опасаясь, как бы не сдуло в бешено несущийся поток, выждал, когда напор ветра ослабнет, нагнул, срезал малость котелком от его пенистой гривы. У самого входа в палатку запнулся о верёвку и плеснул на свой ещё недостаточно мокрый спальник.

Полежал, набираясь сил и решимости, снова расстегнул палатку и, как на амбразуру... Наладил спицы, выскочившие из соединяющих их разъёмов, в который уже раз вбил колышки, натянул верёвки. Напрасные старания: со следующим штормовым ударом палатка забила крыльями, как на смерть раненая птица, что пытается ещё взлететь в последнем порыве; колья выскочили, вся хлипкая конструкция распалась на элементы, хотя я и старался удержать её изнутри. Всё же каменная стенка сдерживала натиск урагана, а так бы... Представил: ветер перекатил

палатку по тундре, по болотам, и мы весело кувыркаемся внутри.

Чуть стихло, я занялся чаем. Продул газовую горелку – и туда проникла вода – зажёг. Перебрал запасаек: китайский улун, индийский масала, наша травка чабрец... Хотя бы в чае я могу себе не отказывать. На сей раз заварил непальский, по сути, смесь перцев и джинжа (имбирь). Этот чай хорошо согревал меня в Гималаях. На рюкзаке у Оксаны болтался кругленький гаджет со стрелкой термометра: всё те же семь градусов.

Пили чай, садясь по-индейски спина к спине. Заодно принимали освежающий душ – мокрая тряпка, обозначавшая крышу, лежала на головах, текло сверху, сочилось снизу, струилось сбоку.

Надо же было взять в горы этот марлевый мешок! Заверила, у меня хорошая палатка, «когда покупала, сказали, двухместная и надёжность – четыре капли». Четыре ведра, я бы ещё поверил. Хочешь или нет, нас прижимало друг к другу.

– Я вся насквозь промокла.

– Так уж и насквозь... И трусые мокрые?

– И трусые...

– Не верю.

– Можешь проверить.

Не поверить на слово этой благопристойной женщине было бы не этично с моей стороны... Впрочем, что это со мной? Наверно, постарел. Вдруг я заметил за собой, что

к некоторым особам женского пола я отношусь исключительно как к товарищам. Раньше такого не было: в каждой открывал что-то неожиданно привлекательное. И дело даже не в количестве выпитой водки – для каждой находил свой ракурс, с которого даже дурнушка выглядела неотразимо.

Сколько возможно, отодвинулся от Оксаны, что было в высшей степени неразумно. С точки зрения эргономичности, надо было немедленно обняться, тогда бы тепло наших физических тел, согласно открытому мной закону термодинамики, соединилось бы и удвоилось. Я задремал, и, о ужас! – почувствовал сквозь сон, как ледяная лягушачья лапка трогает мою ещё тёплую грудь – плотнее вдавился в сочащуюся дождевой водой стенку палатки.

Очнувшись от кошмара, я огляделся: где я? Почему мне так холодно и сыро, и на каком основании эта женщина рядом со мной?

Вообще-то мы собирались ехать вчетвером, но двое, имея на то веские причины, сдали билеты перед самым поездом. У меня было в плане подняться на Народную и завершить тем самым тему Уральских гор. Я ходил на Ирмель, Нушгур, Уван и другие горушки – Приполярье всё-таки далековато, но забредал и сюда, только с другой стороны, северо-восточной. Путь мой пролегал от Салехарда до посёлка Мужа, далее я продвигался на лошади, на оленях, на своих двоих по реке Сыне. До Народной не дошёл, не было такой цели. Путешествовал один, это было зимой, но я был молод, полон нерастратченных сил и одержим жаждой приключений.

Оксана сказала, что с трудом уговорила начальника

отпустить её на две недели, и портить отпуск из-за двух «предателей» не намерена. Ладно, решил я, поедem вдвоём. А что особенного?..

С Оксаной я познакомился в одном из групповых походов. Ходили недалеко, на Соколиный камень. У нас в городе довольно много туристических групп. Оксана – из тех, кто примыкает то к одной, то к другой. Ну, было дело, и я примкнул. Жёлтая мембранная курточка, белые штаны – она выделялась среди пенсов, любителей пошляться. Да что скрывать, эта женщина в моём вкусе. О, какие ноги!.. Она может пройти в день 30 километров и тащить рюкзак в 20, а то и в 25 кг.

На вокзал пришла вовремя, как договаривались.

– Уважаю точных людей. Увы, нас так мало!

– Я держу своё слово, не то что некоторые.

– Бывают обстоятельства... Но это плохой знак.

– Нет уж, если я пообещаю...

Чуть отъехали от Инты – у нашего «Урала» отвалилось колесо. Водитель опытный, вёз с собой кучу запчастей – иначе и выезжать не имело смысла, – но стоило больших трудов заменить подшипник ступицы, никак не хотел вставать на место.

– Ещё один знак, – отметила Оксана.

С нами в вахтовке ехала группа из Сыктывкара, меня удивило, что с детьми. Нет чтобы позагорать на югах, так они погнали ещё дальше на Север. Да ведь я сам поступил в высшей степени легкомысленно. Так всегда: нет времени нормально подготовиться. Не взял сапоги, думал, обойдусь галошиками, в которых щеголяю на даче. Короче говоря, собрался на прогулку. Что мне Народная после заоблачных гималайских треков?! – так, приполярный

холмик высотой всего-то в 1895 метров...

За два погожих дня мы далеко продвинулись, карликовые берёзки кончились, начались альпийские луга. Улыбнулось солнышко, и мы устроили большой привал. Оксана паслась, собирая зеленоватую ещё морошку, я ползал с камерой, составляя свой цифровой гербарий. Это только в интернете снятые с близкого расстояния цветы Приполярья впечатляют своей пышностью. На самом деле, они крохотны и скромны, хотя и не лишены трогательного обаяния. Сухоцветки, манжетки, ветреницы... У золотого корня (родиолы), я обратил внимание, соцветия с белыми цветками, а не с розовыми, как на Алтае или в более южных районах Урала. Надо же, куда занесло купальницу, так далеко продвинулась на Север и так высоко поднялась! Распустила напоказ жёлтые розанчики, благоденствует у ручья.

Здесь, в хранимой горами чистоте, воздух по-особому свеж и мелодичен. Каждое растеньице источало свой аромат, каждая травка исполняла свою партию, образуя единую и нескончаемую симфонию сыгранного за тысячи лет оркестра природы. Вот прилетел снизу, от верховых болот, повёл тему дух пьянящего багульника, и отдающая горчинкой амбра норвежской полыни, поддавшись влекущей и сильной мелодии, вторила ему...

Хорошо просто так сидеть и дышать. Дышать полной грудью... Обернулся, проследил тропу, по которой шли, – за нами по пятам ползло тёмное в полнеба облако, его тяжёлое, набухшее дождём брюхо волочилось по горам, оставалась только узкая щёлочка просвета над долиной.

Мы ускорили шаг, перепра-

вилились ещё через несколько речек, поднялись по тропе вверх и остановились на привал перед Каром, что здесь называют Цирком. Скалистое кольцо вершины терялось в тумане, языки ледника спускались прямо с неба по крутым вогнутым склонам каменной чаши, припадали к озеру, лакали его светлую воду. Задняя стенка, как это обычно бывает у каров, почти отвесная. Вдоль неё, над ущельем, где шумела река, вилась узкая тропа. Преодолев опасное место, мы угодили в курумник, чудовищное нагромождение скальных обломков, и надолго в нём застряли. Когда же вышли на просторное плато, потеряли немало времени, чтобы найти потерявшуюся тропу. Поставили палатку – тут нас и накрыло.

– Мне холодно, – опять пожаловалась Оксана, – я умру от переохлаждения.

– А мне тепло.

– Правда?.. Почему тогда дрожишь?

– И ты дрожи, рр-рекомендую. Защитная реакция организма. Если голова ничего предложить не может, тогда начинает думать тело. Стоит иногда к нему прислушиваться. У тела тоже есть память. Дрожи – так согревались наши доисторические предки в холодную ночь у погасшего костра. Дёргайся, трясись... Ну!..

– Давай, трясись, а я вызываю МЧС.

– Давай, вызывай. Высунься из палатки и ори: МЧС! МЧС!

– У меня, между прочим, телефон ещё не разрядился.

Набрала 112 – связи, разумеется, не было.

– У нас вообще-то была цель: забраться на гору. Погода наладится, обсушимся...

– Не наладится, я умру...

– Потерпи ещё маленько.

– Я терплю уже целую вечность.

Я тоже стал путаться во времени. В начале августа в Приполярье ещё светлые ночи. Но тут всё смешалось: придавленные плотными облаками дни и сумеречные ночи. К тому же мы не спали трое суток – тоже какое-то сумеречное состояние.

– Почему нас не ищут? – возмущалась Оксана, – мы оформили заявку, заплатили деньги – обязаны искать! И почему нас выпустили на тропу? Они что, не знали прогноза погоды? Назвались парком, так исполняйте!

– Зато полная свобода: иди, куда хочешь, и делай, что хочешь.

– Попал в беду – рассчитывай только на себя, – нагнетала Оксана. – Не парк – одно название!

– Одно название... Зато какое!

Оксана продолжала нагнетать, а я думал о названиях.

Из путешествий я всякий раз в качестве сувениров привожу несколько понравившихся мне словечек. Привычка со студенческих лет. Дело в том, что я участвовал в лингвистических экспедициях профессора А.К. Матвеева. Это был настоящий доктор наук, создатель школы топонимики и неутомимый путешественник. В охоте за лакомыми словечками-топонимами мы немало походили по Северам, забирались в самые глухие районы. И ещё тогда Матвеев обратил внимание на слова с основой **балбан** и отразил их в своём словаре. **Балбан, Балбанью, Балманты... Идол, река идолов, озеро идолов...** Вы спросите, где же тогда сами идолы? Да вот они: Народная, Манарага, Старуха, Пик Карпинского... Как образовались 600 миллионов лет назад, застыли в камне, так и стоят... Мама родная, мы попали в самые что ни на есть сакральные места! Что нам остаётся? Бухнуться к подножию этим

идолам и молиться. Ну не покорять же, в самом деле!.. В сущности, за названиями стоит глубокий смысл, по ним можно воссоздать всю историю переселения древних племён... Вот и **Югид Ва** – перевести с коми – **Светлая вода. Ва (va) – вода.** Морфема **v** берёт начало в глубокой древности, в протобашенных временах, когда язык был единым для всех народов. Важное слово, как **папа** и **мама**. Его и сейчас легко узнать в разных языках: **va, vater, wasser, vesi, acua...** Попробовал на вкус, облюбовал ещё одно словцо – **Васа.** У коми-зырян – хранящий чистоту великий дух-хозяин воды... Спрашивается, какого лешего этот дух разбушевался? Чем мы ему не угодили?..

Вообще-то в этот раз я не готовился узнавать что-либо новое о воде. Собирался погулять по горам, а тут – вода! Если бы я подумал о названии парка накануне, наверняка и оделся бы иначе, во всяком случае, взял бы сапоги.

– Нас найдут, – попытался я успокоить Оксану, – наверняка уже ищут.

– Никто и никогда! – с жаром возразила она.

– Почему это?

– Потому что не ищут. Никого нет. Все умерли. Только ты и я!..

В нашем положении не надо было обладать изощрённым воображением, чтобы представить эту апокалиптическую картину: мы чудом выжили, вцепившись в этот, ещё остававшийся клочок земной тверди, – и теперь в целом мире только двое ненормальных: я и Оксана.

– Звучит романтично... Однако в таком случае на нас возлагается большая ответственность за продолжение человеческого рода. Будь готова.

– Так-то да, но родить не смогу, – ни на секунду не задумалась она.

– Как это не сможешь?! Да ты просто обязана!.. Тебе предлагается очень важная для человечества миссия, твоя роль сравнима разве что с ролью Евы или Ноя.

И она, святая простота, начала объяснять, почему не сможет. Вспомнила сколько-то своих мужей, неудачные роды, откровенно, как с близкой подружкой, давай перетирать свои женские физиологические особенности.

– Палатку починю, – дёрнул за молнию, вывалился в шторм, чтобы только не слушать её откровения. В следующий раз, если я пойду в поход с женщиной, то это обязательно будет глухонемая.

Скоро и вернулся, снова зажёл газовую горелку – сразу стало теплее. Попили чаю.

– Пусть горит, не выключай.

– У нас не так много газа.

– Хочешь, чтобы я умерла от переохлаждения?

– Ладно, хрен с тобой! Живи покуда! – и я не стал гасить горелку.

В тепле мы тотчас задремали, но не на долго, газ кончился – опять те же семь градусов.

– Поменяй баллон.

– Это последний. Мы даже не сможем вскипятить чай...

– Зажигай! – требовала Оксана, – это моё последнее желание!

– Так уж и последнее... Наверняка ещё попросишь чаю. А как я его тебе вскипачу?..

– Разожжёшь костёр.

– Что будем жечь?.. Камни?

На этой высоте уже и трава не росла.

На какое-то время успокоилась, дала мне передышку, и я сосредоточился на выработке тепла. Всё-таки дрожать – это довольно рутинный способ...

– Вставай, трясушка! – вдруг осенило Оксану, – надо мотать отсюда!

– Мы, если помнишь, хотели забраться на гору. Завтра погода наладится, обсушимся на ветерке...

– Поднимайся – если тебе дорога жизнь!..

– Подождём до утра – там посмотрим.

– Этот шторм никогда не кончится.

– Всё когда-нибудь кончается...

– У меня это «всё» кончи-

лось: и силы, и терпение... Умру!..

– Умрёшь, разумеется, – не стал я с ней спорить на этот раз. – Все когда-нибудь умрём. И скажу тебе даже более определённо: за время шторма, а он длится уже три дня, мы на три дня неотвратно приблизились к смерти. Мы с тобой принадлежим к смертной человеческой расе, и с этим ничего не поделаешь.

Видимо, эта информация оказалась для Оксаны неожиданной, она, оказалось, была совершенно не готова к ней.

– Умру! Умру! Умру! – билась она в истерике.

Схватив за грудки, я тряс её, хлестал по щекам... Наконец, она обессилела и затихла. Тогда я вытер пену на уголках её губ, поверх тряпок и шалёшки, которую она таскала с собой во все походы, взгромоздил ещё свой отяжелевший от воды спальник. Не мой, конечно, спальник, а истерика согрела её. Тоже, как и дрожь, – это естественный бунт организма против неразумных и опасных для жизни решений головы. Когда она успокоилась, я всё-

таким попытался воздействовать на её голову, уверенный в том, что истерика, как и алкоголь, даёт на краткое время прилив энергии, но в конечном итоге забирает больше, чем дала, что приводит к печальному итогу. Я рассказывал ей о великих путешественниках. Особенно меня вдохновлял Ален Бомбар. Свой подвиг выживания он совершил не из тщеславия, а ради людей. Изучив статистику несчастных случаев, происшедших на море, он пришёл к выводу, что девяносто процентов потерпевших гибнут из-за охватившей их паники. Ален сел в шлюпку и переплыл в одиночку океан, доказав личным примером, что если не впадать в истерику, как некоторые, то можно выжить в самой неблагоприятной ситуации. Подобных историй я знал немало. Оксана внимательно слушала, мне даже показалось, делает выводы.

– Уже утро – надо идти, – оборвала она моё красноречие. Зря старался, моя всенощная проповедь ничего не стоила.

– Подождём, шторм ещё не кончился...

– Он никогда!.. Слышишь, никогда!.. – её опять начинало штормить изнутри.

– Не надо, только не это, – испугался я, – послушай меня: выдвигаться в такую погоду – значит, решиться на самоубийство. Причём дважды. Первый раз, – разбить башку в курумнике, второй, – соскользнуть в пропасть. Допустим, нам дважды повезёт. Спустимся на семьсот метров ниже – дальше что? Речки уже не те, что были, нам не переправиться через них.

– У меня колет сердце. Я умру!..

С таким аргументом не поспоришь – её истерика вполне закономерно могла закончиться инфарктом.

– Даже не знаю, что лучше:

ломиться навстречу опасности или всё же подождать её здесь?

– Он ещё думает!..

– Ладно, собирай рюкзаки.

– Какие ещё рюкзаки?!..

Пойдём налегке, возьмём только документы и газовую горелку.

Хорошо же я буду выглядеть, когда явлюсь домой: помятый, мокрый, побитый штормом, без рюкзака, с газовой горелкой в руке... Да ещё друзья спросят: «На гору зашёл?»

– За день, и даже за два, нам до базы не добраться, так что придётся устраиваться на ночёвку. Спору нет, твоя палатка – полное дерьмо. Но всё же это лучше, чем ничего. К тому же, ты, наверно, заметила, мокрый спальник тоже немного греет.

С этими доводами Оксана согласилась; спешно, не разбирая куда что, собрала рюкзаки, в мой умяла свои мокрые тряпки, вперемешку с продуктами. В свой – почему-то мои вещи. Я свернул палатку. Мокрые рюкзаки, существенно потяжелели.

– Ну и куда нам идти? – с пристрастием спросил я.

Оксана указала в противоположную сторону.

– Эта ошибка могла бы стоить нам жизни. Но что успокаивает, МЧС на трупы вылетает без задержки... Иди за мной, не отставай.

Пошли по ровному морённому полю – извечному полю битвы камня и воды. Спускаясь с гор, ледник перетирает горную породу, обращая её в песок и мелкий щебень, и всякий раз его останавливает непреодолимая полоса препятствий – этот курумник. Я слышал легенду, будто здешний сказочный великан Гундыр набросал беспорядочно эти остроугольные обломки скал, чтобы защитить живые, тёплые земли от ледникового нашествия.

Какой-то определённой тропы здесь быть не могло, и я

решил держаться ближе к речке, там, мне казалось, скальные нагромождения не такие высокие. Поглощённые облаком, мы шаршились в его утробе; мокро, вязко, видимость – чуть дальше моего носа. Поблёскивающие острыми гранями, местами узорно расцвеченные белёсым, зелёным и глино-коричневым лишайником глыбы призрачно являлись из непроглядного морока. Какие-то обходили, через какие-то перелезали. У меня нет привычки, ходить с палками. Несподручно – под руками всегда камера. Но сейчас не помешало бы иметь ещё хотя бы одну страхующую точку опоры. Камни скользкие, случается, встанешь на неустойчивый... Вот угодил на такой, качнулся, штормовая волна ветра и воды подтолкнула – и я повалился на спину. Рюкзак смягчил падение. Подняться с ним не под силу, кое-как выпутался из лямок... Может, и правда, бросить к чёртовой матери?!..

Ориентировался на реку, она шумела справа... Так и должно быть. Но чем дальше я шёл, тем меньше в том было уверенности. Шумела справа, но как будто и слева тоже. В туман не следует соваться в горы, однако я нарушил золотое правило... Круто забрал влево, полагая, что иду по кругу. Казалось, этим камням не будет конца, но вот в сырой облачной мгле проявилась речка. Бурлила слева под горой, где кончался курумник. Это место я помнил – речки не было. Не было, а теперь вот есть, образовалась. Похоже, дал немного кругался, но ничего страшного, теперь я отчётливо представлял, куда идти. Присел отдохнуть, обернулся... Оксана?!

– Эй, ты где? Эй!.. Оксана! – покричал я. Как в вату... Мой хрип, едва сорвавшись с губ, тонул и глох в шуме дождя и свисте ветра.

Отстала... Поплёлся назад. Не хватало ещё потеряться. Шёл, кричал, падал, поднимался... И уже не обращал внимания на боль и кровоточащие ссадины. О, Господи!.. Я чуть не наступил на неё – распластанную на камнях.

– Как ты?.. Ушиблась?

Молчала. Дождь молотил по лицу. Белое... Губы синие, глаза в небо, пустые, ссадина от брови до виска, дождевая вода смешивалась с кровью, лилась на камень.

– Что с тобой?!.. Ты это брось!.. – тормозил я её.

Я представил весь этот неотвратимый ужас, что меня ожидает: вертолёт МЧС, груз-200, выматывающие душу беседы со следователем. В любом случае попаду под статью. В заявлении на посещение парка я подписался как руководитель группы, потому отвечал за все неправильные решения. Но я же говорил, говорил!.. Говорил – не говорил, как пережить этот кошмар?..

– А-а-а?!.. – повернула она голову набок, – отстань! Дай мне спокойно умереть! – Она ещё лежала минут пять, потом на удивление легко встала, потянулась за рюкзаком.

– Ну, ты... сука! – прохрипел я, хватаясь за сердце, – впервые в жизни закололо, – ты меня здорово напугала.

– Извини, разочаровала – было бы лучше, если бы я умерла. Ты этого хотел?.. Этого?!..

Курумник, слава богу, кончился. Метров на семьсот мы спустились вниз, облака в свою очередь приподнялись над долиной, стало заметно светлее, будто кто-то наверху щёлкнул переключателем. И словно бы приподнялся занавес: я разглядел едва различимые – бутфорские, ещё не прописанные, а лишь эскизно намеченные – скалы Цирка и ущелье. Между ними, как я помнил, и проходила тропа.

Туда и нацелился.

Путь преградила ещё одна новоявленная река, входить в кипящий поток было страшно; стояли в нерешительности, и вдруг эта река, словно бы поняв наши страхи и считаясь с ними, распустилась на три рукава. Два мы перешли, задержались перед третьим, который, сделав лихой вираж перед нами, загрохотал водопадом. Под напорами ливня и штормового ветра лик земли менялся прямо на глазах. Меня так и пронзило: нам доверено, мы присутствуем при великом акте сотворения мира. Древние коми-зырянские боги-демиурги Ен и Ом ль очнулись от вековой спячки, засучили рукава для привычной творческой работы. Новый, светлый, чистый, искристый Югид Ва являлся из первичного хаоса, из сумеречного брожения, где ещё отставалась ночь и не выделился день. Подвластные богам стихии воды и воздуха созидали новые, не залапанные цивилизацией земли светлой планеты. Величайший восторг охватил меня.

– Достань камеру, сними. – Хлестал ливень, ветер рвал одежду, но глаза Оксаны восторженно сияли.

К тому времени мой Сапоп уже порядком хлебнул воды, его печатные схемы безнадежно поржавели. Да и нет такой камеры, которая смогла бы хоть в какой-то мере отразить то, что так зримо впечаталось в мою душу.

И мы поёрлись напрямик, не разбирая пути, по косоугору через бурлящие речки и ручьи к намеченной точке.

Вот и тропа. Узкая и скользкая, она тянулась вдоль ущелья – справа, где-то внизу, бушевал поток, слева – отвесная стенка. Ветер просто играл с нами, забавлялся: то слабел, прикидывался дохловатым, то рвал и метал, демонстрируя свою силу и прерывистую спо-

собность дуть и хлестать на разные лады. Заворачивался вихрем, давил упорно и непреодолимо, затихал, подкрадываясь, чтобы выстрелить залпом. Если бы догадался изменить направление и дунуть в сторону ущелья, смахнул бы нас, как пылинки... По скальной стенке струилась вода, мы цеплялись за неровности испещрённого трещинами камня; бочком, шаг за шагом, пробирались по тропе, стараясь не глядеть вниз, оставались, вжимаясь в скалу, при особо сильном порыве. Надо было пройти какие-то 100 метров...

Но вот тропа расширилась, и мы, почувствовав себя в безопасности, быстро скатывались вниз.

– Люди! – остановилась Оксана, – Люди!!! – заорала она так, будто бы мы год скитались по океану в спасательной шлюпке – и вот увидели землю. Действительно, у развилки, где тропа раздваивалась (одна шла на Манарагу, другая на Народную) мы увидели людей. Это оказалась группа из Перми.

– Ребята, помогите нам! – бросилась она к ним.

Но чем они могли помочь? Сами пережили шторм, палатки вклячь. Оглядев их лагерь, я отметил, что даже хваленая немецкая Lekі не выдержала. Другого выхода, как двигаться к базе, они не видели. Я отвёл Оксану в сторону.

– «Ни о чём никогда не проси у сильных мира сего», – процитировал я сакральную булгаковскую фразу и добавил, – они в таком же положении, как и мы.

Свой запал я истратил и уже высматривал, куда упасть, чтобы отлежаться. В Оксане же, напротив, кипела сумасшедшая энергия. Я был не прав, говоря, что в истерике ничего позитивного нет. Есть, и ещё больше, чем в алкоголе! Оксана не слушала меня, положила на пермяков. Бежать!

Прочь из этого ада!.. Примкнул, ничего не оставалось.

Группа сильная, это было видно по продуманной экипировке. Крепкие, спортивные. Особенно парни. А руководитель группы Яша напомнил мне Хью Джекмана, играющего Росомаху в фантастических боевиках. Не просто Яша, а СуперЯша – так я его окрестил. Женщины не роптали, приказы не обсуждали – единая команда. Сходу форсировали небольшую речку, и дальше по раскисшему, вязкому суглинку короткими перебежками. Во время очередного штормового удара становились в единый круг, крепко сцепившись руками и пригнувшись к земле – так было легче устоять на ногах. В какой-то из ударов Оксана не успела схватиться за мою руку, отлетела метров на пять, покатила по кособогу, рядом кувыркался её рюкзак. Воздушным змеем взмыл над горами спальный коврик, пенка. Моя пенка. Не понимаю, какого чёрта она пристегнула мою дорожную мне пенку фирмы Exped к своему рюкзаку. От рюкзаков отлетало всё пристёгнутое. СуперЯша бросился к Оксане, догнал у самого обрыва, помог подняться. Повесил на неё рюкзак, задержавшийся у куста горной ивы. Метался чёрной молнией от одного к другому, поднимал

павшего. И в мгновение ока возник передо мной, когда я свалился и завяз в глине. Вытащил меня, правда, уже без галош... Дальше я уже бежал босиком.

Как-то нереально быстро мы добрались до Балбанью. Бурлит, грохочет, пенится другая, незнакомая река. Камни скрылись под водой, лишь немногие, самые большие валуны виднелись на поверхности. Так сходу, подхватив под руку одну из женщин, СуперЯша уверенно повёл народ через переправу. Одной из первых ринулась за ним Оксана, я, как был, босиком, хотя у меня в рюкзаке лежали кроссовки, подался следом, чтобы быть ближе к ней. С первых же нетвёрдых шагов я усомнился в том, что нам удастся перейти эту бесноватую реку. И точно, только-только отошли от берега – противоположный – едва виден – и этот душераздирающий визг. Так могла визжать только Оксана. Бултыхнулись сразу двое: пермячка Лена молча – её подхватил СуперЯша. Оксану понесло течением. Синий поплавок рюкзака то поднимался, то опускался, поддерживал её на плаву, однако довольно скоро должен был напиться водой и из поплавка превратиться в грузило.... Не знаю, как уж она

его завязывала, – выпавшие из него моя маечка из Бангладеша, мои носочки фирмы WigWam и мои треники от Fjallraven плыли впереди. А ведь я не просил её складывать мои вещи в свой рюкзак.

– Отбой! Все назад!.. Назад! – скомандовал СуперЯша.

Лишь один человек мог переправиться через Балбанью в тот день и час – это он сам – СуперЯша.

Я ринулся было спасать... не дорогие мне вещички, хотя они, быть может, были дороже этой дурицы, а её – и только потому, что подписался быть ответственным за нашу малочисленную группу, то есть за неё. Однако был так неуклюж, что сам провалился по пояс, черпанул рюкзаком. Ближе к Оксане были два парня, они и ринулись её отлавливать. Я же проскользнул мимо них, отправившись в свободное плавание. Дальше река становилась глубже, вода темнее, течение стремительней. Навстречу огромный валун. Летит прямо на меня... Отчаянно грёб, обречённо сознавая – столкновение неизбежно. Ударился вскользь, пробороzdило бок – жив, легко отделался, но дальше ещё глыбища, ещё... В горячке не чувствовал боли. Избитый камнями, окровавленный, я выбрался из реки ниже метров на пятьдесят. И выволок рюкзак, ставший уже совершенно неподъёмным.

Волоча рюкзак по земле, я дотащился до места переправы. К тому времени пермяки отловили наглотавшуюся воды Оксану. Она лежала на животе, и парни колотили её по спине, потом трясли, держа за ноги вниз головой, пока из неё не вылилось достаточно, на их взгляд. Сидя на берегу, она ещё долго и мучительно прокашливалась.

Пермяки покинули нас, решив вернуться к месту своей прежней стоянки.

Эта неудавшаяся переправа

меня здорово подкосила, правая нога отказывалась подчиняться. Не хватало воздуха – задыхался. Ливень продолжался, хотя и не с тем истеричным рвением, а ровно, будто даже осмысленно, уверенный в своей неистощимой силе. Земля уже не впитывала воду. Вот так, ребята, и начинался всемирный потоп. Всё же выбрал место, где воды было поменьше. Палатку поставить мне было невмогуту, бросил дождевик, плюхнулся на него, накрылся спальником с головой. Похожее состояние было в Андах, но там понятно: приступ горной болезни. Здесь же, на наших уральских высотах, ни о какой горняшке речи быть не могло. Возможно, сердечная, или какая-то ещё другая, – да просто физическая недостаточность. Я дышал глубоко и часто, принуждая кровь насытиться кислородом. Ветер улёгся, по спальнику тупо барабанил дождь.

Через какое-то время дыхание восстановилось, но я обессилел настолько, что потребовались героические усилия только для того, чтобы перевернуться на бок.

Оксана сидела рядом, завернувшись в своё тряпье, накинув сверху – что может быть нелепее? – свою шалёшку. Время от времени заходила в кашле, всё ещё извергая из себя воду.

– Я насквозь промокла, – бормотала она.

Вот теперь я ей верил.

Вскоре от пермской группы вернулись к нам два парня. Принесли пакет подмоченных сухарей и банку тушёнки. Поставили нам палатку. Сказали, что Яша отправился на базу вызывать спасателей. До места прежней стоянки пермяки не дошли, вынуждены были остановиться перед одним из притоков Балбаныю,

через который ещё час назад мы переправились без особых проблем. И его уже не перейти. Разбили лагерь неподалёку от нас, на косогоре.

Я заполз в палатку, силы возвращались, но не так быстро, как хотелось.

Задрав штаны, рассмотрел свои ноги: не нашёл живого места – сплошь синяки, царапины, кровоподтёки... А опухли то как! Оксана сунула мне какую-то мазь, и я принялся растирать колено. Странное дело, ноги утратили чувствительность, словно чужие... Да, как-то надо выбираться отсюда. И побыстрее – неизвестно, сколько у меня времени в запасе. СуперЯша, вне всякого сомнения, доберётся до базы, но я предпочитал всё же рассчитывать на себя. Перелом я решительно отверг – у меня крепкие кости.

– Я умру!..

– Ты это говоришь в сто восьмой раз – я считал. Говоришь, так уже выполняй своё обещание!

– Мне никогда, никогда не переправиться через эту реку!

– Погода скоро наладится, я сказал.

– Не наладится!

– Видишь комара? Появились комары, – значит, уже налаживается.

– Где? Где?..

– Да вот...

Оксана хлопнула ладошками – и нету комара.

– Ну ты и сволочь! Убила последнюю надежду!

– Он ещё будет пить мою кровь!.. – проскрипела она.

– Подумаешь, выпьет капельку! Жалко, что ли? – всё равно умирать собралась! Нет, этого я тебе не прощу... Если не сходишь за водой. – Моя замечательная коллекция чаёв уплыла вместе с дорогими мне вещичками. – Будем швыркать кипятком... Слышь, туристка, пора тебе уже научиться завязывать рюкзаки.

И в эту ночь не спали, прислушивались к дождю. Выше образовался ручей, проложив русло под нашей палаткой, и я пришёл к выводу, что бороться с водой не имеет смысла. Нет такого закутка в наших рюкзаках, нашей одежде, куда бы не проникла вода. Но даже не это главный аргумент. Дело в том, что мы, люди, сами на 72 процента состоим из воды, из чего следует, что бороться с водой

– это бороться с самим собой, что не только бесполезно, но и вредно. Познавать стихию воды мне всегда было интересно, теперь понимаю, почему. Куда бы меня ни забрасывало моё неуёмное любопытство, в какие бы моря и океаны, озёра и реки ни заглядывал, везде видел своё отражение. Это верно, по меньшей мере, на те самые 72 процента. Что касается воздуха, то этой стихии принадлежит 6 моих процентов...

Так размышляя, я с удовлетворением отметил, что лежу в воде и не испытываю особого дискомфорта. Да, она могла быть немного теплее, например, – плюс 36,6, но я принимаю и такую... Какая вода – такой я: текучий, непостоянный, иногда холодный, иногда твёрдый, кристаллический, возможно, даже газообразный, но не беспамятный. Я готов бесконечно наблюдать её всепроникающие метаморфозы, вечно меняющиеся текучие формы... Как я понимаю Васу – у духа-хозяина воды достаточно оснований осерчать на людей. Забыли древнюю истину: «Пьёте воду, умываетесь, используете для хозяйства – думайте о чистоте воды». В давние времена вся планета называлась «Югид Ва» («Светлая Вода»). Не думаем. Наплевать, что будет с планетой, что будет с нами.

Что-то случилось. Не сразу понял, что. Не слышно дождя. Неужели?... Он ещё поскрёбся малость, как бы раздумывая: идти – не идти? Под утро всё-таки брызнул, но уже мелкий, ситный. И всё – тишина. На круглом гаджете Оксаны – восемь. Температура повысилась на один градус, но как заметно потеплело! Я упорно растирал ноги; определённо, в этом был толк.

Часов около двенадцати услышали голоса.

В палатку заглянуло опушённое рыжеватой бородкой кру-

глое лицо... Будто солнышко увидели после долгой непроглядной северной тьмы.

– Как вы тут?

– Да вот, застряли у переправы.

– А мы перешли.

– Как?... – я посмотрел на реку – тут и там белели поднявшиеся из воды камни. За какие-то несколько часов она заметно обмелела. – Ну я-то вряд ли смогу. Мне бы ещё день – я бы восстановился.

– Мы вам поможем, – сказал молодой и протянул руку для знакомства. – Антон, – его спутник постарше назвался Иваном.

– Главное, перейти эту чёртову реку... Пошли! Нельзя упускать такую возможность, – Оксана уже собирала рюкзаки. – Сам Господь направил вас к нам.

– Он самый, Василий Палыч его зовут, наш инструктор, – хитро улыбнулся Антон, – послал проверить состояние брода: можно идти – нет?

– А сами вы откуда?

– Мы-то крымские, а инструктор местный, из Инты.

Из разговора мы сделали вывод, что крымская группа единственная, что не поддавалась панике. С началом урагана ребята устроили лагерь под горой, в затишке; попивали чаёк, пережидая, пока не уймётся стихия. И только убедившись, что можно переправляться через реку, инструктор повёл группу к броду.

Ребята нагрузились нашими рюкзаками, пошли к реке, Иван поддерживал Оксану. Я втиснул ноги в ставшие не по размеру кроссовки, поднял валяющуюся на берегу палку и поковылял вслед. Уж теперь-то я был осторожен, просчитывал каждый шаг, прикидывая на какой камень ступить. Тот, что торчит на поверхности, может оказаться неустойчивым; на небольшой глубине, как правило, более надёжные. По колено – самое то. Ступишь

глубже – уже тащит течение. Прощупывал глубину палкой, продвигался потихоньку, опираясь на неё. Вроде как третья нога, хорошо иметь такую – поддержит, если одна из первых двух соскользнёт... Как через реку, так вот и по жизни...

Оксана на радостях, что перешла реку, ускакала вперёд, скрылась в тундре, даже не обернувшись. Чем дальше шёл – тем меньше хромал. На себе убедился: лучшее лечение для больных ног – идти. Ребята донесли наши рюкзаки до своего лагеря, тут мы с ними простились.

Где-то дальше, у озера Малые Балбанты, мы проходили чум оленеводов. Да вот он, на острове! Вечерело, и надо было подумать о ночлеге. С затаённой надеждой мы смотрели на чум, соображая, как к нему подобраться – повсюду кружили протоки и разливалась болотина. Подойдя ближе, мы покричали на берегу; вышедший из чума мужчина указал нам место, где лучше переправиться.

Пригласили – и мы вошли, шагнули в другую невероятную реальность, где тепло и сухо!

У железной печи хлопотала хозяйка, в чугунках и сковородке булькало и скворчало, к потолку поднимался чад, аппетитные запахи кружили голову. По периметру устроены лежанки с оленьими шкурами.

Скажу вам, ребята, я счастливый человек – столько хороших людей мне довелось повстречать в жизни. И опять мне несказанно повезло. Большая семья оленеводов Соляновых – хозяин Саша, жена его Света и семь взрослых сыновей – встретила нас, как родных. Вскоре мы сидели за общим столом, уплетали оленину, пили чай, разговаривали.

Живут, как сказал Саша, в достатке. Стадо – примерно

четыре тысячи оленей. Их помогают пасти два десятка пушистых лаек и две лошади. Великие труженики, работа есть всегда, с утра до вечера делать и не переделывать. Пока олени пасутся в долине Балбанью. В сентябре соберут чум, погрузят всё хозяйство на олени упряжки, откочуют к Саран Паулю, там совхоз проведёт корализацию, точно подсчитает количество оленей. Ветеринары займутся прививками, лечением, определят, кого и на заклание... Такова жизнь, как сказал Саша.

Полужинав и душевно поговорив, мы расположились ко сну.

Вот так валяться на оленьей шкуре, сытым, вдоволь напившись чаю, в тепле и смотреть на звёзды – там, где смыкались жерди, виднелся осколочек неба. Смотреть и думать о вечном. Именно так я представляю райский остров, куда отправлюсь в последнее своё путешествие, – с чумом непременно, – резиденцией Всевышнего. Стоило сюда добраться, стоило терпеть лишения, чтобы испытать это величайшее блаженство.

За ночь наши вещички подсохли, и, упаковывая рюкзаки, мы с радостью отметили, что они заметно полегчали. Тепло

распрощавшись с оленеводами, мы двинули дальше. Оставался последний переход. До базы километров 6. Недалеко, но опять же: там, где было сухо – болото. Где ручейки – там речки. Я уже и не особенно выбирал дорогу. Всё равно по воде или по грязи, добавилось синяков и ссадин, но опухшие ноги работали исправно. Оксана заметно повеселела и теперь предалась рассуждениям о том, что маршрут нам вполне по силам, мы неплохо сориентировались и если бы... Если бы да кабы... Чтобы не слушать её надоедливое поскрипывание, я немного оторвался вперёд и думал о том, что если бы был один, то мне бы удалось забежать на гору. Теперь же возвращаюсь с позорным поражением.

– А-аа!... – резанул по сердцу истошный вопль. – Болото! Меня засасывает!..

Стояла перед ручьём и орала. Я вынужден был вернуться к ней.

– Я же прошёл. Иди по моим следам.

– Я утону в болоте!.. Я умру!..

– Как так, мне ничего, а тебя засасывает? Если тебя засасывает, значит, ты того стоишь. – Я перешёл ручей ещё раз туда и обратно. Демонстрируя безопасность брода, я всё-

таки увяз немножко. – Да, берег топкий, – сделал я вывод, – но провалиться по колено – это ещё не значит, что засосало. Если бы по горло – тогда другое дело, имела бы полное право так орать.

– Я перейду в другом месте, – и она, сделав порядочный крюк, миновала топкое место у подножья горы.

Я подждал её, однако она продолжала идти своей сомнительной, очевидно, протоптанной медведями, тропой. Покричал – не ответила. Пришлось её догонять и возвращать.

– Послушай, ты!.. Доберёмся до Екатеринбурга – ворота, куда хочешь!

После того, как я на неё наорал, она стала как шёлковая. Надо было с самого начала орать, я же как интеллигент упирал на здравый смысл. Теперь всё будет иначе – у меня в запасе есть для неё ещё одно действенное средство призвать к послушанию и благоразумию – отшлёпать как следует по холодной заднице.

Вдоль тропы валялись рюкзаки, спальники, палатки и немало всякой туристической всячины. Бежали в панике, побросали... И вещи – не во всяком магазине такое увидишь.

– Смотри, какие шикарные бродни, Оксана. Примерь, подойдут. Палки свои выбрось – возьми эти. Фирма Salewa – крепче палок не бывает.

– Мне чужого не надо.

– И правильно. Всё это барахло ты в состоянии и сама купить на китайском рынке.

Показались домики базы, и вскоре мы, заполучив ключи от одного из них, затопили печку и начали готовить обед, кашу с грибами, что мы насобирали по дороге. Крепеньких, чистых красных головиков под карликовыми берёзками – хоть косой коси.

Тут встретились с пермяками и сыктывкарцами, обнялись, как родные. Вспоминали пережитое, благодарили за помощь. Надо сказать, славная семья оленеводов помогла не только нам. В дни урагана она работала вместо МЧС. Группа из Сыктывкара не успела далеко выдвинуться, непогода остановила её недалеко от чума. Взрослые, судя по всему, – опытные туристы, а вот дети... такое пережить! Нет, это не для слабонервных, тем более не для детей. Но, слава богу, испытание для них было недолгим: Саша с сыновьями перевёз на лошадях детей с их неразумными родителями в чум, где они переждали непогоду.

Когда будет вахтовка, никто не знал – связь не работала. Однако машина объявилась в тот же день. С нею спасатели. Два парня, не сказать, что могучего телосложения, тощие рюкзаки за спинами, в куртках со светоотражательными полосками, на ногах новенькие берцы. Не прошло и четырёх дней как они получили известие... Выяснили обстановку, решили, что спасти некого; перекурив, сели в машину, на которой и приехали.

130 километров до Инты пилили восемь часов. Грозно рыча, наш трёхосный «Урал» переваливал с горки на горку, выгребался из одной ямы, наполненной водой, переползал в другую, переполненную.

Встали – река Кожим. Не переехать. Недалеко от берега торчал из воды кузов «Урала» и полоскался чудо отечественного автопрома, вездеход «Трэкол».

Спасатели организовали нам лодку, в неё мы побросали рюкзаки, расселись. Взревел мотор, и мы лихо погнались по реке. Чтобы не наскочить на валун, рулевой

сделал крутой вираж – опять этот душераздирающий визг... Додумалась взгромоздить свою задницу на борт. Если бы Оксану не удержал пермяк Сергей, опять бы пришлось вылавливать. Рулевой, к моему удовольствию, покрыл её матом – густо и смачно.

На берегу нас поджидала другая вахтовка, покатали дальше. Сутки торчали в Инте, доехали до Кирова, там провели ночь на вокзале и только на следующий день вечером прибыли в Екатеринбург. Я подумал о том, что за это время можно было пять раз слетать в Турцию и три раза в Америку. Хватит, это последняя моя экспедиция в Приполярье. Всё – тема закрыта!

Наконец, мы вышли на привокзальную площадь, не терпелось распрощаться с Оксаной. Дорожки наши расходятся и никогда не сойдутся.

– Такси?

– Добегу. Я тут рядом живу, на Завокзальной.

– Ну, пока! Береги себя... И это... прошу тебя, больше не умирай.

На следующий день я свалил в Каменку. Натопил печку, попарился в баньке – хотелось побыть наедине с собой, осмыслить, как и что. Вот так сразу перевернуть страницу и забыть не получится. Хочешь или нет, возвратившись домой, какое-то время живёшь с повёрнутой назад головой, пережёвываешь впечатления. Досадно, что не зашёл на гору. В остальном, если разобраться, не всё так уж плохо сложилось. Повидался с тундрой, вдохнул её запахи. Погода... Ну это как посмотреть. Увидеть во всей красе и пережить ураган такой силы, как говорится, дорогого стоит... Вопрос в том, сколько имен-

но? Синяки сошли, раны зажили, опухоль на ногах спала... Я даже не простудился. А Оксана? Здорова ли? Как там она?..

Думаю, ей не было особого смысла ходить так далеко и подвергать себя таким испытаниям, ведь и в повседневной жизни существует довольно много милых и глупых способов умереть. Говорила, собирается наладить дома электропроводку. Вдруг не позовёт электрика, додумается наладить сама... А в понедельник намеревалась сдавать на права. Тут вся надежда на гаишников, принимающих экзамен... Завалят, я очень надеюсь.

А что это я постоянно думаю о ней?.. Может, потому что сам был не на высоте. Наверно, надо быть более снисходительным, всё-таки – женщина. Есть ли вообще такая, которая бы не впала в истерику, оказавшись на её месте? Во всяком случае, она не бросила свой рюкзак, как некоторые, преодолела тяжелейшие курумники и не дрогнула, пробираясь по скользкой тропе над пропастью. А каким счастьем лучились её глаза, когда мы стояли перед водопадом?!.. И я ещё подумал: «Кто знает, как бы всё сложилось, если бы мы не пошли навстречу опасности, а остались в палатке поджидать её?!..» Живы, вернулись домой – и слава богу!

Только почему она не звонит? Я считал, она должна позвонить первой. Но куда? В нашей дачной деревне со связью проблемы. Когда надо воспользоваться телефоном, поднимаюсь на гору – там «Мегафон» действует.

Мне захотелось услышать её скрипучий голосок, убедиться, что с ней всё в порядке, сказать пару слов.

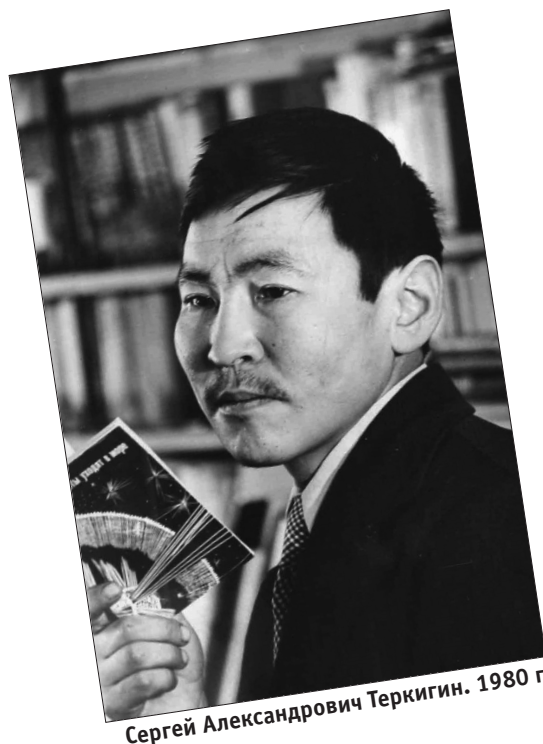
Схожу, поднимусь на гору, – решил я.

г. ЕКАТЕРИНБУРГ

Сергей СУЩАНСКИЙ

УШИИБ СЕРДЦА

*Теркигин (Тиркыгин)
Сергей Александрович
(28.12.1949 – 2001 гг.)*

Сергей Александрович Теркигин. 1980 г.

*

Сергей Александрович Теркигин, чукотский поэт. Родился в Амгуэмской тундре 1949 году. Рано остался сиротой. Школу окончил в пос. Мыс Шмидта. Затем служил в армии, учился в Благовещенском художественном училище, но не закончил его. Работал пастухом-оленоводом в совхозе им. Первого Ревкома Чукотки Анадырского района.

Участник Третьего Всероссийского семинара молодых литераторов народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока, проходившего в Магадане в период с 11 по 20 апреля 1983 года. Участник зональных и областных семинаров молодых авторов.

Первые стихи опубликованы в газете «Советкэн Чукотка» в 1973 году. Позже стихи С.Тиркыгина публиковались в газетах «Ярар» (Анадырь), «Горняк Заполярья» (Эгвекинот), «Советская Чукотка», «Магаданский комсомолец», «Магаданская правда», «Литературная Россия», в альманахе «На Севере Дальнем», в журналах «Магаданский оленевод», «Дальний Восток», «Наш современник», «Полярная звезда», в коллективных сборниках «О Севере песня моя» (Магадан, 1976), «Северное притяжение» и «Пою тебя, Чукотка» (Магадан, 1983), «Северянин, выйдем на южак!..» (СПб. «Акрополь», 1996), «Русская сибирская поэзия. Антология XX век» (Кемерово, 2008).

В 1980 году вышла книга стихов «Лети, мой день!» на чукотском языке с параллельным русским переводом.¹

*

В биобиблиографическо справочнике¹ не указана дата рождения С.А. Теркигина, только год. Однако в письме Анатолию Пчёлкину от 1.12.1976 года поэт называет точную дату рождения – 28.12.1949.

Что касается магаданской справочной литературы^{2,3}, то упоминание о чукотском поэте Сергее Александровиче Теркигине вообще, как это ни странно, отсутствует, хотя в декабре 2019 года ему исполняется 70 лет.

*

Разбирая архив Магаданской писательской организации, я обнаружил солидную пачку писем С.А. Теркигина Анатолию Пчёлкину. Даже при беглом знакомстве с ними, обратил внимание на то, что, во-первых, почти на каждом письме (за редким исключением) стоит дата – а это облегчает определение письма в хронологическом ряду.

Во-вторых, хоть почерк у Теркигина неровный, но тексты писем читаются легко. Свои послания, а так же подстрочники на русском языке, поэт подписывал – Сергей **ТЕРКИГИН**. Стихи на чукотском – **ТИРКЫГИН**. Думаю, будет правильным называть поэта в дальнейшем нашем повествовании – Сергеем **ТЕРКИГИНЫМ**.

И ещё дополнение. С.А. Теркигин не был членом Союза писателей СССР, однако в архиве хранится его заявления о вступлении в его ряды. Но определить время написания невозможно – именно здесь дата отсутствует...

Ответственному секретарю
Союза писателей Магаданской области
Пчёлкину Анатолию Александровичу
От Теркигина Сергея Александровича

Заявление.

Литературная весна, которая наступила с приходом великого русского народа, дала малочисленным народностям Севера много ярких и талантливых поэтов и писателей. На Чукотке – Ю.С. Рыхзу, А.Кымытваль, В.Кеулькут, М. Вальгиргин, З.Ненлюмкина, В.Тынескин и др.

Чтобы приумножить и укрепить чукотскую литературу в многонациональной литературе Российской Федерации, прошу принять меня в члены Союза писателей.

Да хранит нас Бог!

Сергей Теркигин.

Заявление адресовано А.Пчёлкину, следовательно, написано не ранее июля 1984 года, когда Анатолия Александровича избрали ответственным секретарём Магаданской писательской организации.

*

В справочнике «Писатели Чукотки»¹ указано, что стихи С.Теркигина опубликованы в коллективном сборнике «Озябший меридиан». Это ошибка, поскольку ни в первом выпуске (Магадан, 1966), ни во втором (Магадан, 1977) стихов Теркигина нет.

Итак, представляю заинтересованному читателю письма чукотского поэта Сергей

Александровича Теркигина. Первое письмо написано 9 марта 1976 года, последнее – 2 января 1990. Привожу я и два письма, два ответа Пчёлкина Теркигину. К сожалению – всего два: Пчёлкин либо не оставил копии своих писем, либо они безвозвратно пропали...

*

Здравствуй, Толик.

Шестого марта я видел Вл. Христофорова⁴. Редакция окружной газеты «Советская Чукотка» направила его в творческую командировку на мыс Шмидта – остров Врангеля. Володя сказал, что ты живёшь и работаешь в п-осёлке Палатка. По его совету я написал подстрочник стихотворения «В Певеке» и отправил тебе для перевода на русский язык. Кстати, я напому, что в июне 1971 г. ты прилетал к нам в бригаду, в Конергино. По этому поводу ты написал статью «Жаркие дни в Конергино». В тот день, когда ты был у нас, мы убили медведя.

И ещё: я собирался рисовать, но ничего у меня не вышло.

В настоящее время еду в Анадырь. Я буду жить или у Салико Анатолия, или же у Омрувье Ивана.

В первом квартале магаданское книжное издательство выпускает коллективный сборник стихов на чук. языке «О Севере песня моя»⁵. В этот сборник вошли и мои стихи. Пишу часто, но не всегда получается.

Впереди есть время, но всё зависит от меня.

Главное – я рад, что нашёл твой адрес.

С глубоким уважением – Сергей Теркигин.
9/III-76 г.

*

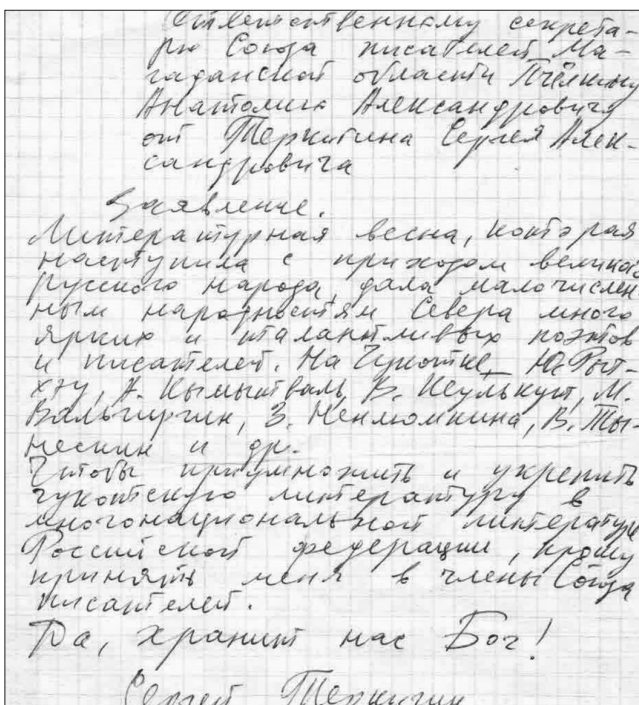
Здравствуй, Толя!

В настоящее время я работаю в 10-й оленеводческой бригаде в п. Амгуэма. Пишу тебе письмо прямо из бригады. В яранге сейчас перепису на чистовик 5 стихотворений с подстрочниками, чтобы отправить тебе. Мало конвертов, поэтому не могу больше прислать. Недавно в реке Амгуэма, во время перегона стада на другой берег, лопнул лёд, и я чуть не утонул. Слава Богу, что утонул рюкзак со стихами, а не я.

В Анадырь я не поехал по некоторым помешавшим мне обстоятельствам.

Кстати, получил ли ты конверт с подстрочниками к стихотворению «Пээкык» – «В Певеке», которые послал тебе в марте в Палатку – в редакцию газеты?

В 72 году в редакцию газеты «Советкэн Чукотка» я послал много плохих стихотворений, поэтому в ноябре (поеду?) в Анадырь, чтобы отобрать и выбросить слабые стихи.

Я читаю твои книги стихов. Читаю с отличным настроением. Жаль, что я мало умею думать по-русски, но, всё же, твои стихи приносят мне истинное удовольствие. С хорошими стихами легче живётся.

Скоро мы уйдём на летовку. Вернёмся где-то в середине августа.

Хочу, чтобы ты написал мне письмо. Если ответишь, то скажи: достойны ли мои стихи для перевода?

До свидания. Теркигин.

*

К этому письму приложены подстрочники, на которых А. Пчёлкин указал дату – 29 июня 1976 г.

*

Здравствуй, Толя!

Во-первых, большое спасибо за переводы моих стихов. Во-вторых, отвечу на твои вопросы. Я родился в Амгуэме, но не в Конергино. Об этом могут подтвердить мои родственники, проживающие в настоящее время в Конергино. Почти во всех районах Чукотки я был и работал оленеводом (не был только в Провиденском и Чукотском районах). Я специально кочую, т.е. путешествую по Чукотке – я хочу знать родной Север, чтобы лучше об этом сказать в песнях-стихах. Без песен я – как пастух без аркана.

Я окончил Шмидтовскую ср. школу в 69 г. Из школьных предметов я больше всего любил литературу. Кроме этого, я увлекался чтением книг стихов современных поэтов, а немного позже, в 10 кл., все наизусть знал **«Листья травы»** американского поэта У.Уитмена в русском переводе К.Чуковского. Люблю стихи С. Есенина, М.Светлова. Из прозаиков – Т. Сёмушкина. Откровенно говоря, большее предпочтение питаю к поэтам, чем к прозаикам. Учась в школе, я ещё увлекался рисованием. Я рисовал разные портреты Уитмена, т.к. думал о нём по-разному. Так что рисовать я начал почти случайно, и это увлечение, я знаю, порвётся (хотя напомним, что даже сделал два десятка графических рисунков на клыке для магаданских поэтов).

Я не пишу прозу, вернее, пишу на родном языке, но написанное скоро выбрасываю, т.к. считаю, что из меня прозаик не получится.

С начала этого года я не читал новых работ магаданских литераторов: книжные новинки к нам приходят с опозданием. После армии с мая 75 г. я всё время находился в тундре, в отдалении от центральных усадьб, а в Эгвекиноте не нашёл новинок наших литераторов.

В 7 кл. я начал читать стихи чукотских поэтов на родном языке, а в 8 кл. сам стал писать стихи. Только после окончания ср. школы, читая и перечитывая стихи В.Кеулькута на родном языке, я убедился, что в большинстве его стихов много

музыки и правды. Впервые в 71 г. из Канчалана отправил в редакцию **«Советкэн Чукотка»** несколько стихотворений на родном языке, написанных мною. В этом же году из редакции получил отзыв-письмо, где было сообщено, что **«среди нормальных стихов есть и плохие»**. Позже я почувствовал и понял: чтобы писать хорошие стихи, надо терпение и время.

Толя, дружески-откровенно скажу, что я о ритме забочусь, но всё же, мне кажется, что иногда в стихе где-то «спотыкаюсь». Какой нужен такт, чтобы не было в стихе «ямы»?

Немного о себе. Мы на летовке. Дошли до самого с. Ванкарема. Бригадир отпустил меня на день в посёлок – вот и уже дописываю тебе письмо. В ноябре, после забоя оленей, уеду куда-нибудь. Возможно, в Чукотский район или в Анадырь. В Чукотском районе, в Уэлене, хочу посмотреть, как работают косторезы. При случае (если уеду в Анадырь) попытаюсь устроиться переводчиком в окружной газете.

Новые стихи и фотографии пришлю из другого места.

Есть у меня к тебе вопрос: твои переводы моих стихов – стоит ли мне самому отправлять в редакцию **«Советская Чукотка»** или сами переводчики распоряжаются?

Моё отчество – Александрович.

**Искренне твой – Сергей Теркигин.
28/VII-76 г.**

*

Здравствуй, Толя.

Прости, что пишу с некоторым опозданием: я находился в тундре. У меня есть недостаток: изъясняюсь длинно и скучно. Длинные слова говорить, вроде бы, ни к чему. Но вот беда, жизнь состоит из подробностей, без них не интересно. С этого времени я буду писать всё о себе подробно.

В первых числах октября я был в Амгуэме, но <...> мне надоело в посёлке, и уехал скоро в бригаду. Вообще я не люблю подолгу «загорать» в посёлках. Хотя надо сказать, что люблю в центральной усадьбе ходить в библиотеку. В посёлке я больше устаю от шума, чем от длительных кочёвок (в тундре, в пути я нахожу удовлетворение). В детстве я был «замкнутым», – вот почему после школы хотел поступить в духовную семинарию. Но поступить в училище попов мне не дали: меня направили учиться в художественное училище. Об этом я тебе говорил. Кочуя в тундре, я понял, что из меня не получился бы добросовестный поп. Поповские мечты у меня развеялись, как дым, после того, как ближе познакомился с жизнью. Чего греха таить?! Я пережил первую любовь. Об этом я не жалею,

потому что был молод и глуп. Но, всё же, моя первая любовь была светлой и бескорыстной.

В школе я был неразговорчивым. Я даже сторонился девчонок, считая греховными с ними отношения. В то время я прочёл несколько книг религиозного характера. Одна наша учительница была верующей, и я ходил к ней читать настоящую Библию. Я охладел к Богу, когда познакомился с поэзией Уолта Уитмена. Сейчас, когда я уже взрослый (я родился 28/XII-1949 г.), не верю ни в Бога, ни в шаманов – соблюдаю обычаи моего народа.

Твоё письмо меня отрезвило, и я по-настоящему приступил к работе над новыми стихами. Интересные записи есть, но только вот нужно как следует мне поработать. Думаю, сочиняю, прибегая к собственному воображению. Сейчас, когда пришла необходимость писать лучше, буду опираться в дальнейшем и впредь на фольклор, обычаи, юмор и песни моего народа.

Читал я книгу Ювана Шесталова «Синий ветер Кослания»⁶. Правда, ещё школьником. В амгуэмской библиотеке я нашёл перевод этой книги на чукотский язык («Лелелкытыгын ялгытынвыкэн») А.Кымытваль. Читаю с удовольствием. К сожалению, в посёлке больше нет книг поэта манси. В Эгвекиноте ещё пошу, может, чего найду...

Теперь немного скажу о Тнескине⁷. С Володей я встречаюсь не часто, т.к. он всё время в разъездах. Володю я знаю как **ельо** – двоюродного брата. До армии я с ним работал пастухом в Конергинской тундре. Он читал (редко) свои стихи на родном языке. Они мне понравились. Прежде, чем отправлять свои стихи для перевода на русский язык, он терпеливо работает над подстрочниками. Володя говорил, что подстрочники он делает один, чтобы русский перевод

был точным, а не условным. В настоящее время Вл. Тнескин работает старшим пастухом на острове Врангеля. Видимо, он будет работать до того времени, когда у него выйдут сборники стихов на родном и русском языках. Володя продолжает писать стихи, рассказы и повесть «Кривое поле».

P.S. В настоящее время я ещё не решил: долго или не долго буду в Амгуэме? Я хочу уехать в Чукотский район, но у меня нет пока возможности. И ещё: буду искать клык с гравюрой. Плохо, что в округе в данный момент (зимой) нет клыков: все кости отправлены в Уэлен в мастерскую «Северные сувениры». При случае, если найду клык, нарисую сам и вышлю тебе.

Пиши ответ-письмо после Нового года (после следующего моего письма).

До свидания. Ещё раз большое спасибо за письмо.

Сергей.

1/XII-76 г.

P.P.S. В январе пришлю новые стихи.

*

Здравствуй, Толя.

<...>

Некоторые стихи пишу в один присест, а другие пишу долго. Стихи, которые не поддаются обработке, оставляю на потом. Через некоторое время, даже в плохом настроении – пишутся легче, оставленные на потом стихи.

Толя, не осуждай, пожалуйста, за бездеятельность. Я это говорю потому, что я работаю над стихами медленно, а одними обещаниями заниматься – мне самому неприятно. Сейчас у меня больше свободного времени, поэтому мне придётся бодрствовать и ночью. Я не буду бить себя, т.е. обманывать – я буду писать, как умею и могу. Страх ко мне приходит, когда теряю контроль над собой, т.е. когда приходят ко мне плохие мысли. Мне кажется, что проще жить без тревог, но от слишком гладкой жизни

я до чёртиков устаю. <...>

С тех пор, как познакомился с тобой, я чувствую перемены в себе. Поэтому к себе я буду относиться строже, чтобы не подвести.

P.S. Я пишу тебе из Эгвекинота. Я говорил с Вл. Христофоровым. Володя дал мне очень полезный совет. Он живёт скромно.

P.P.S. В Эгвекиноте я буду до 15 февраля, поэтому ты пиши (до востребования).

До свидания. Всего тебе отличного. Сергей.
2/II-77 г.

*

Здравствуй Толик!

С огромным приветом к тебе Сергей. Спешу сообщить, мой друг, что я нахожусь в Усть-Белой, работаю сейчас пастухом в 12-ой бригаде. Я не знал, что так неожиданно приедет вездеход, поэтому сообщу о себе вкратце. Я уехал из Амгуэмы в то время, когда получил пакет с последними твоими переводами моих стихов «М.Н.», «В море» и «Осень». По-моему, хороши переводы. Особенно мне понравился перевод стихотворения «В море». Большое тебе спасибо. В Эгвекиноте я пробыл недолго, хотя в предпоследнем письме я написал, что пробуду там до 15 февраля. Писал ли ты в Эгвекинот или же в Амгуэму? Если нет, то это хорошо, т.к. в это время я летал ещё в Конергино, Энмелен и Уэлькаль. Вернувшись в Эгвекинот, пробыл там до тех пор, пока не выдали мне пропуск. На счёт пропуска походатайствовал милый и добрый Николай Бобров. Кстати, он меня фотографировал и, видимо, фотки пришлёт тебе. Итак, получив пропуск, я взял билет на Анадырь. В Анадыре я прожил в гостинице дней 15–20. Там я редко прикасался к вину, т.к. днём я проводил время в кругу журналистов из «Советской Чукотки». Мне было приятно и интересно разговаривать с ними.

В городе я хотел устроиться на работу строителем, чтобы по вечерам мог читать и писать свободно. Но потом раздумал: не понравилось мне среди шума и вредных соблазнов жить, и я подался в Снежное. В Усть-Белую я прилетел, думая ненадолго остановиться (снежненские пассажиры уговаривали, чтобы я уехал вместе с ними в посёлок). После выходного дня я пошёл в усть-бельскую контору, где меня тут же на работу молча и оформили. Так я стал усть-бельским оленеводом. Из посёлка я привёз много книг. Но с большим грузом, как мой, тут не удобно, тут мало нарт, это, во-первых. Во-вторых, не хватает ездовых оленей. В-третьих, кочевать до летней стоянки далеко – километров 50–60. Сейчас мы кочуем к летней стоянке. В маточном стаде мы здесь работаем вдвоём – я и Толя К. Наша цель – умело провести <...> слабое маточное стадо в горах. Очень нам мешают ветра и новорождённые <оленьята>.

Книги я оставил в яранге, что находится у пастухов бычьего стада. У нас есть, т.е. имеем вещи только самой первой необходимости. На остановке строим маленькую ярангу или, когда времени мало, ставим на проталине полог, где спим. Для сна уделяем буквально каждое свободное время. Высыпаемся только в благоприятную для оленей погоду.

Появились на днях волки, успели растерзать одну важеньку. Мы с Толей в середине стада лёжа поджидали появившихся волков, и, спустя 13 часов, ночью мы сумели убить одну волчицу. Остальные в страхе разбежались кто куда. Здорово мы им дали! (Видимо, до изменения направления ветра к нам больше не придут – волки всегда идут против ветра, на запах).

В Усть-Белой мне понравилось. Пастухом я буду работать до выхода первой книжки.

Везде, в разных районах побывав, я понял, что коренные тундровики больше уважают обычаи и ценят родной язык. Кстати, я начал записывать в записную книжку древние обычаи, сказки, одним словом, народную мудрость в подробном виде – без малейших изменений. Я знаком с некоторыми этнографическими книгами о нашем крае. В некоторых описываемых деталях встречаются поправки и искажения – это очень печально и худо.

Чем ты занимаешься, мой дорогой друг?

Кончаю письмо – мне надо собираться на дежурство.

Искренне твой – Сергей Теркигин.

22/V-77 г.

*

Здравствуй, Толя!

Я был уже на пути к отчаянию, как (вдруг!) получил твои письма, одно из которых со стихами из журнала «Дальний Восток»⁸. Твои письма – большая для меня радость. <...> Я не нахожу настоящих слов, чтобы описать твою бескорыстную помощь и дружескую поддержку. Прости, Толя, что я так долго не писал. Я влип на время в какое-то безразличие, но гораздо хуже, что я не писал стихи. Я почти здоров, и не чувствую прямой физической боли. Здесь немножко скучно, чувствую будто бы изолированным от ближних и т.д. Я ни с кем не переписываюсь, и никто мне не пишет. Точнее пишет мне, но не часто, моя единственная сестра. Я знаю, что она меня жалеет и любит как брата. <...>

В Анадыре кое-кого знаю из журналистов, но наведываюсь к этим людям редко. Вчера я был у Е.Рожкова, показал

одно из твоих писем. Прочтя письмо, он дал мне бумаги и записную книжку, хотя я не просил. У меня нет постоянной анадырской прописки, и к тому же мои документы хранятся, как у всех лечащихся, в сейфе в больнице. С помощью Жени Рожкова я записался в окружную библиотеку без каких-либо документов. Теперь я могу брать книги, какие нужны будут не только для чтения, но и для моей дальнейшей поэтической работы. Рожков сказал мне, чтобы я принял участие 25 мая в поэтическом вечере для детей. Но, к сожалению, стихов для детей я вообще не писал, поэтому пока не дал ему согласия. У меня нет новых работ, а показывать давно написанное, по-моему, неприлично. Как мне быть? Подскажи, пожалуйста. Рожков ссылается на то, что, мол, мне нужно учиться выступать.

Очень хорошо относятся ко мне И.У. Берёзкин и Р.В. Потапова. Берёзкин однажды попросил рассказать пару чукотских анекдотов. Я рассказал ему и рассмешил его так, что у меня тут же пропали тайный страх и скованность.

Потапова два раза спасала меня от безденежья. В первый раз, когда я уезжал в Усть-Белую, во второй – когда я был уже здесь, в Анадыре. Сейчас я не нуждаюсь в деньгах: недавно получил перевод из Белой.

После выздоровления вернуться в Усть-Белую. В тундру.

Толя, я постараюсь наверняка упущенное, работать буду – каждый день, до седьмого пота.

Ещё раз тебе спасибо за письма и беспокойство. Через месяц я обязательно пришлю стихи.

С уважением и любовью к тебе – Теркигин Сергей.
11/V-78 г.

*

Здравствуй, Толя,
Посылаю пока одно стихотворе-
ние. В следующий раз, т.е.
через пол-месяца пришлю по-
больше. Здоровье моё удовлетво-
рительное, но, надеюсь, что к
осени я окончательно вылекусь.
Нагрузка не мешает моему
здоровью, поэтому к делу при-
ступаю со всей строгостью к себе.
В городе я познакомился с
А. Кымытваль. Она дала мне
свой магаданский адрес, и
просила, чтобы я писал по-
чаще о тундре. Не обижайся,
пожалуйста, что я написал мало.
Решено: я буду работать и
ночами. До свидания.
Желаю тебе крепкого здоровья
и творческих удачи.
Сергей. 1/VI-78г.

Здравствуй, Толя!

Посылаю пока одно стихотворение. В следующий раз, т.е. через полмесяца, пришлю побольше. Здоровье моё удовлетворительное, но, надеюсь, что к осени я окончательно вылекусь. Нагрузка не мешает моему здоровью, поэтому к делу приступаю со всей строгостью к себе.

В городе я познакомился с А. Кымытваль. Она дала мне свой магаданский адрес, и просила, чтобы я писал почаще о тундре.

Не обижайся, пожалуйста, что я написал мало. Решено: я буду работать и ночами.

До свидания. Желаю тебе крепкого здоровья и творческих удачи.

Сергей.
1/VI-78 г.

Письмо С.Теркигина А.Пчёлкину от 1.06.1978 г.

Здравствуй, Толя!

Я получил новые переводы стихов. Спасибо – за всё! В твоих переводах я вижу, вернее, ощущаю, прежде всего, моё настроение. Стихи мной читаются легко – <...> они свежи, хороши и реальны.

В настоящее время я читаю «От чего несвободен свободный стих». По правде сказать, мне «легче» писать верлибром, чем в рифму. Однако я полностью не отказываюсь от рифмы и, возможно, я ещё напишу стихи в рифму. Я думаю, что между свободным и «несвобод-

ным» стихом существует органическая связь. Я помню мнение Наровчатова: «Считать, что доминантой свободного стиха является естественность разговорной речи, нельзя – это было бы прямой дорогой в прозу. Стих завоевал свои исключительные права <...> именно своей непохожестью на разговорную речь». Я понял, что верлибр – это суровый экзамен поэта, так что буду совмещать практику с постоянной учёбой.

...Я не хотел уезжать из Анадыря, (но) меня направили в Дебин. <...> Я хотел, очень хотел уехать в Усть-Белую. В тундре мне было бы гораздо легче и морально, и физически. В отдалённой тундре я знаю, конечно, нет лекарств. Но я знаю, что очень многие коренные тундровики, употребляя собачий жир, вполне выздоравливали от туберкулёза. Это, во-первых. У жителей тундры издавна организм адаптировался к среде, в которой они живут, и пище – которую едят. Во-вторых, в отдалённой тундре нет таких грубых раздражителей как, скажем, шум, пыль, непривычная обстановка и т.д. В-третьих, у настоящего тундровика есть чувство меры (в работе, в отдыхе и т.д. и т.п.) – это и есть режим. Так, что мог я обойтись и без больницы. Но что поделаешь, раз я в больнице, так буду терпеливо лечиться. Очевидно, меня будут оперировать. До какого числа у тебя отпуск? Я здесь буду долго. Очень постараюсь к 80-ому году написать книжку. Мне непросто не написать.

До свидания. Желаю тебе счастливого отдыха, всего наилучшего!

Сергей.
10/VIII-78 г.

*

Здравствуй, Толя!

Сообщаю тебе приятную новость: мне всё же удалось перевестись в анадырский диспансер. В анадырской больнице я буду ровно два месяца. Затем уеду в Усть-Белую, а там рукой подать до 12 бригады. В конце ноября или в начале декабря прибудет санитарная машина из Магадана, на которой меня отвезут до аэропорта. Удивительно, что эвенам, чукчам, эскимосам не доверяют ехать самим на автобусе. Я бы очень хотел повидаться с тобой. Но что поделаешь... Таков каприз врачей.

Со дня операции прошло уже три месяца. Можно сказать, что вторую операцию на одной стороне, я перенёс благополучно. Но с голосом стало хуже – я говорю почти шёпотом. <...> Впрочем, я надеюсь, что у меня будет голос.

Здесь скучно. <...> Честно говоря, больше всего на свете я люблю тундру, мою родину. <...>

С тех пор, как ты стал переводить мои

стихи, я думаю о том, что надо мне писать и писать обо всём. Я хочу написать стихи о Гагарине, и если мне удастся гармонически слить в стихотворении национальное с интернациональным, то непременно пришлю тебе стихи для перевода.

В Анадыре в Доме народного творчества я познакомился с Маргаритой Такакавой – собирательницей чукотского фольклора. Я думаю, что знакомство с ней полезно для меня. Я хочу писать стихи по мотивам чукотского фольклора. Ведь каждая сказка или басня и т.д. – это подробности нашей истории.

Твоё письмо меня растрогало. И теперь я хочу как можно скорей вырваться хотя бы в Анадырь. Это будет единственным спасением от творческого кризиса. Мне, конечно, лестно быть в числе участников VII-го Всесоюзного совещания молодых писателей. Но в феврале буду уже в тундре. В конце марта или в начале апреля будут весенние работы – создание маточных стад. Так что вряд ли буду на семинаре. Перед уездом из Анадыря я пришлю стихи.

До свидания. Обнимаю. Ещё раз спасибо за твоё великодушное письмо.

Сергей.
25/XI-78 г.

*

Здравствуй, Толя!

Спасибо за письмо. Большое спасибо. Честно говоря, я издевался над собой, но не над кем-то. И, видимо, если заметили это, то просто повеселились, потом забыли. <...>

...Здесь мне пишется лучше и свободно. И это говорит о том, что в природе один, я не чувствую себя одиноким. Я здоров <...> Хочется жить, мечтать, любить и писать стихи. Я женился на хорошенькой девушке. Я давно мечтал жениться, и теперь женитьба – одно из моих луч-

ших откровений. Одним словом, я рад и даже счастлив.

Толя, прости, пожалуйста, за дурное поведение. Я не хотел и не буду тебе делать зла. Ты очень талантлив, но в Анадыре ты показался мне таким хрупким и одновременно обыкновенным, какой ты есть. Толя, я буду писать. В сентябре (если не раньше) я пришлю тебе новые стихи.

В общем-то, у меня всё в порядке. Работаю оленеводом в бригаде № 12. В декабре этого года будет у меня отпуск. Постараюсь приехать к тебе в Палатку. <...>

До свидания, мой дорогой друг! Желаю тебе всего хорошего!

С глубоким уважением к тебе – Сергей Теркигин.
15/V-79 г.

*

Здравствуй, Толя!

Казню себя за долгое молчание. Мне неловко писать письма из одних только извинений, тем более обещаний. Но, поверь, я буду работать. Мне незачем искать причины моего молчания, мой друг. Мне было очень несладко. Я чуть не оступился, но усилием воли преодолел психологический барьер. Во-первых, я развёлся с женой. Во-вторых, со мной было куда сложнее... Но об этом говорить – я не нахожу подходящих слов.

В настоящее время я работаю одиннадцатой оленеводческой бригаде. В ближайшие дни бригаду расформируют. Я ещё не знаю, в какую бригаду меня пошлют. Возможно, я буду работать в четвёртой бригаде. Весной во время отёла оленей я буду работать в маточном стаде. Буду иметь пару ездовых оленей, лёгкую нарту, палаточку, «Спидолу», книги... Одним словом, я буду жить и работать, и писать стихи. Я люблю жить вне яранги. Люблю ходить пешком, хотя до конца мая можно ездить на оленях.

Толя, у меня слабое зрение. У меня не было времени заказать очки в Анадыре. Очки (–3) на оба глаза пойдут мне. Я бы хотел, чтобы ты заказал в Магадане очки с хорошей оправой, желательно пластмассовые. Светлые и солнцезащитные (шт. 10). Деньги вышлю досрочно.

Я написал письмо Зое Ненлюмкиной. Её книга «Птицы Наукана» в целом понравилась. Отдельные стихи (ни дать, ни взять) – просто чудесны, а само название книги – жизнеутверждающе.

Одно твоё письмо получил, последнее – нет. О чём ты писал в последнем письме? Наверное, опять осуждал меня за бездействие?

После отёла оленей, т.е. в середине мая, прибудет в тундру транспорт. Вот в мае пришлю новые стихи.

Спасибо за все беспокойства обо мне. Через год, во время отпуска, я приеду к тебе. Когда выйдет у тебя книга стихов? Если будет – вышли мне.

Живу хорошо. Здоров.

Желаю тебе прекрасного настроения и творческого энтузиазма!

С глубоким уважением к тебе – Сергей Теркигин.
Март-80 г.
Усть-Белая

*

Здравствуй, Толя!

Я долго не писал писем, т.к. к нам, в оленеводческую бригаду, долго не было транспорта. Потом, зимой, мы пасли далеко от посёлка (около истока Анадыря). В посёлок я приехал позавчера с единственным желанием: получить мою почту. Люди говорят, что я должен был получить два твоих письма. Но, к сожалению, не получил ни одного. В тундре без какой-либо литературы, да и без писем, трудно жить. Плохо думать о том, что в оленеводческие бригады редко завозят почту.

С 15 августа этого года я буду работать в первой бригаде.

Честно говоря, я хотел вообще уволиться с Усть-Белой. Но меня удержали друзья-пастухи. Сейчас я в отпуске. Возможно, я заеду к тебе в Палатку. В ближайшие дни я собираюсь улететь в Анадырь – хочу купить книги и бумагу. В Анадыре я узнаю о тебе и приеду. <...>

За время отпуска все дни посвящу литературной работе. Отпуск у меня кончается 14 августа. Перед выездом в тундру я напишу тебе письмо. На почте в Усть-Белой мне сказали, что на моё имя приходил из Москвы денежный перевод – гонорар. Отправлял ли ты мои стихи в московское издательство? <...>

Кстати, я хочу учиться в Литинституте. Я понял: мало одних чувств, нужна ещё и техника. <...> У меня нет времени учиться по книгам. <...> Но я не хочу писать плохие стихи. А для хороших стихов нужны хорошая голова и знания.

До свидания. С величайшим уважением к тебе –
Сергей Теркигин.
28/VII-80 г.

*

10.10.1980
ПАЛАТКА МАГАДАНСКОЙ ОБЛ
АНАТОЛИЮ ПЧЁЛКИНУ
НАХОЖУСЬ УСТЬ-БЕЛОЙ
ЗДОРОВ РАБОТАЮ ПАСТУХОМ
ОЛЕНЕВОДОМ БОЛЬШОЕ
СПАСИБО КНИГУ СТИХОВ
ТВОЕГО ПЕРЕВОДА=ТВОЙ
СЕРГЕЙ ТЕРКИГИН

*

15.11.1980 г.

Здравствуй, Толя!

Получил от тебя два письма, в одном из которых – мою книжку стихов (твоего перевода). Большое тебе спасибо!

В начале августа я отправил тебе четыре письма. Получил ли ты их?

Я работаю в оленеводческой бригаде № 11. возможно, здесь буду работать до

Нового года. Потом или уеду куда-нибудь из Усть-Белой, или останусь на месте. Хочу работать в Осиновской стороне в Усть-Бельской тундре. Там в бригаде № 8 работает зоотехником моя невеста. Через год, возможно, уедет домой в Якутию. Хочу побывать там, где живёт моя невеста. Она серьёзная и может понимать всё...

Буду писать терпеливо и много. С выходом в свет моей первой книжки я получил заряд творческой энергии. В Усть-Белой мои земляки-читатели с восторгом приняли мою книжку стихов. Ещё раз бесконечное тебе спасибо!

До свидания. Желаю тебе большого счастья во всех сферах жизни!

Ещё раз с дружеским приветом к тебе – Сергей Теркигин.

Первая книга стихов С.А. Теркигина

*

Здравствуй, Толя!

В октябре прошлого года я посылал тебе рукопись моей поэмы «Какомэй» на чукотском языке (подстрочный перевод был сделан мной и отправлен тебе вместе с оригиналом). Очень хочу знать,

получал ли ты мои рукописи? Ещё раз хочу напомнить, Толя, что подстрочники полностью сделаю сам и вышлю тебе.

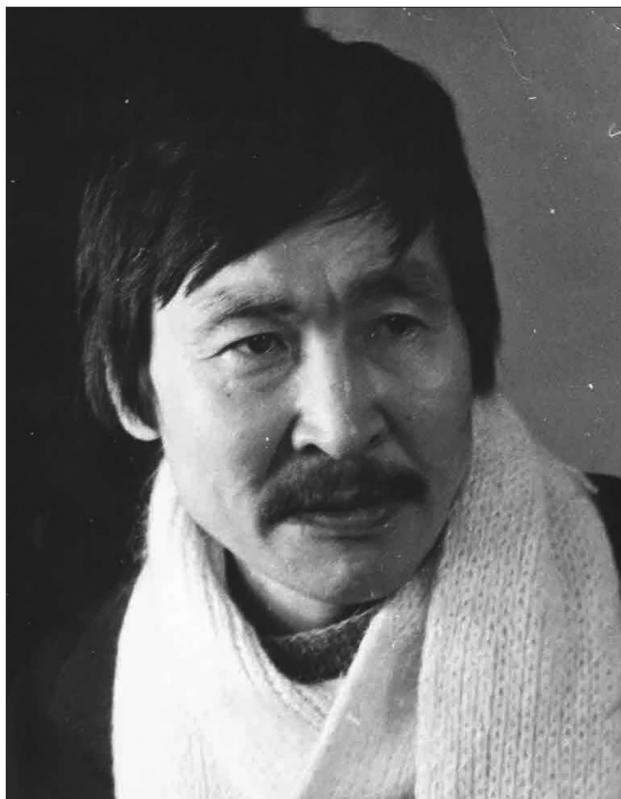
В ноябре 81 года я отдавал на хранение черновик моей рукописи **М.Тананаве (?)**. **Такакава** напечатала на пишущей машинке черновик и подстрочный перевод (сделанный ею же) поэмы. Затем напечатанную поэму она передала Жене Рожкову, а тот отправил в Магаданское книжное издательство, по моему, М.П. Легкову.

Я должен сказать, что я показывал Рожкову фрагменты из последнего варианта поэмы «Какомэй» в подстрочном переводе, сделанных мной. Женя говорил, что моя поэма «судя по подстрочникам – хорошая».

То, что Такакава делала подстрочник моей поэмы, и то, что Женя отправлял потом в издательство – я совершенно не знал (узнал позже, т. е. в конце ноября прошлого года). Ещё скажу, что Рожкову не понравился подстрочный перевод поэмы, сделанный Такакавой. Черновую рукопись поэмы я забрал у Такакавы в конце прошлого года.

У меня к тебе, Толя, просьба: будешь в Магаданском издательстве, сообщи о подробностях этого письма М.П. Легкову. Откровенно говоря, я бы никогда не стал сдавать издательству неготовые стихи... Могу это подтвердить тем, что я отказался (ты давно знаешь) от первого и второго вариантов поэмы. Я также отказался от эпиграфа к поэме, заимствованного мной из книги А.Яковлева «Какомэй» (об этом я тебе сообщал телеграммой ещё из Анадыря в конце 81 года).

Завтра, т.е. 31 марта уезжаю в тундру работать пастухом в бригаду № 3. Так что

пиши ответ без промедления. С нетерпением жду твоё мнение о последнем, третьем варианте моей поэмы (в подстрочном переводе, сделанном мной).

Итак, я еду в тундру! Я рад и доволен: ведь почти со всеми членами бригады, где я буду работать, я уже познакомился здесь, в посёлке Снежном. Я встретил замечательных людей!

**До свидания, дружище! Крепко обнимаю – С. Теркигин.
30/III-82 г.**

*

Здравствуй, Сергей!

Хорошо, что ты отозвался, наконец, и письмишком, не только телеграммами, что появился у тебя и более-менее постоянный адрес. Надолго ли? Никак не пойму причин твоих странных и очень уж частых перемещений, почему не живётся тебе на одном месте, в одном коллективе. Не объяснишь?

Итак, повторяю: я жду от тебя полный подстрочник и оригинал твоей новой поэмы, подстрочник в твоём переводе. Но – обстоятельный, со всеми пояснениями туманных мест. Знаю, что в издательстве оригинал поэмы твоей есть, но до меня он может и не дойти, так что не поленись, пожалуйста, сделай второй. А пока он, кстати, на рецензии у А. Кымытваль, но она в отпуске. Днями придет, напомню, чтоб быстрее делала заключение.

Но, поэма поэмой, а почему я не вижу твоих новых стихов? Пора бы тебе приступить к современности, искать поэтическое в окружающем тебя мире, в людях, рядом с которыми ты живёшь и работаешь, в картинках их быта, образа жизни. Когда-то ты хотел записывать сказки, песни, да, видно, в путешествиях забыл об этом. Вспомни. И не упускай возможности использовать устное народное творчество в своих стихах и поэмах.

Боюсь, что ты мало учишься, мало читаешь. Ведь сколько времени провёл «в бегах», жил в Анадыре, а какие книги достал, что прочёл? Кого из поэтов вообще читал в последние годы, чему научился, кто тебя взволновал, потряс? Или так всю жизнь и намерен жить багажом юности? Но этого очень мало, Сергей. Не рано ли зазнаёшься?..

Я писал тебе, что в конце года в Магадане будет проходить 3-й Всероссийский семинар-совещание молодых литераторов Крайнего Севера и Дальнего Востока. К нему нужно прийти с новой рукописью, а ведь у меня должно быть время, чтобы перевести её на русский язык. И если всё будет хорошо, не исключено, что именно это совещание рекомендует тебя в члены Союза писателей. Но ведь надо работать, дружище, а ты пока шлешь мне одни обещания.

Словом, жми. Удачной тебе летовки, новых стихов, хорошего, дружеского окружения.

**Будь здоров, всего наилучшего! –
Анатолий.
8.04.82 г.**

*

Здравствуй, Сергей!

Сегодня Е.Рожков прислал мне журнальчик «Рабочее-крестьянский корреспондент» с большой подборкой твоих стихов. И хотя все стихотворения – из книжки, но цикл составлен со вкусом и, думаю, не огорчит читателей. Что ж, поздравляю!

А я тут тебе письмо написал, но уже дня три-четыре лежит оно неотправленным, потому как, едва заклеив конверт, решил я сам взять над тобой принудительное шефство и стал отбирать кое-что из книг (поэтических и о поэзии), которые тебе полезно было бы почитать хотя бы на первых порах. А у некоторых авторов и постоянно учиться: видеть мир глазами художника, видеть большое в малом и поэтическое в обыденном. Однако этим я вовсе не призываю тебя писать на русском языке. Нужно постоянно помнить о стихии родной поэзии, своей культуры, традициях чукотского народного

творчества. Первые книжки – в ближайшие же дни вышлю. Отправлять их большой бандеролью не рискую, сейчас за книгами охотятся даже почтовые работники, поэтому они нередко пропадают, так что буду подсылать в заказных письмах по одной-две-три книжечки, в зависимости от их объёма. Разумеется, ни о каких копейках расчёта и не думай. Учись и пиши – это главное, но, конечно, будет обидно, если при очередном переезде ты их попросту выбросишь. Все эти книги из моей библиотеки, и с некоторыми из них мне по-человечески жаль расставаться.

Берись за ум, дружище. И обрати внимание на прозаические зарисовки Шесталова, тебе пора бы обзаводиться ещё и дневником лирических наблюдений в прозе.

Будь здоров! Жму твою авторучку! –

Анат. Пчёлкин.

10.04.82 г.

P.S. Поздравляю с Первомайскими праздниками, окончанием отёла (к которому ты, конечно, не успел), праздником молодого оленя! Эх, хорошо сейчас в тундре, чёрт!... – **А.П.**

*

Здравствуй, Толя!

Только первого сентября этого года я получил от тебя книги. Среди них, к моему удивлению, я нашёл московский журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент», в котором напечатаны мои стихи твоего превосходного перевода. Я не мог скрыть своей счастливой тревоги... Вместе с тем я был озабочен своей же бездеятельностью: много времени я не писал стихов. Правда, я всегда вёл поэтический дневник, где тихо записывал свои наблюдения... Но понимаю, что этого мало... Каждый может видеть, т.е. получать зрительные впечатления. А вот осмыслить увиденное по-своему – далеко не каждый может... Мне кажется, что все явления жизни имеют характер и душу – это, во-первых, хочу понимать. С малых лет мой отец учил меня к пониманию истины. Устами народа хочу писать – это, во-вторых (память сохранила яркие картины из быта, обычаев и т.д. моего маленького, но мужественного народа). Я хочу получить литературное образование – это в-третьих (учёба не отнимет у меня время для творческой работы, а, наоборот – усилит творческое напряжение и даст возможность отказаться от лишних забот).

До свидания! Жму твои длинные руки, мой Дон Кихот!!!

P.S. Вышли мне бумаги и конвертов – их у меня совсем нет.

**С уважением – Сергей Теркигин.
Сентябрь. Бр<ригада> № 3. Село
Снежное.**

Владимиру Теркигину
(Подстрочник перевода)
Ты учер...
И потылы –
И у времени,
И у тебя
Дороги разные...
Но ты не огорчайся,
Мой друг и брат:
Суровый свет
Любви,
добра
и веры –
Есть свет твой. Праздник,
Сверкающий еловым,
Словно существующий человек,
Перерастает в – будущее,
Вместе
с горюхами,
горюхами
и публичн.

Сергей Теркигин

*

Дата этого письма по штемпелю на конверте – «13.09.82».

*

Анатолий!!!

Я вшил препарат «Эспераль». В конце-концов, люди должны знать, что я писал стихи только в трезвом уме!... Но, я буду отныне ходить с «торпедой» не для того, чтобы «удовлетворить» свой очередной каприз, – нет (вообще любой способ «саморекламы» мне претит). Мне уже 34 года и пора мне жить по-своему, т.е. самостоятельно. Я хочу создать семью, писать стихи и главное, жить, как говорят, «естественно и просто». Я хочу до седьмого пота работать, а не растратывать свою энергию на пустяки. Теперь я, как бы, посмотрел на самого себя со стороны. Откровенно говоря, я постыдился, вспомнив, как я жил в недавнем прошлом...

На этом я пока заканчиваю письмо.

До свидания, дружище! Сергей Теркигин.

25/У-83 г.

**P.S. Пиши по адресу: 686741,
Анадырский р-он, п. Снежное, бр. № 3,
Сергею Теркигину.**

*

В этом письме С.Теркигин отправил А. Пчёлкину подстрочник стихотворения памяти

Владимира Тынескина (1946–1979), своего двоюродного брата.

*

Здравствуй, Толя!

На днях я уезжаю в бригаду. Перед отъездом решил написать письмецо. Итак, я уезжаю в бригаду... Прежние черновики поэмы я нашёл. Читая черновики, я пришёл к выводу, что поэме мне нужно «вдохнуть и плоть, и кровь».

<...>

Над поэмой работаю с большой отдачей и душевных, и физических сил. Не спешу, но поторапливаюсь... Думаю, что оригинал и подстрочный перевод сделаю через два года. Мне приятно работать (если бы я заболел, то обошёлся бы и без лекарств: ничего не может удовлетворить меня, кроме целительной литературной работы). <...>

Обо мне не беспокойся. Постараюсь беречь себя. Стихи буду посылать всегда, как только будет транспорт в оленеводческой бригаде (из центральной усадьбы).

Пиши по старому адресу: Анадырский р-он, с. Снежное, бр. № 3.

Куда мне тебе писать? Через один-два-три года? Ты извини, что задаю банальные вопросы. <...>

**До свидания! Пиши.
Обнимаю. С. Теркигин.
15/VI-83 г.**

*

После этого послания наступил трёхлетний перерыв в эпистолярном романе «Теркигин – Пчёлкин». И вот, 27 июля 1986 года – очередное письмо:

Здравствуй, Анатолий!

В марте этого года в аэропорту в Анадыре видел Александра Камчегыргина¹⁰, который писал о Володе Тынескине. Он показал мне твоё письмо из г. Червонопартизанска. Я пере-

писал твой домашний адрес, и не случайно. Мои стихи или просто письма я могу посылать прямо на твой дом. Меня удивило в письме то, что ты написал Саше, что я вообще перестал писать. Я пять лет не писал, вернее, искал, как геолог камни – благозвучные (песенные) пласты чукотского языка. У нас много красивых слов, например: ай-мын (прорубь) и т.д. От белого стиха я не отказываюсь, от рифмы – тоже. Чукотская речь – гортанного звучания, поэтому я за свободный стих. Но это не говорит о том, что я хочу разорвать связь между белыми и строго рифмованными стихами, наоборот – хочу гармонично слить их в чукотском стихосложении.

<...>

Пять чукотских сказок я отправил в Анадырь Поломошнову И.В. Он уже перевёл их на русский язык. Сказку¹¹ вместе с письмом посылаю на ваш «страшный суд».

**До свидания! Обнимаю
по-дружески. Сергей.
27/ VII-86 г.**

*

После этого письма в переписке поэтов опять наступило затишье, которое прервалось лишь 16 января 1989 года:

Здравствуй, Толя!

Во второй половине октября отправил тебе (через геологов) письмо со стихами. Я сомневаюсь, что письмо попало тебе в руки. Так как не было твоего настоящего адреса, письмо адресовал в Магад<анское> кн<нижнее> изд<ательство>. Добавлю, что письмо геологи должны были (по моей великой просьбе) опустить в почтовый ящик в Эгвекиноте. Во избежание неудачи, т.е. потери письма со стихами, я решил ещё раз написать.

Сейчас, когда мои чукотские коллеги поэты-прозаики обгоняют меня в количестве написанных книг, я немедленно взялся за перо, чтобы обогнать их качеством одной-единственной моей поэтической книги.

Как бы ни было трудно, самая горькая жизнь даёт мне толчок к тому, чтобы писать вдохновенно. Самому себе удивляюсь, что стихи получаются искренними и прекрасными...

Может быть, неосторожно сказанное – «прекрасные стихи» – только лишь заблуждения? Пусть! – но «чистые от греха» и «первородные» – без какого-либо намёка на самолюбование! В эту минуту я – без капельки хитринки, «бездумен» и «...Душа моя светла!..» (А.С. Пушкин). В противном случае, я должен призвать мысль, чтобы ... нагло схитрить! Но мысль, которая во мне (ох! – не дремлет) – ревнует и беснуется: не хочет, чтобы над ней (мыслью) управляла душа. Моё «Я» – без имени. «Я» – всего лишь наблюдатель, который весьма склонен отдать предпочтение Душе, чем Мысли.

Итак...

Здравствуй, Анатолий!

На днях я уезжаю в Анадырь. Если у тебя будет необходимость срочно написать мне, то пиши по адресу:

**686710, г. Анадырь, ул.
Отке, 3, редакция «Советкэн
Чукотка».**

Там все меня знают. И самое главное – твоё письмо не пропадёт. Я сам буду чаще заглядывать в редакцию, чтобы кто-нибудь однажды мне сообщил: «Тебе есть письмо от Пчёлкина!» Это будет самой большой радостью для меня.

**Крепко обнимаю! Сергей
Теркигин.
15/VI-89 г.**

*

Здравствуй, Толя!

На днях я уезжаю работать в оленеводческую бригаду (во вторую или в пятую). Перед уездом в тундру я отправлю тебе телеграмму и сообщу, в какую бригаду поеду. После операции, которую мне сделали в Эгвекиноте, я чувствую лучше. Так что в тундре буду работать безвыездно до конца 1990 года. Нет смысла ездить часто в посёлок, т.к. мы получаем деньги в конце года (по конечному результату нашего труда). <...>

Я ещё записал несколько сказок. Сказки писать легко (я имею в виду на родном языке). Чукотские сказочники с каждым годом уходят из жизни. Приходится напрягать память: с кем я встречался из местных людей с раннего детства. Ведь даже недолгая встреча с интересным человеком всегда была для меня значительным событием: гость-олeneвод из соседнего стойбища или морской охотник-анкалин мог увлекательно рассказать какой-нибудь случай из жизни или сказку... Я любил с детства слушать сказителей. Но не придавал этому серьёзного значения. Уже повзрослев, когда стал писать, понял, что фольклор – частица бытия народа, и я стал записывать сказки. У меня есть мечта – когда-нибудь выпустить книгу сказок. <...>

В начале ноября 1989 г. я зашёл в «Советскую Чукотку» и показал (мои) чукотские сказки, переведённые мной на русский язык. Одну из них, «Как батрак проучил богача-чаучу», сразу опубликовали. Думаю: буду записывать сказки только на родном языке. Русский переводчик если захочу – найдётся.

В родном посёлке Конергино мне жить негде.

Когда-нибудь я насовсем переведусь в Анадырь. Буду работать в «Советкэн Чукотка». Сейчас я хочу поскорей уехать в тундру и писать стихи.

До свидания! Жму твои лапки! Жду письмо после моей телеграммы. 2/1-90 г. – Сергей

*

Это последнее письмо Сергея Теркигина Анатолию Пчёлкину. Дальше в стране Советов наступили тяжёлые, если не сказать – трагические времена, связи между писателями Колымы и Чукотки прервалась.

Но закончу я эту эпистолярную повесть о Сергее Теркигине словами Михаила Рачеткина, написанными в 2009 году – к 60-летию поэта – которые я нашёл в интернете:

«Судьба поэта, как правило, трагедийна. И Сергей Тиркыгин не исключение. Наверное, его исконное и единственное место было там, в тундре, где он понимал и чувствовал все и вся, где так просторно было его сердцу. Но он пришел к нам, в нашу «крутую цивилизацию» и... не вписался в нее. Он был плоть от плоти тундры, своего маленького (только по числу!) народа, который питал его душу и поэзию.

Сергей Тиркыгин ушёл от нас, как говорил он сам, как говорят сородичи, «к верхним людям» восемь лет назад. Верю, что не случайно его смертный медицинский диагноз – столь необычный, таинственный: «ушиб сердца». И пусть это прозвучит наивно, даже несколько пародийно, пусть это вызовет у кого-то из жестокосердных ироническую улыбку, но я всё же спрошу, а разве может быть у Поэта не ушибленное сердце?!»

*

¹ «Писатели Чукотки».

Биобиблиографический справочник. Выпуск 1. Анадырь, 1993. С. 125–126.

² «Календарь дат и событий по Магаданской области на 2019 год». Магадан, МОУНБ им. А.С. Пушкина, 2018.

³ «Календарь знаменательных и памятных дат Магаданской области на 2019 год». Магадан, ОГКУ ГАМО, 2018.

⁴ Владимир Георгиевич Христофоров (24.01.1941 – 29.03.2013 гг.), прозаик, член Союза писателей СССР (1979), лауреата премии Магаданского комсомола (1976).

⁵ Сергей Теркигин. В кн.: «О Севере песня моя». Сборник стихов чукот. и эскимос. поэтов. Магадан, 1976. С. 51–56.

⁶ кослание – кочевье оленьего стада с погонщиками (олeneводами). Кослать – кочевать, перекочёвывать (Интернет).

⁷ Владимир Васильевич Тынескин (1946–1979), самобытный чукотский поэт.

⁸ Сергей Теркигин. Весенние стихи. Перевод с чукотского А.Пчёлкина. Журнал «Дальний Восток», № 1, 1978. С. 93–96.

⁹ в 1980 году в Магаданском книжном издательстве вышла книга стихов С.Теркигина «Лети, мой день!» на чукотском языке с параллельным русским переводом А.Пчёлкина. Первая, и, к сожалению – последняя.

¹⁰ у Пчёлкина – Камчеиргин. См. «Его звали Пчела». Барнаул, Издательство «Новый формат», 2019. С. 63–64, 69–72.

¹¹ сказка записана С.Теркигиным у жителя села Усть-Белая Ёкау Ивана в 1985 году. Перевод с чукотского С.Теркигина.

Елена ГАЛИМОВА

Архангельский контекст

Ландшафт литературной жизни Архангельского Севера меняется медленно. Но при всей традиционности северорусской словесности она, конечно, развивается, изменяется – живёт. Литературный процесс, подобно водам Северной Двины, не знающей порогов, водопадов и горных стремнин, движется неторопливо, но уверенно и неуклонно.

В области ежегодно проводится несколько поэтических фестивалей. Это и «Солонихинские зори» в Красноборском районе, куда съезжаются самодеятельные авторы, с которыми проводят семинары и мастер-классы известные писатели и поэты. И фестиваль «Петровские строки», во время которого члены писательской организации выезжают в один из районов нашей весьма обширной области и выступают в библиотеках и клубах. И фестиваль Козьмы Пруткова в Сольвычегодске. И литературно-музыкальный фестиваль на родине Ольги Фокиной в Верхнетоемском районе, где поэтесса живёт в летние месяцы. Поэтические марафоны проводятся в Архангельске в июньские Пушкинские дни. Ежегодно звучат стихи наших поэтов и 3 января, на вечере «Зимняя песня», посвящённом Николаю Рубцову, который вот уже свыше десяти лет проводится писательской организацией в Архангельске, и на традиционных Рубцовских чтениях в селе Емецк, на родине поэта.

В поморском селе Лопшеньга проходят литературные встречи, посвящённые прекрасному

русскому писателю Юрию Казакову. Встречи, конечно же, получили название «Поедемте в Лопшеньгу» – так называется один из рассказов Казакова, бывавшего в этих местах и запечатлевшего их в своём творчестве.

Может быть, ещё важнее, что у писателей-северян есть возможность «встречаться» на страницах литературно-художественного журнала «Двина», ежеквартального издания, выходящего в Архангельске с 2001 года. Заслуга создания журнала принадлежит Инэль Яшиной, возглавлявшей областное отделение Союза писателей России с 1991-го по 2007 год. Учредители журнала – областная администрация и региональное отделение Союза писателей России. Главный редактор «Двины» Михаил Попов на рубеже XX – XXI веков издавал в Архангельске литературные альманахи «Белый пароход» и «Красная пристань», преемником которых и стал журнал. Знакомство со всеми выпусками «Двины» даст читателю почти полное представление о литературной жизни края, это весьма содержательный и информативный журнал. На его страницах печатаются не только авторы, живущие на Архангельском Севере, но и такие известные уроженцы нашего края, обосновавшиеся в столице или в других городах страны, как Юрий Галкин, Владимир Личутин, Мария Аввакумова, Александр Лысков, Николай Редькин. Публикуются в «Двине» и

литераторы из соседних регионов Северо-Запада и из многих других краёв и областей России.

Михаил Попов отмечает, что «исток» «Двины» – живая вода Русского Севера, былины и сказы Великой Руси, сохранённые нашими пращурами; творческое наследие Михайлы Ломоносова, родниковое слово Бориса Шергина, Алексея Чапыгина, Степана Писахова, Евгения Гагарина, Фёдора Абрамова, Николая Рубцова», и подчёркивает, что редколлегия журнала «постоянно обращается к творческому наследию Фёдора Абрамова, поверяя словом выдающегося писателя-земляка и курс журнала, и собственное творчество».

Конечно, ожидать, что в наши дни областному литературному журналу может жить легко, не приходится. И тираж год от года областные власти сокращают, и распространение журнала в розницу издательский дом, куда отнесена «Двина», не организует – попросту негде его купить, можно только по подписке получать. Прежде «Двину» получали по целевой подписке областного министерства культуры более пятисот библиотек области. Нынче это число сократилось вдвое – теперь таких библиотек только двести семьдесят. Но всё-таки живёт пока журнал, и выхода каждого его номера читатели ждут. Среди его подписчиков – жители самых разных регионов России.

И публикации на страницах журнала, и издающиеся авторами-северянами книги – повести и романы, сборники стихов и рассказов позволяют судить об основных тенденциях развития региональной литературы и выделить самые значительные публикации, самые интересные имена.

Среди наиболее заметных тенденций я бы назвала активное развитие документальных и художественно-документальных жанров, что объясняется стремлением авторов – и профессиональных писателей, и краеведов, и просто неравнодушных к своей земле людей – сохранить память об уходящих в небытие родных деревнях и сёлах. Не вдаваясь в характеристику процессов, которые идут сейчас по всей России, а на Севере приобретают наиболее экстремальные формы, отмечу лишь, что происходит тотальное исчезновение многих сотен старинных северных сёл. И последние поколения уроженцев этих деревень, созданных четырьмя, пятью, шестью сот лет тому назад великими трудами осваивавших Север русских людей, стремятся уже не спасти их – спасти невозможно, – а сохранить память о них, передать эту память своим детям и внукам. По крупницам, разыскивая в архивах, вычитывая в дореволюционных и советских изданиях, записывая рассказы старожилов,

собирают люди историю родной деревни. Это целое движение сейчас – мощное, настоящее, никем сверху не инициированное. Движение сопротивления беспамятству.

В романе «Свиток» запечатлел образ своей родины – деревни на берегу реки Онеги, зарастающей травой забвения, – прозаик Михаил Попов. В журнале «Двина» на протяжении уже нескольких лет печатается «роман-реконструкция» уроженца Шенкурского района Александра Лыскова «Лёд, или Красный закат в конце июня», в котором он воссоздаёт многовековую историю жизни своего рода, родной деревни. Как определяет сам автор, это «история свободных, сильных наших предков, начиная с появления их на землях угро-финнов в 1471 году и заканчивая последним временем».

Первый сборник своих рассказов, целиком посвящённый судьбам односельчан и самой деревни (пока ещё живой), начинающий прозаик Ирина Турченко назвала именем кенозерской деревни – «Моя Усть-Поча». Живущая в Холмогорском районе поэтесса Галина Рудакова издала документальную книгу «Кургомень» о малой родине. Точнее, написала, скрупулёзно собрав огромный материал. А издал за свой счёт эту книгу Виктор Чураков, корни которого тоже в Кургомени. О том, что такие издания очень нужны, востребованы, свидетельствует тот факт, что книгу пришлось переиздавать: земляки просили. И такие примеры можно множить и множить.

Если «деревенская проза» в 1970-е годы показывала общие процессы, охватившие русскую сельскую жизнь в целом, и символика «Прощания с Матёрой» Валентина Распутина или «Дома» Фёдора Абрамова приобретала притчевый характер, а одна деревня – Пекашино ли, Матера ли – становилась символом всей затапливаемой волнами НТР крестьянской Атлантиды, то сегодняшние авторы уходят от обобщений и стремятся с документальной точностью запечатлеть неповторимый образ одной-единственной, самой дорогой им на свете деревни.

Потому и в творчестве самого значительного из поэтов Архангелогородчины конца XX – начала XXI века Александра Роскова (1954–2011) в последние годы преобладают образы не северного села вообще, а совершенно конкретной деревни, житийные стихотворные рассказы не о судьбах крестьянства в целом, а о жизни-житии отдельных людей. Все написанные за последние годы стихотворения Роскова складываются в своего рода Книгу памяти, в которой бережно собраны все свидетельства исчезающей жизни.

То, насколько читаем и любим Александр Росков не только на Севере, стало особенно очевидным после кончины поэта. Издатели, причём из других регионов России, выпускают сборники его избранных стихотворений, создаются концертные программы, в которых звучат песни на его стихи, а у его страницы на стихотворном портале свыше семидесяти семи тысяч читателей.

Среди наиболее значительных из активно работающих сегодня поэтов – архангелогородка Елена Кузьмина; Александр Логинов, живущий в старинном городе Каргополе; уже упомянутая Галина Рудакова; геолог из посёлка Савинский Татьяна Полежаева; учитель из Кеноречья Ольга Корзова; авиатор Илья Иконников, работающий сейчас в аэропорту поморского села Лопшеньга; архангелогородец Василий Матонин, северодвинки Татьяна Щербинина и Елена Николихина; Надежда Князева из Шенкурска; недавно возглавивший Архангельскую писательскую организацию уроженец Архангельска Владислав Попов, многие годы учительствовавший в пинежской глубинке.

Характерно, что многие из наших писателей и поэтов живут не в областном центре или в других крупных городах Архангельского Севера, а в районных городках и сёлах или даже в совсем небольших посёлках и деревнях. Причём не только писатели старшего поколения, но и молодые. Так, никуда не переехал из тихого Каргополя очень интересный молодой прозаик Александр Киров, получивший всероссийскую известность и ставший лауреатом ряда престижных премий.

В приполярной Мезени, до которой от Каргополя на северо-восток по прямой 548 километров (ох, обширная наша область! да и «по прямой», конечно, не проехать), жил недавно ушедший от нас Александр Антипин, рассказы которого печатались в «Нашем современнике» и «Новом мире», а книга прозы «Белое море, чёрная изба», изданная в 2014 году, отмечена премией «Имперская культура».

Среди авторов, живущих в Архангельской области, немало тех, кто включён в общероссийский литературный процесс. Так, кроме названных авторов, это и, конечно, Михаил Попов, который известен не только как редактор, но и как прозаик, лауреат множества международных и всероссийских литературных премий. И живущий в Северодвинске Андрей Рудалёв, один из самых известных в России молодых литературных критиков. И Елена Кузьмина, победившая в одной из номинаций Международной литературной премии имени Н.В. Гоголя за 2015 год.

Вышедший в 2012 году роман архангельского

писателя, автора нескольких книг прозы и поэтических сборников Валерия Чубара «Сон на закате» стал событием литературной жизни края.

Многогранны дарования и разносторонни интересы Василия Матонина: поэт, учёный-философ и культуролог, недавно защитивший докторскую диссертацию, издатель и главный редактор альманаха «Соловецкое море», председатель Товарищества северного мореходства, путешественник-морепоплаватель. Один человек – целый научно-культурно-литературный центр, притягивающий к себе многих единомышленников. В течение нескольких лет Василий Матонин руководил литобъединением «Поморье», а в этом году организовал литературную студию для самых юных авторов.

Творчество молодых талантливых авторов традиционно привлекает особое внимание. Их печатают в «Двине», приглашают на литературные семинары, фестивали и поэтические вечера. На Архангельском Севере, несмотря на всё увеличивающийся год от года отток молодых людей, приобретающий в последнее время катастрофические масштабы (уезжают чаще всего в Петербург), таланты продолжают рождаться и формироваться. (Такие вот два противоположно направленных движения: на родину, часто – в сельскую глубинку, и – прочь с Севера, в более удобные для жизни края...) Сегодня среди наиболее перспективных молодых прозаиков чаще всего называют Антона Шушарина, уроженца Холмогорского района, живущего в Северодвинске, архангелогородку Екатерину Самсонову (Суворову), Дениса Макурина из Холмогор. Стихи пишут многие молодые, есть и довольно интересные авторы, но настоящим открытием последних лет стало творчество Ирины Кемаковой, живущей в Каргопольском районе (она – в числе вернувшихся на родину, в деревню, после окончания – с отличием! – университета). В 2015 году вышел первый сборник стихотворений Ирины Кемаковой «Вот так и жить» с предисловием авторитетного поэта Александра Логинова.

Северный текст, начало которому было положено ещё протопопом Аввакумом и Михаилом Ломоносовым, сегодняшние авторы насыщают новыми смыслами, обогащают и развивают.

г. АРХАНГЕЛЬСК

Елена Галимова – профессор кафедры литературы ПГУ, доктор филологических наук. Автор монографий о Шергине и Юрии Казакове, о Северном тексте русской литературы и поэзии Архангельского Севера XX–XXI веков и ряда учебных пособий. Живёт в Архангельске.

Сергей СПИРИН

В Арктику мы ещё вернёмся

На Чаун-Чукотке в разные годы работали необыкновенно интересные, талантливые люди, ими гордятся жители не только нашего района, но и за его пределами. В ноябре исполнилось 90 лет **Валерию Купецкому**, известному специалисту-гидрографу по Арктике и Северному морскому пути, доктору географических наук, Почётному гражданину города Певека.

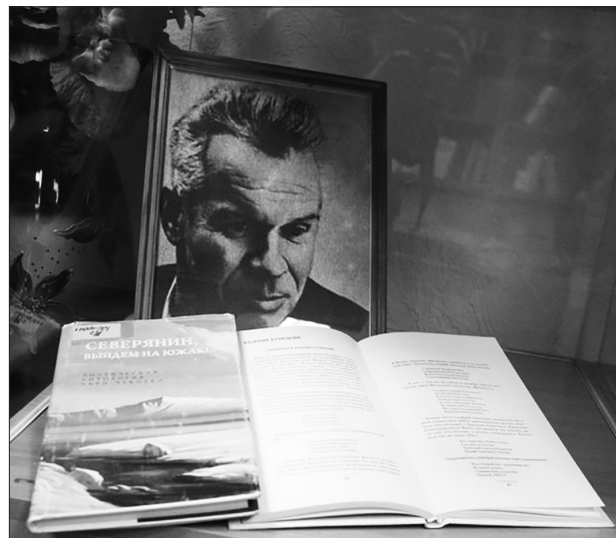
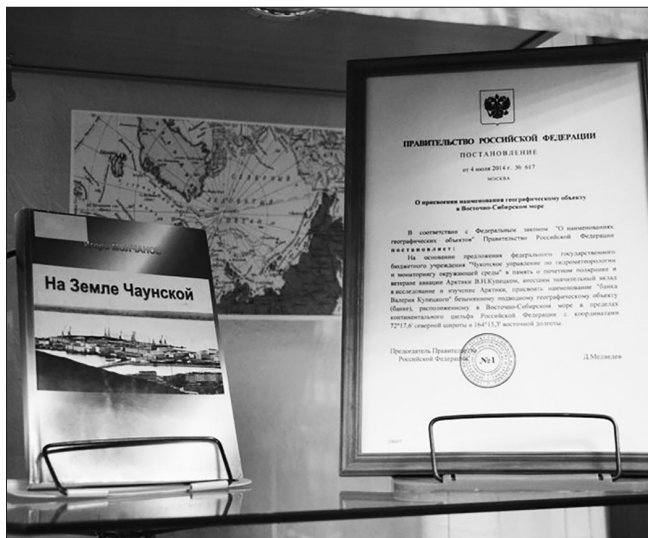
Он родился в Ленинграде 12 ноября 1929 года в семье педагогов. С раннего детства родители прививали ему любовь к знаниям, литературе, искусству, природе. В 1941 году его отец ушёл на фронт в составе ополчения. После тяжелой блокадной зимы 1942 года Валерий с матерью и сестрой был эвакуирован из Ленинграда в составе детского дома в Ивановскую область. Только в 1946 году семья Купецких вернулась в родной город и Валерий

начал учиться в школе № 5 Василеостровского района.

После окончания школы в 1948 году, Валерий Николаевич поступил на Географический факультет Ленинградского Государственного университета. После его окончания обучался в аспирантуре на кафедре океанологии. В 1959 году успешно защитил диссертацию, посвященную заприпайной полынье в Арктике и Антарктике. Руководителем его работы был Герой Советского Союза, профессор **Виктор Харлампиевич Буйницкий**.

До 1961 года Валерий Николаевич работал в Ленинградском отделении Океанографического института, затем перешёл в отдел ледового режима и прогнозов НИИ Арктики и Антарктики.

Вся жизнь Валерия Купецкого была связана с Арктикой. Более 40 лет он занимался обеспечением навигации, ледовыми и гидрологиче-

скими прогнозами Восточно-Сибирского и Чукотского морей, сочетая оперативную работу с широким спектром научных исследований ледовых явлений. Его задачей было проведение морских судов по одной из самых тяжёлых транспортных магистралей планеты – Северному морскому пути. Опираясь на труды выдающихся полярных исследователей, он разработал собственную методику ледового прогноза, воплотив тем самым усилия своих предшественников в практику арктического судоходства. Он один из первых занялся анализом солнечно-земных связей применительно к ледовым условиям Арктических морей. Эти исследования помогли ему в 1989 году защитить докторскую диссертацию, посвященную описанию ледовых ландшафтов Северного Ледовитого океана.

С 1981 по 1997 год Валерий Купецкий работал директором Гидрометеорологической обсерватории в Певеке. Имя Валерия Николаевича широко известно и пользовалось большим авторитетом среди моряков и полярников. Он автор более 100 статей и монографий, активный популяризатор науки, много лет сотрудничал с газетами «Магаданская правда» и «Полярная звезда», научно-популярными журналами. Первым, ещё в советское время, начал изучение научного наследия адмирала Александра Васильевича Колчака.

Валерий Николаевич Купецкий – Почётный полярник, Отличник Гидрометслужбы, ветеран авиации Арктики, награждён орденом «Знак почёта». Несмотря на его огромные заслуги, он был очень скромным человеком, замечательным собеседником и рассказчиком. Всем, кто его знал, памятливы его остроумные стихотворные поздравления и даже ледовые прогнозы, часто носившие стихотворную форму.

Вместе с Николаем Евгеновым Купецкий написал книгу «Полярная экспедиция на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач» в 1910–1915 годах».

Другая книга Купецкого называлась «В Арктику мы вернёмся...». В ней известный полярник рассказал о своей собственной методике ледового прогноза.

Валерий Николаевич Купецкий умер 11 сентября 1999 году в родном Питере. До своего семидесятилетия он не дожил без одного дня два месяца.

г. БЕЛОРЕЧЕНСК,
Краснодарский край

Юрий МОГУТИН

По рекам Севера к поморам...

* * *

Я, как разобранный Богом на части «конструктор»,
А подо мною – Урал, трудовой, трёхколёсный.
Часть меня чукчам развозит по тундрам продукты,
Прочая в шторм на Оби налегает на вёсла.

Птица в плену принимает контуры клетки,
Клетка – подобие в ней содержащейся птицы,
Рыба становится блюдом, запутавшись в сетке,
Люди – лишь спицы Господней большой колесницы.

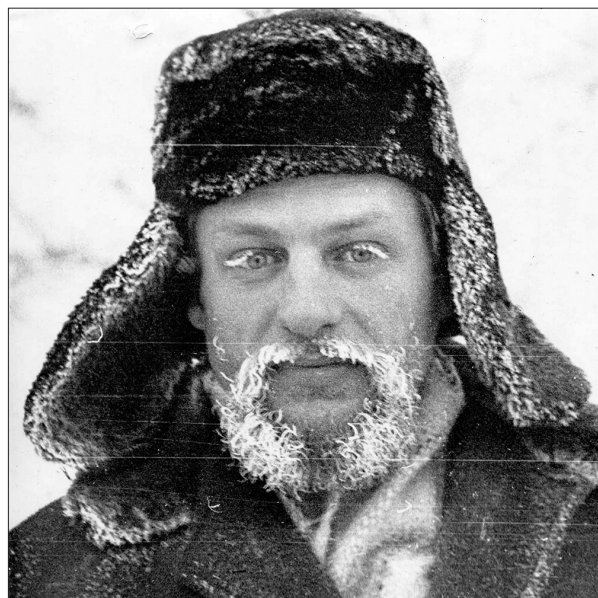
Быть неубитым таким назначением сугубым
Нам позволяют стихи – подстрекатели речи.
И воспаряем на миг над субстанцией грубой,
Чуя, как крылья растут из окрепших предплечий...

* * *

О лайках северных, о дождевых червях,
Ледком подёрнутых,
о клюкве индевелой,
О плавной поступи каменьев-черепах,
Бредущих к пристани, скучающей без дела
Средь барж покинутых и праздных катеров...
Зазимок близится шагами конокрада...

О, как слезит глаза чадающий костерок
И вкусно булькает бурда из концентрата!
То крупка сыплется, то дождик моросит.
Какой невзрачный октябрю подобран колер!
Должно быть, кончился у солнышка лимит...
И дождь шипит в костре, и лайки на приколе
Унылым брёхом дразнят тишину.
Им зайцы блазняются, им чудится пороша.
Они живот положат за одну
Погоню жаркую,

их нетерпенье гложет,
Покуда я молчу, облокотясь
На дно какой-то ржавой бочкотары.
О лайках северных, о тундре...
Что за связь –
Меж нами всеми в этом мире старом?
И почему в такой же поздний час

г.Чита, зима 1967-1968 гг., за окном минус 56°С

Ты там, в Москве, сидишь одна без света?
Семь тысяч вёрст разъединяют нас,
Но что за нить связует нас при этом?
О лайках северных, о тундре, о кострах,
Мытарствах, странствиях,
пространствах без предела,
О жизни на семи сквозных ветрах,
О тех глухих краях, где юность пролетела...

* * *

Мой голод ел траву и жрал коренья,
Мои молитвы стали на колени.
Господь судил мне кончить жизнь во рву.

Лежала степь – волчцы да черепица,
Пришёл кирдык в ежовых рукавицах.
Едва ли я до смерти доживу.

Тогда-то и подался я на Север –
Там легче отделить зерно от плевел.
Не знало время, что его в обрез.

Всяк Божий день меняется погода,
И не добрать до вечности полгода.
На помыслах поставлен жирный крест.

Щенок и кот – друзья по малолюдью
Гоняют птиц и дышат полной грудью.
Счастливые! Чего им не дышать?

Набить брюшко да учинить проказу...
Привычка жить рождается не сразу.
У них талант – хозяев утешать.

Жизнь, как кроссворд, не разгадать по клетке.
В четвёртый год последней пятилетки
Я рассказал бы вам судьбу мою.

Но окликают, свесившись с подножки,
И Райсобес мне начисляет крошки,
И критик зол: невесело пою.

* * *

Густеет ночь. Пурга прошла;
Созвездий крупная окрошка
Слоится в воздухе села.
Икает пьяная гармошка.

Не разберёшь – олень, тюлень? –
Перемещаются во мраке.
Мозги и чумы набекрень,
И в груды свалены собаки.

Повсюду тундра и покой;
Каюры маленького роста.
Над ними крыши никакой –
Они подходят к жизни просто.

Отгул. Погода хороша,
Когда ни тяжести, ни звука,
И время длится не спеша,
И жизнь – занятая наука...

* * *

Приходит стужа, она всегда
Со всеми в тундре на ты:
Твердеют лужи, и кол-звезда
Мерцает из пустоты.

Чухна в кухлянках своих меховых.
Творения тварный цех.
Внутри Земли гудит маховик –
Идёт жестокий отсев.

Здесь был народ, и ушёл народ –
В пургу, в буран, в никуда.
Но вот настанет и твой черёд
Уйти по его следам.

И ты свой сор за собой прибрал –
Кострища, обрывки строк,
Подмёл, почистил Сибирь, Урал,
Хребтов слоёный пирог.

Зимой земля себе не равна.
Мы – вброд, но компас наш врёт –
В снегу по пояс, и Ангел к нам
Крылами в снегах гребёт.

* * *

Мозглость. И за окном темно,
Словно набросила осень на мир рядно.
За неимением проса птицы клюют говно.
Тихою речкой льётся в стакан вино.
Молился тень моя раннесоветской сборки,
С детством голодным и следаком в подкорке,
С теми, кто в лагерный прах истолчён давно.

Что же ты, память, не спиши, мучишься, бдиши
И кулачком стариковским кому грозиши?
Не докричишься! стиснув зубы, молчи.
Всех переплавил железной системы тигель,
Но обошла тебя в тридцать кровавом гибель,
Канули в Лету жертвы и палачи.

И ничего в твоём прошлом страха и горя кроме,
Нет на тебе ни вины, ни безвинной крови.
Нищенствовал и у нищих просил взаймы.
В лица взглядишься: ни правых, ни виноватых.
Маются тени замученных, клятых, мятых
От Соловков до мёрзлых тундр Колымы.

* * *

Я рыл окопы, крыл блиндажи,
Искал могилы отцов.
И жизнь была – одни виражи,
Одни начала концов.

Полярных сияний гетеродин,
Казалось, сводил с ума.
Зиме не жалко своих седин
Для тех, чей дом Колыма.

Я стал под зябкий сполох зарниц
Белей полярной совы.
Упорней воли вот этих птиц
Меж нас не встречал, увы.

Округи выпотрошенный рудник
Вспухает, как чёрный торт,
Пурга заносит кости родных;
Как бубен, гудит простор.

Зимовщик пьяный, ругая власть,
Не знает, куда упасть.
Сквозь тундру каюр на нарте плывёт
И песню глухую поёт...

* * *

Вольные ветры гуляют над плоской,
придавленной тундрой,
Низкие тучи клоками ползут
по трясинам болот.
Тяжко и трудно вздыхает
завод многотрубный,
Тот, что болотную ржу пожирает,
а добрую сталь – выдаёт.

Тянет окалиной,
спёкшимся шлаком,
железом горелым.
А над цехами завода
полярных сияний каскад.
Разный народ у печей:
россияне,
саамы,
карелы...

Кто за густою деньгою приехал,
кто долю искать.

Где она, доля-жар-птица?
Она вроде сполохов этих,
Вдруг поманит, поиграет
и вновь растворится в ночи.
Тоже и деньги...
Легко улетают, как ветер,
Даже такие, «густые» –
от жаркой плавильной печи.

Даже такие, с надбавкой...
«Надбавка» прибавит ли света?
Мне и луча бы хватило
в несолнечной, в общем, судьбе.
Ты улыбнулась:
«Мелодия лучшая спета».
Грустно пою.
Захотелось весёлых тебе...

Жалкое детство моё
не знавало беспечных мелодий.
Что уж! Пою как умею,
негромко и грустно пою.
Как разбросало
лихим грозовым половодьем
Всю бедовавшую нашу семью!

Юные мифы уходят,
фортунa – увы! – не даётся.
Лодка судьбы
под крутым повернулась углом.
Вот и с любимой простился,
так что же теперь остаётся?
Русская странничья боль
да земле этой стылой поклон.

* * *

Когда весенний раскидай
Залепит землю липким снегом
И, расточая скипидар,
Тепло разляжется по следам,

Как желтолицый половчин
Полумонгольского покроя,
Проглянет солнце из овчин
Косматых туч и реки вскроет.

Являя оторопь и гнев,
Зима укроется по норам.
И поплывут зерно и нефть
По рекам Севера к поморам.

И на распластанных плотах
Хмельны от сини плотогоны,
И бабы в ситцевых платках
Помажут грустно с косогора.

Тогда в дорогу соберусь
И я, влеком неясным чувством,
И растворит родная Русь
Меня в своих пространствах грустных.

Юрий Николаевич Могути́н родился в 1937 году в семье дипломата, репрессированного в 1938 году – приговорённого к высшей мере, заменённой 25-ю годами лагерей. Вместе с матерью, как ЧСВН (члены семьи врага народа) был выслан из Москвы. Детство Ю. Могутина прошло в эвакуации на Урале и в разрушенном войной Сталинграде. Окончил историко-филологический факультет Волгоградского пединститута, преподавал в Забайкалье русский язык, работал в сибирских газетах. Окончил Высшие литературные курсы. Член Союза писателей СССР.

Автор многих книг стихов и прозы и многочисленных публикаций в центральной и региональной печати. В частности, написал исторический роман об освоении Сибири «Сокровища Аба-Туры» (Новосибирск, 1978), а также составил и перевёл сборник стихов карельских поэтов «Берестяная котомка» (М.: Детская литература, 1990).

В последние годы полностью ослеп, но продолжает сочинять стихи.

Лауреат Горьковской литературной премии и премий «толстых» журналов. Живёт в Москве.

Вячеслав ОГРЫЗКО

ПЕРЕД ВОЗВРАЩЕНИЕМ В РОССИЮ

**Битва за гражданскую
и творческую
реабилитацию
Солженицына**

*Триумфальное возвращение
Александра Солженицына в Россию
началось с Магадана 27 мая 1994
года. А что этому предшествовало?*

Сначала была битва за републикацию произведений писателя в советской печати. Солженицын выставил требование в первую очередь обнародовать в Советском союзе «Архипелаг ГУЛАГ».

Выполнить условие художника согласился главный редактор журнала «Новый мир» Сергей Залыгин. Но против выступил партаппарат. Осенью 1988 года новый идеолог компартии Вадим Медведев попытался даже наложить табу на любое упоминание имени крамольного писателя.

Залыгин вынужден был лавировать. А это не понравилось уже радикальным демократам. Они не понимали, что ждал редактор «Нового мира». По их мнению, не следовало ждать милостей от Кремля, а надо было всю ответственность брать на себя.

Из-за частых метаний от Залыгина начали отворачиваться некоторые его коллеги. 22 марта 1989 года Елена Чуковская записала в свой дневник:

«По рассказу Р.Т. Залыгина» повёл себя мерзко. Собрали большую редколлегия. Решили в № 6 ставить «Арх.». Поддержал их Гранин, «нрзб» прислал письмо, редкол. решила стоять крепко. На след. день выяснилось, что Залыгин отодвинул печатание опять. Даже на этих же днях выступил против Стреляного. Дохлый номер. Царедворец. Тут нужны другие пути, «новый подход». А он всё хочет старым ползком проползти» (РГАЛИ, ф. 3401, оп. 1, д. 35, л. 15 об.).

Видя, что инициатива уходит не в те руки, помощник Горбачёва Шахназаров 6 апреля 1989 года направил своему боссу очередную записку. Он писал:

«Михаил Сергеевич!

Я набрался смелости вторично просить Вас о восстановлении гражданства А.И. Солженицыну, потому что глубоко убеждён в том, что этот шаг оправдан и необходим со многих точек зрения.

Во-первых, сейчас сложился, можно сказать, консенсус среди интеллигенции по этому вопросу. Если он не

будет решён властью по своей инициативе уже в ближайшее время, можно ожидать всевозможных обращений за многими подписями. После этого всё равно придётся идти на уступку. Но будут говорить о том, что интеллигенция заставила Президента вернуть права великому русскому писателю.

Во-вторых, этот акт был бы хорошо воспринят всеми сторонниками русской идеи, что тоже очень важно.

И, наконец, в-третьих, возвращение Солженицына (если, конечно, он захочет приехать обратно) оказало бы, вероятно, умиротворяющее воздействие на драку в писательских кругах. Конечно, многое зависит от того, какую он займёт позицию. Но, думаю, сам факт Вашего обращения к нему свяжет этого человека определёнными моральными обязательствами. Да и судя по всему, он на старости лет отходит от экстремизма, вызванного в немалой мере нанесёнными ему обидами, переходит на позиции благословенного центра.

С учётом всего этого можно было бы направить ему телеграмму и опубликовать её.

Текст мог быть примерно следующим:

«Уважаемый Александр Исаевич! Рад сообщить Вам, что принят Указ о восстановлении Вас в правах гражданина СССР. Тем самым исправляется несправедливость, которая была допущена в отношении Вас, крупнейшего русского писателя, и о которой я искренне сожалею.

Вам, конечно, известно, что сейчас в стране широко публикуются практически все Ваши произведения. Убеждён, что общественность страны, включая и тех, кто не разделяет Ваших взглядов, окажет Вам самый радушный приём, если Вы захотите вернуться на Родину — на время или навсегда.

М.Горбачёв» (Цитирую по книге: Г.Шахназаров Цена свободы. Реформация Горбачёва глазами его помощника. М., 1993. С. 446).

Позже последний главный идеолог КПСС Вадим Медведев рассказывал:

«В конце апреля <1989 года> по просьбе Залыгина состоялась наша новая встреча. Сергей Павлович – вернулся к вопросу о публикации произведений Солженицына, в частности «Архипелага ГУЛАГ», ссылаясь на сильнейшее давление на него со стороны широкой общественности как в стране, так и за рубежом.

«Сергей Павлович, – сказал я, – в принципе у нас нет и не будет разночтений, если начать с публикации произведений, написанных для нашей печати. Насколько я знаю, в своё время была уже достигнута договорённость о публикации в «Новом мире» «Ракового корпуса» и «В круге первом». Журнал поступил бы логично, осуществив в первую очередь публикацию этих произведений. Мы, собственно, уже двинулись по этому пути, переведя опубликованные произведения Солженицына из спецхрана на свободный доступ. Ведь это вопрос не столько литературный, сколько политический, и надо учитывать настроения в обществе в целом, а не только в одной его части».

«Но такова воля автора, – ответил Залыгин. – Он согласен на возобновление своих публикаций в Союзе, если они будут начаты с «Архипелага».

«Ну а почему Вы должны подчиниться его условиям? Надо постараться убедить автора в иной последовательности, в иной логике решения этого вопроса».

Собеседник вроде бы и понимал это, но вместе с тем сетовал на то, что убедить Солженицына очень трудно, и я понял, что он уже связан договорённостями. Вообще, Залыгин мог бы и не обсуждая этого вопроса в ЦК публиковать то, что хочет, и никто не смог бы воспрепятствовать этому. Но порядочность писателя, наши предыдущие обсуждения, понимание политической значимости этого шага, видимо, не позволяли ему так поступить» («Независимая газета». 2000. 12 февраля).

После апрельской встречи с Вадимом Медведевым Залыгин стал лавировать. По-другому поступил главный редактор журнала «Огонёк» Виталий Коротич. Игнорируя авторские права, он ради популярной сенсации в конце мая 1989 года поместил в своём издании с предисловием Бенедикта Сарнова старый рассказ Солженицына «Матрёнин двор».

Коротич ждал аплодисментов от почитателей «Огонька». Но ему тут же предъявил претензии представитель писателя в Москве – Вадим Борисов.

«Действуя на основании доверенности А.И. Солженицына, – написал Коротичу Борисов, – сообщая Вам, что предпринимаемая «Огоньком» публикация рассказа «Матрёнин двор» без разрешения автора явится прямым нарушением международного авторского права и воли А.И. Солженицына и неизбежно повлечёт за собой соответствующие юридические последствия».

Согласно воле А.И. Солженицына, публикация его произведений в СССР может начаться только с книги «Архипелаг ГУЛАГ» на страницах «Нового мира».

Право распоряжаться всеми последующими публикациями на территории СССР предоставлено автором «Новому миру» в лице С.П. Залыгина и В.М. Борисова.

Приложение: 1. Копия доверенности А.И. Солженицына. 2. Копия заявления А.И. Солженицына» (РГАЛИ, ф. 3401, оп. 1, д. 482, л. 1).

Стали накаляться страсти и в писательском сообществе. С разных сторон усилилось давление на Залыгина, чтобы он ускорил печатание в «Новом мире» Солженицына.

«В начале лета вопрос достиг критической точки, – вспоминал Вадим Медведев. – Складывалась ситуация, когда все основные писательские силы, принадлежавшие к самым различным, в том числе противоположным направлениям, и люди, стоящие вне группировок, заняли позицию требовательной поддержки не только реабилитации Солженицына, но и публикации всех его произведений. 26 июня я доложил об этом Горбачёву, который, впрочем, и сам располагал необходимой информацией, высказался за безотлагательное решение юридическо-правовой стороны дела, отмену решений, касающихся выдворения Солженицына и лишения его гражданства. Нельзя также дальше настаивать на нецелесообразности публикации тех или иных произведений Солженицына. Во всех этих вопросах надо поставить точку, иначе мы окажемся не то что в хвосте мчащегося вперёд поезда, а вообще вне его. Горбачёв согласился со мной, но просил ещё раз переговорить с Залыгиным».

Как и следовало ожидать, позиция Сергея Павловича оказалась ещё более жёсткой, его решения и действия были фактически уже predetermined, и повернуть вспять уже готовящуюся публикацию «ГУЛАГа» было невозможно. Но он обещал написать своё развёрнутое послесловие, в котором была бы отмечена субъективность и по меньшей мере спорность идейно-политических взглядов Солженицына по ряду вопросов истории нашей страны.

29 июня на заседании политбюро я кратко изложил суть дела, рассказал о своих дискуссиях с Залыгиным и другими деятелями культуры, о практически единодушных настроениях в писательской среде, которая в этом вопросе забыла даже о своих групповых распрях. Сколько-нибудь развёрнутого обсуждения не было, хотя по отдельным репликам и выражению лиц было видно, насколько мрачная реакция у многих моих коллег по политбюро. Никакого постановления не принималось, просто устная информация была принята к сведению. Имелось в виду, что писатели сами примут соответствующие решения».

А на следующий день состоялось заседание секретариата Союза писателей, обсудившее так называемую проблему Солженицына. В нём приняли участие Алесь Адамович, Андрей Вознесенский, Сергей Залыгин, Владимир Крупин, Сергей Михалков, Янис Петерс, Виктор Розов и другие. Были оглашены телеграммы Григория Бакланова, Даниила Гранина, Александра Иванова. В результате двухчасового обсуждения секретариат единодушно принял решение о поддержке инициативы издательства «Советский писатель» и «Современник», журнала «Новый мир» начать публикацию литературных произведений Солженицына, ранее не издававшихся в СССР, включая «Архипелаг ГУЛАГ», было отменено решение Союза писателей СССР

1974 года об исключении Солженицына из Союза писателей СССР как ошибочное. Секретариат обратился в Верховный Совет СССР с просьбой вернуть Солженицыну гражданство СССР. Все пункты решения были приняты единогласно» («Независимая газета». 2000. 12 февраля).

Восстановление художника в Союзе писателей

Здесь стоит отдельно остановиться на состоявшемся 30 июня 1989 года секретариате Союза писателей СССР. Интересно, что тон на нём пытались задать те, кто до этого много лет участвовал в гонениях на художника. Но не думайте, что они каялись. Нет, они даже не оправдывались, а просто ссылались на особенности прежнего времени.

«Я, – заявил Сергей Михалков, – принадлежу к тем писателям, которые в своё время осуждали Солженицына и главным образом за его выступления, которые тогда казались нам не советскими. И здесь, в этом же зале крупные писатели его осуждали. А в то время иначе и не могло быть. У нас не так-то много правдолюбцев, которые защищали бы его с пеной на устах, хотя может быть и надо было это сделать.

Солженицын сам не уехал – его выгнали, а он (насколько я знаю) уезжать не хотел. Его посадили в самолёт и вывезли. Это даёт происшествию другую окраску.

Во-вторых, рассматривая сегодняшний литературный процесс, и нашу жизнь вообще – общественную и политическую, – я должен сказать, что уже напечатано сто «Архипелагов ГУЛАГ», даже больше, если мы возьмём всё то, что было напечатано. Но Солженицын был первый, который начал об этом говорить. Смело, конечно, это было тогда, и огнеопасно, но он начал первый.

И сегодня для меня нет вопроса – печатать его или не печатать. Его надо печатать, конечно, и «Раковый корпус», который я в своё время читал, и другие произведения. Надо печатать. Это естественно совершенно.

Теперь единственный у меня только вопрос. Солженицын живёт в Америке. Во-первых, имеем ли мы его согласие личное? И во-вторых, мы должны ему платить в советских рублях или в валюте за его произведения?»

В таком же ключе выступил и критик Евгений Сидоров.

«Я должен заметить, – сказал он, – что сегодня гражданской смелостью будет выступать не в поддержку Солженицына, а против него. И чтобы каким-то образом это учитывалось на собрании. В общем-то Солженицын сам пробил себя и от нашей поддержки мало, честно говоря, что зависит. Мы должны всё-таки отдавать отчёт, что судьба этого человека и судьба его наследия она решалась не в Союзе писателей и сейчас она решается не в СП».

Избирательно поступил и Сергей Баруздин. Он сохранил неприятие к таким вещам Солженицына, как «Пир победителей» и «Ленин в Цюрихе», но уже был не против, чтобы в нашей стране опубликовали «Архипелаг ГУЛАГ», «Раковый корпус» и «Август 14-го».

К слову: некоторые писатели, поспешившие обрадовать некий демократический лагерь, на заседании писательского секретариата больше беспокоились не о том, как поступить по отношению к Солженицыну, а о себе любимых. К примеру, Андрей Вознесенский стал добиваться своей реабилитации: мол, в 67-м году он тоже пострадал от литгенералитета.

Линию Вознесенского, кстати, тогда же поддержал и Феодосий Видрашку, напомнивший всем, как ему досталось в начале 70-х годов за публикацию в «Новом мире» стихотворения Евгения Маркина «Бакенщик». Ну прямо все сразу захотели записаться в герои.

Из других выступлений я выделил бы ещё речь главного редактора «Литературной России» Эрнста Сафонова.

«Двадцать лет назад, в 1969 году, – напомнил он, – я уже своё слово сказал, потом много лет столько объяснялся по этому поводу, и вспоминаю, что поскольку взгляды мои здесь не менялись, ровно десять лет носил я партийный выговор за идейную шаткость, видимо, так сказать, на всякий случай, как поводок такой достаточно убедительный для давления был.

Я бы сейчас не стал обо всём этом говорить и вспоминать, потому что когда такой дружный и славный хор наших голосов – все «за», какой смысл вставать и вспоминать давние годы, если бы не несколько замечаний в связи с тем, что я слышал здесь.

Наш Союз писателей справедливо подчас упрекают за то, что мы слишком администрированы, бюрократы, слишком застойны в своих делах и т.д. и т.п. И мне кажется, что сегодняшнее наше собрание, наше заседание, оно даёт нам возможность или даст возможность, точнее сказать, доказать, что даже в такой нашей вот аппаратной, пусть не келейной, хотя мне хочется сказать келейной, обстановке, мы могли бы на этой бюрократической почве, хотел бы подчеркнуть, могли бы выглядеть отнюдь не бюрократам, а достойными гражданами.

Что для этого надо? Для этого надо не только одобрить то, что в принципе одобрено всем миром и одобрено нашим народом, то есть одобрить публикацию произведений Солженицына. Ясно, как божий день, если задержим на пять, на десять лет это всё, будет только больше тёмных пятен на нас с вами. Дело в том, что этот вопрос надо, конечно, решать, как говорят в министерствах, в комплексе, о чём раздавались голоса, вот сейчас Володя Крупин сказал, и Евгений Сидоров здесь упомянул. То есть решая опрос публикации, мы должны чётко и ясно высказать свою позицию и о факте выдворения Солженицына из Советского Союза, и о возвращении ему гражданства, или поставить вопрос, найти удобную юридическую форму для нашего решения и, конечно, навсегда расставить все точки над «i».

И мне не совсем убедительным показалось выступление товарища Николаева по поводу опасений, как бы чего бы ещё не вышло, если мы поднимем большой шум. Да не будет никакого шума! Здесь будет подтверждено справедливое решение. Здесь будет ясно и чётко заявленная позиция в новых условиях Союза

писателей. Здесь в конце концов всё уже развивается без нас с вами. И попытки оградить сейчас от какого-либо шума, я считаю, идут из тех старых времён, отсюда. Мы пытаемся поставить частокольчик хоть небольшой, ну давайте мы всё-таки поосторожничаем. Да не надо ничего. Это должно быть естественное развитие, естественное возвращение русского писателя на родину, с творчеством его, значением его, и наше решение – лишь убеждение народа в том, что мы в конце концов стоим на этой земле».

В итоге писательский секретариат постановил:

«1. Секретариат Правления Союза писателей СССР одобряет инициативы журнала «Новый мир» и издательства «Советский писатель» планирующих опубликовать в текущем году и в будущем произведения А.И. Солженицына».

2. Секретариат Правления СП СССР отменяет как неправильное, противоречащее принципам социалистического демократизма, решение секретариата Правления СП РСФСР от 5.XI.1969 года, утвердившее исключение А.И. Солженицына из членов Союза писателей СССР.

3. Секретариат Правления Союза писателей СССР поручает писателям – народным депутатам СССР поставить перед Верховным Советом СССР вопрос об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР (от 12.02.1974 г.), по которому А.И. Солженицын был лишён советского гражданства и выслан за пределы нашей страны».

Дальше началась подготовка к печати в «Новом мире» Нобелевского лауреата Солженицына первых глав из «Архипелага».

Солженицын был этому очень рад. 11 августа 1989 года он написал Залыгину:

«Дорогой Сергей Павлович!

Ваше письмо от 17.7 получил 8.8.

Я сердечно благодарю Вас за все Ваши шаги, решения, твёрдость. Теперь остаётся с надеждой ждать результатов.

И я ощущаю ту же с Вами общность – в тревоге о нашей литературе, столь много лет выживавшей под уродующим давлением. А теперь – по-своему опасный и болезненный период внезапного перехода к разбросу мщений, часто самых произвольных – до шатания и основных нравственных ценностей. Всё это тоже будет пережить нам всем нелегко. Но направление Вашего журнала показывает, что Вы это отлично понимаете и терпеливо работаете на пользу следующих, высших уровней.

Мне радостно возвратиться в сегодняшний литературный поток – через «Новый мир». И надеюсь сотрудничать с ним отныне долго.

Очень ждём к себе Вадима Михайловича, накопилось много практических обсуждений.

Мой тёплый привет всем в редакции, кто работает в помощь Вам.

Самые сердечные мои пожелания Вам и Вашей жене, Наталья Дмитриевна присоединяется.

Ваш А.Солженицын» (РГАЛИ, ф. 3401, оп. 1, д. 467, л. 3).

Наконец 16 августа 1990 года появился Указ Горбачёва о возвращении Солженицыну советского гражданства. Спустя месяц, 20 сентября 1990 года, сразу два выходивших многомиллионными тиражами издания – «Комсомольская правда» и «Литгазета» – опубликовали программную статью Солженицына «Как нам обустроить Россию». Тогда же, в сентябре, «Новый мир» начал печатание отрывков из «Архипелага ГУЛАГ». А под конец года власти уже демократической России присудили Солженицыну за «Архипелаг...» Государственную премию России, которую, правда, писатель принять категорически отказался.

Кто в начале лихих 90-х годов наживался на Солженицыне

После републикации в «Новом мире» «Архипелага...» Солженицын пошёл наконец навстречу и редакциям других журналов, а также издателям. Регулировать в Советском Союзе большинство издательских вопросов поручил Вадиму Борисову. Однако первые шаги Борисова в качестве официального представителя Солженицына многих его коллег разочаровали.

«С Димой иметь дело, в сущности, мне стало трудновато, – записала 13 марта 1990 года в свой дневник Елена Чуковская. – Он задёрган, затуркан, необязателен. Назначает время, не приходит, заболевает, не звонит.

Другое, непривычное отношение к слову. И хотя всё постоянно улаживается, но и тут я постоянно ухожу в песок, старюсь проявлять *min* инициативы.

Вообще нельзя дважды войти в одну и ту же реку и течение этой могучей реки (лит-рных произв. А.И.) по-моему идёт уже благополучно среди иных берегов: Распутин, Астафьев, Шафаревич – вот моральные ориентиры нашего героя, от коих меня мутит. Ещё и Солоухин втесался» (РГАЛИ, ф. 3401 оп. 1, д. 35, л. 20).

В июле 1990 года Елена Чуковская уже была готова пойти на полный разрыв с Борисовым. «Дошла с ним [Борисовым. – **В.О.**] почти до скандала», – отметила она тогда в своём дневнике.

Не так просто складывались у Борисова отношения и с Солженицыным. Борисов предлагал писателю передать права на все его книги некоему издательскому центру.

10 июля 1990 года Солженицын сообщил Борисову:

«Предложение передать все мои книги Вашему издательскому центру – начисто не подходят мне: это значит – всё остановить и задержать. Нет – именно всем желающим издательствам надо давать, и в этом я вижу смысл Вашей деятельности для меня, и именно об этом прошу настойчиво, и главное – для областных издательств. Провинция для меня – важнее всего. Ваш Центр только начинает дышать, посмотрим, как он будет работать, тогда и поговорим».

Через два месяца, 10 сентября Солженицын напомнил своему представителю:

«Для меня никак не возможно принять и идею моно-польного Центра, как Вы её выдвинули. Я – не буду входить в технические подробности, Вы можете обсуждать их с Алей – но контроля Центра над другими издательствами (и уже существующими по много лет, когда Центр себя ещё ничем не показал) – я принять не могу. Что областные издательства могут допускать опечатки и ляпы, ну что делать, это отражает уровень страны сегодняшний, пусть так и будет. Центру никто не мешает действовать самостоятельно, наряду с другими – не взамен их, не обзудывая их в свою пользу».

Вскоре Солженицын затребовал от Борисова финансовый отчёт. Но полученные бумаги его не удовлетворили.

«В Вашем денежном отчёте, – сообщил Солженицын 19 октября 1990 года, – исходные данные Ваши неверны. 10+15 Вы получили не «в прошлом году», а: 10 – остаток на 1 января после всех расходов 1989 (где – и 6 Соседке, это я передал ей в апреле 1989, вижу по письмам и 1 – в Караганду поему другу) + 15 Вы получили в марте 1990. Итак исходим из 25 на минувшее 1 января.

Ваш телефон-факс – 4261 (за вычетом редакционного); покупка книг – 2270 (больше, чем Вы подсчитали); Наде с мая и на момент отчёта – 500; В.Корнеевой – 300 (учтите: вся такая помощь должна идти через Фонд, а не от Вас). Если на 1 окт. 1990 остаток у Вас – 1, у Соседки – 0,5, – израсходовано 8830. К этому добавляем Ваши законные – и полученные Вами – 9000 за 9 месяцев (с изумлением читаем, что «на нужды семьи почти ничего не взято»). Итого 17830. Осталось непрояснённым – 7170. Ксерокопии, корректуры, машинисткам – вероятно ещё что-то?»

Всё-таки, Димочка, денежный отчёт – это когда строчки сходятся с итогом, а не фантазия припоминания. Договоримся так на будущее».

В какой-то момент Солженицын поставил условие, что центр «Благовест» должен был ограничиться выпуском семитомника писателя, а потом все новые проекты обязательно согласовывать с ним. Но Боров стал, мягко говоря, лукавить и действовать так, как было выгодно ему, а не семье писателя. Это разозлило художника и его жену.

13 августа 1991 года Наталья Солженицына написала Борисову:

«Как могло случиться, что «Благовест» только что выпустил «Пьесы», 8-й том? Ведь мы же твёрдо сказали, что никаких новых проектов и новых договоров без визирования АИ мы просим не предпринимать. Вы прислали договоры на 7-томник, никакого 8-го тома нигде ни следа. Ни в одном из писем с конца марта, с тех пор, что мы начали осознавать реальное положение дел, – Вы ни разу не упомянули 8-й том. Упомянул его Сперанский в своём письме – и на это я по телефону сказала Вам, что о 8-м томе не может быть и речи, – Вы никак не возразили, – а теперь вдруг готовый том, опережая недопечатанный том «Архипелага» и «Раковый?»»

Борисов попытался всю вину свалить на руководителей журнала «Театр» Афанасия Салынского и

Михаила Швыдкого. Но, похоже, Солженицыны ему доверять уже перестали.

Затем случился скандал с информационно-коммерческим центром «Новое время» (Инком НВ»), которое возглавлял бизнесмен Сергей Дубов. Он затеял выпуск массовым тиражом очередного собрания сочинений Солженицына. Но первые тома вышли в уродливом виде, на плохой бумаге, тексты были напечатаны мелким шрифтом, а цена на них оказалась немалая. Дубов на эти обвинения дал весьма расплывчатые ответы. У него во всём оказался виноват председатель российского правительства Силаев, не выделивший обещанную дотацию, и пота, выставившая центру за рассылку тиражей немыслимые счета.

После всех этих скандалов Солженицын вынужден был отказаться от услуг Борисова и открыть в Москве литературное представительство в составе Елены Чуковской, М.Уразова и Михаила Работяги. Изучив состояние дел с изданиями книг художника в кооперативе «Издательский центр «Нового мира», это представительство пришло в ужас.

21 апреля 1992 года оно подготовило подробную справку. В ней сообщалось:

«По данным перечня договоров, заключённых кооперативом «Издат. Центр «Н.м.» подписан 21 договор с различными партнёрами на издания произведений А.С.на (один договор заключён сразу на два разных издания). В соответствии с этими договорами вышло в свет 13 изданий, 7 договоров расторгнуто, от одного из партнёров (СП «Хорос», г. Таганрог) никаких сведений не поступило (судя по читательскому письму из Ростовской области книга вышла: «Раковый корпус» местного издания в продаже был).

В число 13-ти известных нам, осуществлённых изданий (книги перечислены в последовательности дат заключения договоров «Центра» с партнёрами) входят:

«Архипелаг ГУЛАГ» – «Сов. писатель», договор от 29.11.89

То же – кооператив «Либра», договор от 20.03.90

Малое собр.соч. в 8 томах – ассоциация «Благовест», договоры от 27.03.90 и 5.04.91

«Один день...» – Камчатская организация об-ва «Книга», договор от 2.04.90

«В круге первом» – «Гиперион», Кишинёв, договоры от 10.04.90 и 11.10.90

«Один день...» – Херсонская орг. ДОК, договор от 18.05.90

То же + рассказы и Нобелевская лекция – НПФ «Биосервис», Новосибирск, договор от 6.08.90

Малое собр. соч. в 7 томах – ИНКОМ НВ, договор от 18.08.90

Собрание вышло двумя изданиями: «подписное» (через «Н.м.» и «Владимирское» (своб. продажа)

«Один день...» – кооператив «Золотое кольцо», договор от 21.08.90

«В круге первом» – Омское изд-во, договор от 22.10.90

«Раковый корпус» и рассказы – Пермское изд-во, договор от 23.10.90

«В круге первом» – «Панорама», договор от 31.07.91

В соответствии с перечисленными договорами «Центру» должны были поступать отчисления от парт-

нёров: 5–15% от стоимости каждого экземпляра (его отпускной цены). «Центр» со своей стороны должен был:

- а) предоставлять изд-вам право на издание по договору с представителем автора – В.М. Борисовым.
- б) предоставлять тексты произведений.
- в) выплачивать автору гонорар по гос. расценке – из расчёта 420 р. за авторский лист каждого 100-тысячного тиража.
- г) предоставлять автору экземпляры своих изданий (авторские).

Состояние дел в середине апреля 1992 г. таково:

1) Большинство договоров стали известны автору полтора года спустя после их заключения. Содержание этих договоров явилось для автора полным сюрпризом.

2) С выплатой гонорара автору (но не «Центру» (!) происходят неоправданные задержки:

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

1. 7-ми томник ИНКОМ-НВ (подписной). 1990–1991, 1 млн. 100 тыс. экз. Весь гонорар автор передал в «Русский общественный фонд». Никаких выплат по этому изданию не делалось.

2. 7-ми томник ИНКОМ-НВ (Владимирский). 1990–1991. 1млн. экз. Не оплачен 4-й том, не завершены выплаты по т. 5.

3. 8-ми томник «Благовест». 1990–1991. 300 тыс. экз. Тогда же оплачены т. 1 и т. 2. Выплата за тома 5–7 произведена лишь в феврале 1992 г., поэтому автор попал под новое налоговое законодательство. Тома 3, 4 и 8 не оплачены.

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

4. «В круге первом». «Панорама», 1991. 100 000 экз. Гонорар не выплачен.

5. «Один день...». М.: «Центр «Н.м.» и кооператив «Золотое кольцо» (1990), 30 000 экз. Гонорар не выплачен.

6. «Один день...». Херсонская орг. ДОК, 1990. Гонорар не выплачен.

7. «Раковый корпус» и рассказы. Пермь. Кн. изд-во. 1991. 100 000 экз. Гонорар не выплачен.

«Центр» расплатился за 5 изданий: «Архипелаг» в «Сов. писателе», «В круге первом» (Омск и Кишинёв), «Один день...» (Камчатка), «Один день...» и рассказы (Новосибирск). Свой гонорар за издание «Архипелага» в кооперативе «Либра» автор передал в фонд издания этой книги и её безвозмездной передачи бывшим з/к.

«Центр» не торопится выполнять свои обязательства перед автором ни по выплате гонораров ни по предоставлению авторских экз.

Необходимо подчеркнуть, что вся издательская деятельность «Центра» по изданию книг А.Солженицына проводилась вопреки прямому его запрету. А.Солженицын категорически запретил каким бы то ни было посредникам устанавливать дополнительные поборы с читателей и требовал прямых договоров автора с издателем. Между тем кооператив «Издательский центр «Н.м.» выполнял чисто посреднические, а не издательские функции. При этом свой труд кооператив оценивал по кооперативным расценкам, а труд автора – по государственным.

В результате этой деятельности «Центра», широко развернувшейся в 1990–1991 г. нанесён серьёзный

материальный ущерб «Русскому общественному Фонду» и автору. Этому же ущербу дополнительно способствует задержка с выплатами по семи из тринадцати изданий. Эта задержка осуществлена «Центром» в условиях инфляции и изменения законодательства.

И последнее.

Копирайт на издания «Архипелага» во всём мире принадлежит «Русскому общественному Фонду». После того, как осенью 1991 г. содержание договоров «Центра» с представителем автора В.М. Борисовым стало известно автору и Правлению Фонда, Борисов был лишён авторской доверенности.

В Швейцарии было подписано новое Генеральное соглашение, обязывающее «Центр» произвести дополнительные выплаты Фонду за «Архипелаг».

ПРИЛОЖЕНИЯ: Образец договора «Центра» с представителем автора. Статья президента Русского общественного фонда Натальи Солженицыной в газете «Труд» от 22.04.92 г.» (РГАЛИ, ф. 3401, оп. 1, д. 448, лл. 3, 3 об., 4).

Но многое уже было упущено и возратить оказалось невозможно.

В успехе далеко не уверен

Вскоре после распада Советского Союза стало известно, что Солженицын вроде бы изъявил желание вернуться в Россию. Во всяком случае представители писателя зачастили в Москву для обсуждения различных вариантов переезда художника.

Летом, точнее – 10 июля 1992 года у Солженицына в Вермонте побывал публицист Юрий Карякин. После встречи он отметил в своём дневнике:

«А.И.С. – единственный человек из тех, кого я знаю лично или понаслышке, который выполняет свои планы.

Почему?

1) Наиболее реалистичны, тщательно разработаны (планы).

2) Невероятная воля (от осознанности призвания), целеустремлённость. Слишком много было встреч со смертью.

3) Беспощадное отсечение всего остального, второстепенного».

Понятно, что власть хотела использовать возвращение Солженицына в своих целях. Не случайно в декабре 1993 года президент России Борис Ельцин направил писателю личное поздравление по случаю его 75-летия. Однако художник ответил весьма сдержанно.

В РГАЛИ в фонде Елены Чуковской сохранилась копия его письма. Солженицын писал:

«Президенту Б.Н. Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич!

Благодарю Вас за поздравление к моему 75-летию. С возвратом на российскую землю, может быть, мне удастся быть в чём-то полезным нашей измученной родине.

Надежду на духовную силу нашего народа не теряю

и я. Но со страданием вижу грозное обнищание народного большинства, приватизацию в пользу избранных, всё идущий бесстыдный разраб национального достоинства, густую подкупность государственного аппарата и безнаказанность криминальных шаек. И никак не видно, чтоб ожидалось близкое улучшение в этом кольце бед. Если не возьмёмся бесстрашно и бескорыстно бороться с этими язвами, одолевающими нас.

С добрыми пожеланиями,

А.Солженицын

13 декабря 1993» (РГАЛИ, ф. 3401, оп. 1, д. 466, л. 1).

Надо отметить, что настроение тогда у Солженицына было далеко не юбилейное.

«Дорогой Наум Моисеевич! – сообщил он 31 декабря 1993 года Науму Коржавину. – (уже как-то язык не поворачивается сказать «Эмма», не тот возраст)

Спасибо за память.

И мы с Н.Д. поздравляем Вашу семью с Новым годом – поздравление традиционное, хотя все последние годы трудно вложить в него полный смысл, да ещё добавить «со счастьем».

Да, гайдаровская реформа совершенно безголовая и безумная, а кроме того – безмерно жестока к народу. Ещё один – эксперимент над несчастной страной, рождённый в кабинетах. Глубина сегодняшней народной нищеты не переносима и по реальному уровню – и особенно потому, что пока что идёт ещё к худшему. И цинично звучат поздравления высших руководителей к народу: что он не прорвался в социальных бунтах. Если не очнутся верха – так и прорвётся. Нельзя до такого доводить.

А номенклатурно-коммерческая олигархия не имеет чувства меры вести себя сдержанно, ещё и демонстрируют своё «накопительное» торжество.

Возвращаемся мы – на тяжелейшую жизнь, не без опасностей (КГБ, мафия, фанатики коммунизма, для которых я – разрушитель прошлого светлого счастья). Приложу силы быть полезным, но в успехе далеко не уверен. Но для меня этот возврат – естественное продолжение моей жизни, иначе она не могла бы идти.

Да, «Красное Колесо» – опоздало сработать, теперь будет лишь уделом для дальних потомков. До 1989 – меня держали, не пустили, а с 1990 – начался развал издательского дела.

Во всех Ваших выступлениях вижу большую трезвость – и желаю Вам не только её сохранить, но и – проявлять вовне.

Всего Вам доброго!» (РГАЛИ, ф. 3323, оп. 1, д. 355, л. 1).

Путь с Востока

Возвращение в Россию Солженицына происходило во многом необычно. Писатель придумал свой ход и отправился на родину не проторённой многими дорогой – с Запада в Москву. Он явился с Востока.

27 мая 1994 года Солженицын с женой и младшим сыном Степаном вылетел из Америки во Владивосток. По пути самолёт сделал короткую остановку в Магадане.

Местные власти решили, что наряду с другими в аэропорту живого классика должен встречать и бывший эзк Мирон Этлис, который к тому времени стал на Колыме уважаемым врачом и учёным. Спустя много лет, уже в сентябре 2012 года Этлис, рассматривая фотографию появления Солженицына на колымской земле, сказал бывшему сотруднику ФСБ Петру Цыбулькину:

«Это знаменитая фотография – встреча Солженицына здесь. Он же под «конвоем» БИ-БИ-СИ приехал сюда и открыл дорогу свою по России. От Владивостока он не хотел: Магадан чтобы начался. Он хотел лететь, он прилетел. Но юридически ритуал у него начался с железной дороги. И БИ-БИ-СИ было удобнее работать так.

С Солженицыным я знаком никогда не был. Я в лагерь когда приехал – он уехал. Он уже писал тогда «Раковый корпус».

Путешествие Солженицына по Сибири продолжалось почти два месяца. Потом во всех крупных городах его вагон отделялся от поезда на один-два, а то и на три дня.

В Москву на Ярославский вокзал Солженицын прибыл 21 июля.

Поначалу писатель был окружён вниманием и заботой Кремля. Ему создали замечательные бытовые условия. Он получил эфир на главном телевизионном канале. Ему дали трибуну в высших органах власти.

«Общее впечатление от Солженицына: по-прежнему лучезарен и деятелен, – записал в свой дневник после встречи с писателем 12 января 1995 года Юрий Карякин. – Ну, кто из нас совершил ПОДВИГ, равный ему? Кто так одолел самое главное, т.е. – не внешнее, не среду, а самого себя? Кто еще так честно в этом признался и исповедался? Кто затратил столько сил на то, чтобы – искупить свою вину, как она ему предстаёт?

Все мы юлим перед вечностью, каждый – на свой аршин, откладываем себя на завтра, а смерть застигает нас врасплох, не высказавшихся до конца, да и можно ли до конца, но хотя бы попытаться. Загоняем неистребимую страсть высказаться до конца, до самого-самого конца, и – теряем постепенно самую эту способность – уже и слов, и искренности недостаёт. И жирком оплыли мысли твои мускулистые. И честные ясные глаза замутились. А всё равно, всё равно – где-то на доннышке совести – и взрыв предстоит, взрыв жажды исповеди и покаяния, и, главное, жажды искупления.

Чем ближе к смерти, тем хитрее, ловчее, т.е. подлее от неё, от смерти, отговариваемся, отбалтываемся... (О.Мандельштам). И вдруг наступает этот, внезапно, неожиданно-негаданно, а на самом деле столь же ожидаемо, этот момент. И вдруг пронзаемся небывалой молнией – дооткладывался, не успел!».

Однако в России Солженицыну долго купаться в лучах славы не дали. Он очень скоро оказался неудобен Кремлю. Не сильно стал жаловать его и обнищавший народ. Так что завершающая глава в жизни Солженицына оказалась не менее сложной, чем предыдущие.